

№ 3 - 1927

ПРИКЛЮЧЕНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П. П. СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД
СТРЕМЯНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
«БУНТ АТОМОВ»,—научно-фантастический рассказ <i>В. Орловского</i> , иллюстрации <i>Н. Ушина</i>	1
«ПАПИРОСЫ КАПИТАНА ДЕ-САНГИЛЬБЕРА»,—рассказ <i>Н. М. Денисенко</i> , иллюстрации <i>С. Э. Лузанова</i>	22
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ»,—задача № 14	29
«ПОЛЧИЩЕ УЖАСА»,—рассказ <i>В. Г. Кальдерона</i> , с испанского пер. <i>С. Кублицкой-Пиоттух</i> , иллюстрации <i>С. Мочалова</i> . . .	30
НА ДАЛЕКИХ' ОКРАИНАХ,— «МАХАУ»,—рассказ <i>Б. Ларионова</i> , рисунки с натуры <i>И. А. Владимиров</i> а	34
«ВЫИГРЫШ ОО-ЛАЙ-Ю»,—рассказ из эскимосской жизни <i>Х. Т. Мунна</i> , иллюстрации <i>М. Мизернюка</i>	40
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ»,—задачи №№ 15 и 16.	46
«АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ»,—рассказ <i>Б. П. Никонова</i> , иллюстрации <i>Н. М. Кочергина</i>	47
ЗА РАБОТОЙ,— «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»,—очерк <i>В. Аристова</i> , иллюстра- ции <i>М. Яковлева</i>	55
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ»,—Задачи №№ 17, 18, 19	60
«МАТЕРИНСКАЯ СТРУНКА»,—рассказ <i>К. Р. Личфильда</i> , иллюстра- ции <i>М. Крестовского</i>	61
«БЛОХИ - АРТИСТЫ»,—очерк <i>А. Петренко</i> , фотографии с натуры .	67
«ДОЛГ СЕРДЦА»,—эпизод из жизни на реке Амазонке,—рассказан <i>К. Рейесом</i> , иллюстрации <i>С. Маринского</i>	70
ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ,—Откровения науки и чудеса техники: «Американская наука в борьбе с преступностью»,—очерк <i>В. Н.</i> , с иллюстр.	73
Рентгеновские лучи, проникающие сквозь стену, с иллюстр. .	75
Искусственные острова в океане, с иллюстр.	76
Как делают движущиеся рисунки, с иллюстр.	77
Прыжок в пространство на аэроплане, с иллюстр.	77
Новый способ передвижения по воде и по воздуху, с иллюстр.	78
Фотограф-автомат, с иллюстр.	78
Новое племя лиллипутов, с иллюстр.	79
Самая удивительная ящерица в мире, с иллюстр.	79
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ»,—решения задач	80

Обложка работы худ. *Н. Ушина*.

Бунт атомов

Научно-фантастический рассказ
В. ОРЛОВСКОГО

Иллюстрации Н. УШИНА.

Глава I.

ПРОФЕССОР Флиднер был сильно не в духе. Несмотря на свое обычное самообладание, он чувствовал, что на этот раз не может взять себя в руки, сознательно и твердо вести мысль по пути ясных логических выводов и широких обобщений. Их стройное течение по серым ниточкам мозга,—будто цеплялись друг за друга звенья железной цепи,—доставляло ему всегда огромное наслаждение. Но сегодня он был не в состоянии направить поток в спокойное, твердое русло; это портит настроение, и даже привычная сигара казалась горькой и безвкусной.

Конечно, этому были причины.

Во-первых, сегодня утром Флиднер обнаружил в рабочем кабинете, помещавшемся рядом с лабораторией, исчезновение некоторых документов, касавшихся его работы. Кража была совершена ночью с невероятной, почти неслыханной наглостью. Лаборатория была расположена в саду, в отдельном здании, сзади большого жилого корпуса. Окна были затянуты железной решеткой, и от них и от дверей устроена сеть проводов тревожной сигнализации, не говоря уже о ночных сторожах из старых унтер-офицеров. И все же провода оказались перерезанными, решетка распилена, вернее у краев расплавлена водородным пламенем или чем-либо в этом роде, а стекло в раме вырезано и вынута.

В комнате царил беспорядок. Два ящика стола были взломаны, и содержимое их выброшено на пол. Воры, видимо, торопились, так как не успели тронуть остальных. Но что хуже всего, — был взломан несгораемый шкаф, и один из его внутренних ящиков тоже опустошен. Остальные носили следы попыток их вскрыть, но остались целы.

Что-то спугнуло ночных посетителей, и они бежали поспешно, не успев кончить дела. Это было видно и по оставленным ими следам: оброненный у окна, запачканный грязью и сажей носовой платок, капли крови у шкафа,—вероятно, от ссадин на

руках, и обрывок вчерашней газеты. Никаких следов в саду не было, но вызванные профессором полицейский комиссар и агент сыска одобрительно покачали головами, осмотрели все и уложили в портфель найденные предметы, а затем явились с собакой; ищейка, выпрыгнув в окно, потащила своих проводников к каменной стенке, в которой оказался замаскированный кустами пролом, и дальше через двор— в одну из людных улиц Берлина. Словом все происходило так, как бывает обычно в подобных случаях, но Флиднер не мог отделаться от досады и раздражения, проводив агентов, уверявших его, что все идет наилучшим образом.

Просмотрев бумаги и документы, он обнаружил отсутствие некоторых из них, содержавших черновые наброски недавних работ; в них были данные, которые Флиднер держал в секрете и которые послужили для него звеном в дальнейшей работе.

И, разумеется, он отлично знал, кто стоял за кулисами всей этой истории. Здесь видна была направляющая рука знатока дела. Уже несколько лет в Нанси производились опыты в том же направлении. Маленький, сухонький старичок с пронзительным взглядом глубоко сидящих глаз, с седым хохлом на лбу и остренькой бородкой, портреты которого Флиднер с таким большим любопытством и злобой рассматривал в «Illustration», руководил этой работой и протягивал сюда свои жадные, цепкие пальцы. Эти два соперника не встречались

друг с другом ни разу в жизни, но ненавидели один другого со всей глубиной чувства, на которую каждый был способен по-своему.

Они были словно две лошади, скачущие к одному призу. И призом этим являлось овладение колоссальной энергией, дремлющей вокруг в неизмеримых количествах внутри мирядов атомов.

От того, кому из них первому удастся взнудать эту силу и направить по своей воле, зависел в огромной степени исход глухой борьбы между двумя народами, борьбы, не прекращавшейся в сущности ни на минуту и после того, как перестали греметь пушки и рваться в клочья человеческое мясо.

Сегодня в этой скачке его противник взял фору,—обстоятельство достаточное, чтобы совершенно испортить настроение духа.

Но было и еще неприятное. Опасность грозила с другой стороны. Уже года два в лаборатории Флиднера работал научный сотрудник, молодой инженер, командированный сюда из России, этой удивительной страны, где еще недавно питались человеческим мясом и падали мертвыми от голода на улицах городов, а теперь интересовались электрификацией, распадом атомов, излучениями нервной системы и чорт знает еще чем, что, по мнению Флиднера, было вовсе не к лицу этим дикарям и каннибалам. Вначале Дерюгин ничем не выделялся из среды остальных сотрудников Флиднера и даже казался немного тугодумом, во всяком случае не из тех людей, которым суждено открывать Америки. Он занимался работами в области химии радиоактивных веществ, и, хотя они тесно соприкасались с исследованиями профессора, но не возбуждали в нем беспокойства.

Но вот уже сполгода, как Флиднеру стало казаться, что Дерюгин знает гораздо больше, чем хочет показать, и чем ему знать следовало. Этого, конечно, нельзя было утверждать несомненно, однако по некоторым вопросам, по брошенным вскользь замечаниям, по постановке опытов, не связанных непосредственно с его ра-

ботой — профессор начал угадывать пылкий ум, настойчивый и смелый, стремящийся проникнуть в захватывающую тайну. Блеск, который этот несколько сутулый человек не всегда мог потушить, и загоравшийся в глубине его глаз каждый раз, когда на лекциях или во время практикума заходила речь о распаде атомов,—наполнял Флиднера смутной тревогой.

Это было, пожалуй, опаснее даже маленького старичка из Нанси, потому что было слишком близко, у себя под боком. Все настойчивее приходила в голову мысль о необходимости так или иначе отделаться от неудобного сотрудника.

Эйгель, сын профессора, служивший волонтером в кавалерийском полку рейхсвера, ненавидел Дерюгина всем пылом тяжеловесной, угрюмой ненависти и давно говорил отцу, что, будь он на его месте, он давно отправил бы этого «московского шпиона» ко всем чертям и во всяком случае не подпустил бы на пушечный выстрел к лаборатории. Сейчас Флиднер начинал соглашаться с мнением сына. Все же нужен был какой-нибудь благовидный предлог.

Да, все это не могло способствовать благодушному состоянию духа. Не говоря уже о том, что газеты каждый день доставляли достаточно пищи для самых мрачных размышлений. Эти молодчики, там, за Рейном,—совсем распоясались. Они позволяли себе такие штуки. Они так покровительственно похлопывали по плечу поверженного противника, так третировали его несчастную родину, что у Флиднера сжимались кулаки и захватывало дух.

— Ну, да ладно,—думал старик:—хорошо смеется тот, кто смеется последним,—это их же поговорка. Посмотрим, кто посмеется, когда он, Флиднер, даст Германии могучую, непобедимую силу, которая, он чувствовал, вот-вот должна брызнуть мощным потоком по его лаборатории. Посмотрим!

Флиднер с сердцем ткнул опротивевшую недокуренную сигару в пепельницу, так что кучка пепла высыпалась на стол, и вышел из комнаты.

Был час обеда, и он соблюдался в семье очень строго. У окна, барабана пальцами по стеклу, стоял высокий молодой человек в военном мундире.

— Здравствуй, отец, — заговорил он — а я только что опять встретил твоего рыжего московского иднота. Когда же ты, наконец, от него отделеешься? Я его видеть не могу спокойно. Он неизменно портит мне настроение, этот азиат.

Профессор молча пожал плечами.

За обедом Эйтель рассказывал рассеянно слушавшему Флиднеру о служебных делах, о лошадях эскадронной конюшни, о сослуживцах; с почтением, почти трепетом говорил о полковнике.

— Кстати, он с большим уважением отозвался о тебе, отец; сказал, что Германия тебе многим обязана и еще больше от тебя ждет.

Профессор улыбнулся: немного смешно и все же приятно было слышать такое признание своих заслуг из уст гусарского полковника.

— К слову сказать об этом, — продолжал Эйтель: — если можешь, расскажи мне в самых общих чертах о значении твоих последних работ. А то, право, любой фендрик в нашем казино знает об этом больше меня.

Флиднер улыбнулся.

— Пожалуй, ты прав. Попробую исполнить твою просьбу. Ты представляешь себе, что главная задача человека на земле — это борьба за энергию, которую он черпает из природы в самых разнообразных видах?

Гусар кивнул головой.

— Каждое новое взрывчатое вещество, каждая вновь сконструированная машина — это новый, более удобный, дешевый или целесообразный способ выкачивать из мира энергию, которая движет наши пароходы и поезда, работает на фабриках и заводах, носит по воздуху наши аэропланы, бросает за десятки и сотни километров наши снаряды. Но запасы каменного угля на земле иссякают, да их у нас и отняли; нефти тоже нет. Сила рек ограничена, а главное, — все это связано с тяжелыми, громоздкими массами вещества. Между тем неисчерпаемые источники энер-

гии рассыпаны вокруг нас в изобилии всюду.

— Где же это?

— Да где хочешь. Вот в этом куске железа, который лежит у меня на столе, в луже грязной воды на улице, в дорожной пыли под нашими ногами — всюду, куда ни взглянешь.

— Я не понимаю.

— Знаешь ли ты, что такое атомы?

Эйтель улыбнулся.

— Кое-что слышал о них. Кажется, что-то очень маленькое.

— Вот именно, — невольно рассмеялся профессор, — и в этих-то невообразимо маленьких кирпичиках, из которых складываются все тела вселенной, и скрыты эти колоссальные запасы энергии. Атомы представляют собою концентрированное, сгущенное электричество. Они похожи на бесчисленные тьмы миниатюрных туго свернутых пружинок, или еще лучше маленькиe зарядики необычайно сильного взрывчатого вещества. И когда мы научимся открывать замок этих пружин, взрывать эти снарядики и управлять выбрасываемой ими вместе с тем энергией, — мы откроем новую эру в истории человечества: мы призовем к работе дремлющую вокруг нас силу, мы наведем мир дешевой и неиссякаемой энергией, мы освободим человечество от проклятия непосильного труда, выведем его на новую дорогу, мы...

— Мы прежде всего напитаем этой силой наши орудия и продиктуем свои условия в Париже и Лондоне, — прервал Эйтель, стоя посреди комнаты с блестящими глазами и грозя кулаком куда-то в пространство.

Глава II.

ФЛИДНЕР повернул выключатель и закрыл за собою дверь лаборатории. Вспыхнувший свет озарил знакомую картину, сразу охватившую душу тишиной и покоем рабочей атмосферы. Тянулись по стенам провода строгими линиями; костяными пальцами торчали там и сям между ними рубильники; поблескивали стеклянные приборы на столах и полках; отсвечивали желтоватыми бликами медные части аппаратуры; мраморная распре-

Проф.
Флиднер.

делительная доска с ее приборами и цветными лампочками придавала просторной комнате вид холодный и торжественный.

На большом мраморном же столе у задней стены помещалась установка, с которой должна была начаться работа. Флиднер остановился около нее с чувством внутреннего удовлетворения и трепетного ожидания. Все, что здесь было, являлось отблеском и воплощением его мысли. Каж-

дый рычаг, каждый винтик, виток проволоки, каждый контакт проводников—все до последней мелочи было тщательно продумано, взвешено и рассчитано. Этот же новый аппарат был всецело его детищем. К обычному способу расщепления атомов при помощи бомбардировки их ядрами гелия, вылетающим из радиоактивного вещества, он прибавил действие электрического поля огромного напряжения. Этим ускорялась быстрота полета и сила удара миниатюрных снарядов. А сегодня он предполагал испытать влияние некоторых примесей к разлагаемому азоту, примесей, рассеянных в трубке с газом в виде тончайшей, взвешенной, пыли.

Флиднер внимательно проверил схему расположения приборов, установил микроскоп над флуоресцирующим экраном, вспышки которого должны были отмечать пути обломков атомов,—и включил ток. Раздалось глубокое, грузное жужжание трансформатора. Будто в окно из мрака ночи билась крыльями и гудел гигантский шмель, сотрясая ударами бетонные стены.

Профессор погасил свет и взглянул в микроскоп. Там была обычная картина: будто падающие звезды в тихую августовскую ночь мерцали по темному полю слева направо, по направлению тока, вспышки мечущихся атомов: светлые черточки бороздили

поле зрения, местами перекрещивались, сталкивались, гасли, снова вспыхивали, и странной была мертвая тишина, в которой сыпался этот пламенный дождь. Затем поворотом маленького крана Флиднер впустил в трубку аппарата облачко пыли, которая должна была служить возбудителем и усилителем процесса. И сразу же изменилась картина в темном поле прибора. В поток огненных линий ворвались пучки лучей, разбрасывавшихся то там, то здесь во все стороны от одной точки, точно взрывы миниатюрных снарядов. Это были уже не отдельные осколки, а целые атомы под ударами усиленной бомбардировки рассыпались на десятки и сотни обломков. Рушились микроскопические миры, беззвучно грохотали катастрофы, одна за другой брызгали вспышки лучей.

И попрежнему стояла тишина, нарушаемая однообразным гудением трансформатора.

Флиднер почти не верил своим глазам. Это значило, что задача, наконец, решена, найден ключ к таинственной сокровищнице, одержана неслыханная победа.

Он бессильно опустился в кресло, потрясенный совершившимся. После десяти лет упорной работы он был, повидимому, у цели. Эту мысль трудно было осознать сразу. Он сидел погруженный в смутное состояние полужабытия, полубреда.

Хлопнула выходная дверь; вероятно, ассистент Гинце кончил работу и ушел к себе; Флиднер почти не заметил этого; он оставался во власти охватившего его волнения, пытаясь представить мысленно головокружительные перспективы, открывающиеся перед человечеством. Ничтожная шепотка вещества должна была дать энергию, которая в течение многих часов могла двигать океанские пароходы, многотонные поезда, большие промышленные предприятия! Миллионы, миллиарды лошадиных сил, конец борьбе за энергию! Господство над самой материей!

Так прошло около получаса в этом полусне, полугрезе оцепеневшего мозга. Когда, наконец, Флиднер на-

клонился снова над окуляром микроскопа, то, что оказалось в поле зрения прибора, было настолько неожиданно, что он вскрикнул.

Уже не было видно отдельных огненных линий или пучков лучей, — весь круг был охвачен бушующим огненным морем; дыбились и кружились пламенные вихри, уносясь слева направо вдоль тока. Флиднер инстинктивно схватился за рубильник и выключил электричество. Трансформатор умолк, и настала мертвая тишина, от которой сердце сжалось тоскливым предчувствием.

Картина под микроскопом изменилась мало. Также бушевало огненное море, только не было теперь течения его в одном направлении. Вихри мчались, сталкивались и разбегались во все стороны в полном хаосе. Флиднер протянул руку к выключателю и осветил лабораторию. Это его несколько успокоило. Стояли на своих местах аппараты, реторты, склянки, торчали со стен костяными пальцами рубильники, темнели окна ночную тенью, и в правом стояла яркая красноватая звезда, вероятно, Арктур. Все вокруг было простое, знакомое и понятное.

Чего он в сущности испугался? Глупая игра расхоловшихся нервов. Просто, глядя на это еще новое явление, он вспомнил недавнюю фразу Дерюгина, повторявшего слова Астона о том, что исследования над внутриатомной энергией — работа с огнем на бочке с порохом. И вот померещилось, что сию минуту развязанная им дикая сила разнесет вдребезги и лабораторию, и все вокруг. Какой вздор! Ну вот, — он остановил работу аппарата, и ничего не случилось. Правда, начавшийся процесс, видимо, продолжается дальше сам собою. Ну что ж, — и отлично: теперь вопрос только в том, чтобы утилизировать освобождающуюся энергию, не расточать ее попусту.

Он взглянул на аппарат сбоку.

Под объективом микроскопа сияла видимая уже простым глазом яркая точка. Нагнувшись ближе, он с удивлением убедился, что стеклянная трубка проплавилась, и бледно-сине-

ватая звездочка вздрагивала снаружи прибора, у самой медной оправы. Неприятный холодок снова побежал по спине.

Машинально он протянул руку к блестящей точке, но тотчас ее отдернул: пальцы обожгло, как раскаленным железом, и сильным ударом сотрясло все тело.

И вдруг ему показалось, что сверкающая точка растет на его глазах, что это уже не точка, а шарик величиной с горошину. Он протер глаза, снова взглянул и почувствовал, что волосы на голове у него зашевелились, а лоб покрылся холодной испариной.

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Флиднер схватил стакан с водою, стоящий на столе, и выплеснул содержимое под микроскоп. Раскаленная трубка с треском лопнула, осколки стекла посыпались на пол; облачко пара поднялось с шипением из-под огненного шарика, а сам он, слегка качнувшись, отодвинулся в сторону и остановился над мраморным столом, чуть вздрагивая, будто пульсировала в нем еле сдерживаемая сила.

И теперь было очевидно, что он растет с каждой минутой медленно, но неизменно. Флиднер поймал себя на том, что у него прыгает нижняя челюсть и зубы стучат друг о друга. Он стоял неподвижно, схватившись руками за стол, с помертвевшим лицом и дико вытаращенными глазами. Теперь было ясно.

Это — катастрофа, катастрофа, какой не бывало еще на земле, как ни дико было об этом думать. Вызванный им в крупинке газа распад атомов оказался настолько энергичным, их осколки с такой быстротой и силой разбрасывались вокруг, что, наталкиваясь на соседние молекулы,

Эйтель Флиднер.

разбивали их в свою очередь, и теперь процесс распространялся неудержимо от частицы к частице, освобождая скрытые в них силы и превращая их в свет, тепло и электрические излучения.

Он высек искру, из которой должен был вырасти мировой пожар! И уж ничто не было в состоянии остановить начавшееся разрушение. Ничто! Разумеется, ведь мы бессильны влиять на процессы внутри этих в сущности почти не изученных микрокосмов! Ничто! Ничто! И мир еще ни о чем не знает, не предчувствует, что здесь, в тиши лаборатории, разразилась катастрофа, которая должна разнести в космическую пыль земной шар. Никто ничего не знает! Спят, ходят, едят, работают, смеются, заняты миллионом своих маленьких дел, а между тем над миром стала тень смерти!...

И это сделал он, Конрад Флиднер... маленький, седенький старичек, за здоровье которого вчера пил гусарский полковник. Он вдруг начинает смеяться, все громче и громче, зубы стучат, нижняя челюсть прыгает, как на веревочке... Потом он бросается к двери и, распахнув ее, бежит без шляпы, с развевающимися волосами, по темным дорожкам сада, наталкивается на деревья, падает, снова поднимается и опять бежит к дому, не переставая смеяться...

Глава III.

В УТРЕННИХ газетах под жирным заголовком появилось известие о самоубийстве профессора Флиднера. Мальчишки возвещали об этом пронзительными голосами, размахивая своими листками, которые они совали в руки прохожих.

Дерюгин узнал о происшедшем, уже подходя к институту, куда он шел на работу. Флиднер! Невозмутимый, каменно-спокойный Флиднер, больше похожий на машину, чем на человека.

Новость поразила инженера, как громом. Он чувствовал в ней событие более значительное, чем можно было заключить из газет. Там объясняли случившееся внезапным приступом душевной болезни. На эту мысль наталкивала оставленная профессором

записка, в которой непонятные фразы, лишённые, повидимому, всякой связи, свидетельствовали о хаосе мыслей, овладевших им перед смертью. «Всеобщее разрушение! Мировой пожар... Астон оказался прав... Это сделал я... Он растёт с каждой минутой»... Это казалось просто набором слов. Но на Дерюгина бессмысленные фразы письма произвели потрясающее впечатление. Ему стало страшно. В них слышалась невероятная, нелепая угроза, которая вдруг показала невозможной. Он почти побежал, прдираясь сквозь людской поток, по направлению к институту, и у самых дверей лаборатории столкнулся с Гинце.

— Что случилось?—спросил он у ассистента, стоявшего перед запертой дверью. Тот пожал плечами.

— Я знаю столько же, сколько и вы, коллега. Во всяком случае это огромная потеря для Германии, почти невознаграждаемая.

— Да, ужасный случай,—ответил инженер,—но я боюсь, что это еще не все...

— Что вы хотите сказать?

— Мне кажется, что случилось что-то в лаборатории. Вы не знаете, что там делал вчера вечером профессор?

Гинце подозрительно взглянул на говорившего и ответил неохотно:

— Кажется, он собирался попробовать новую установку, имевшую целью ускорить разложение атомов некоторых газов...

— Послушайте, Гинце,—заговорил Дерюгин взволнованным голосом,—я понимаю, что вам мои слова кажутся странными, может быть, дерзкими, но дело слишком серьезно, чтобы пререкаться из-за условностей. Я давно следил за работой профессора и интересовался ею. И теперь, повторяю, я боюсь, что там случилось несчастье.

Гинце молча пожал плечами; однако, он чувствовал, что и сам заражается смутной тревогой.

Дверь лаборатории оказалась открытой. В ассистентской служитель с длинной железной палкой, на которую намотана была тряпка, обметал пыль. Он приветствовал вошедших

коротким: «Guten Tag» *). Они направились почти бегом в лабораторию профессора.

Гинце был впереди. На пороге большой комнаты он невольно остановился и прикрыл глаза рукой, ослепленный неожиданным светом. За ним Дерюгин молча, весь бледный, рассматривал представившуюся их глазам картину. На большом мраморном столе, где была собрана новая установка, сиял нестерпимым блеском, так что глазам становилось больно, пламенный шар величиной с человеческую голову. Он вздрагивал и как будто пульсировал. На ослепительном фоне его пробегали синеватые жилки, и вся комната вокруг была наполнена голубоватым туманом. В том месте, где шар касался поверхности стола, слышалось легкое шипенье и потрескивание. В комнате было жарко и душно, как бывает перед сильной грозой, и ощущался острый запах озона.

Гинце и его спутник стояли, как изваяния, не смея тронуться с места и не отводя глаз от странного явления.

— Господин Гинце!—воскликнул с удивлением служитель, вошедший след за ними,—ведь там горит что-то!

И не успел никто из присутствовавших его остановить, как он бросился к столу и ткнул железным прутом в огненный шар.

Раздался сильный сухой треск. Ослепительная искра, наподобие короткой молнии, вырвалась из пламени к концу палки, и старик упал навзничь, раскинув руки и глухо стукнувшись головой о пол. Тело его перенервничало судорогой и осталось неподвижным. Все это произошло буквально во мгновение ока. Когда Гинце метнулся к служителю и нагнулся, пытаясь его поднять,—тот уже не дышал.

— Убит,—растерянно сказал ассистент, невольно отступая назад и оглядываясь на спутника. А Дерюгин стоял у двери и машинально повторял одну и ту же фразу:

— Я это знал... Я это знал...

Прошло минут десять, пока посетители хоть скольконибудь пришли в

Служитель ткнул железным прутом в огненный шар. Ослепительная искра вырвалась из пламени. Старик упал навзничь.

себя. Они перенесли тело старика в ассистентскую и попытались привести его в чувство, но все их попытки оказались тщетными: несчастный был мертв.

— Да что же это такое?—вырвалось, наконец, у Гинце, когда стала очевидной бесполезность их усилий.

— Это?—переспросил Дерюгин, и звуки его голоса казались ударами грома в наступившей тишине—это—бунт атомов, возмущившихся против разбудившего их человека.

— Вы думаете, что... — неуверенно начал Гинце.

— Я думаю,—жестко прервал его собеседник,—что здесь началось разрушение материи, которое, вероятно, уже ничем остановить нельзя. И этот старик—первая жертва в ряду тех тысяч и миллионов, которые за ним последуют.

— Но почему вы говорите о катастрофе, коллега? Если даже и случилось то, что вы предполагаете,—это не выйдет за пределы лаборатории и здесь же будет ликвидировано.

*) Добрый день!

— Ликвидировано? Подобную вещь я слышу от вас, ассистента профессора Флиднера? Но разве мы не бессильны перед этой стихией? Разве мы можем хоть чем-нибудь влиять на то, что совершается внутри атомов? Разве мы в силах остановить рост этого огненного вихря?

— Рост?—новая мысль заставила Гинде опрометью броситься назад, в главную лабораторию.

Да, это было очевидно: клубящийся пламенем шар за полчаса, проведенные ими здесь, увеличился в поперечнике на полтора—два сантиметра. Вместе с тем в комнате становилось все труднее дышать. Воздух был насыщен электричеством. На концах рубильников, на всех выдающихся частях приборов мерцали голубоватым светом маленькие огоньки, от чего вся картина получала вид сказочной феерии.

Дерюгин и Гинде вернулись в ассистентскую, плотно притворив за собою дверь. Надо было немедленно действовать, принимать какие-нибудь меры, чтобы, если еще возможно, предотвратить надвигавшееся бедствие. Гинде вызвался известить профессоров института; Дерюгин отправился к знакомому редактору распространенной газеты. Однако найти его оказалось не так просто. Только к часу дня застал он, наконец, Эйке в типографии.

Эйке колебался несколько минут. Профессиональное любопытство взяло верх.

Они сели в пыхтевшую у подъезда машину и помчались по направлению к институту. Уже на Франкфуртштрассе они заметили столб дыма, стоявший в почти недвижном воздухе впереди. На улице мчались со звоном, гудением и грохотом пожарные машины. Люди в медных касках с топорами наготове лепились на них, как бутафорские опереточные воины.

— Где-то горит,—сказал Эйке, вновь зажигаясь любопытством газетного работника.

— Это там...—с возрастающей тревогой твердил Дерюгин:—мы опоздали! Это там.

Предчувствие его не обмануло. Скоро на них пахнуло гарью. Против дома,

где жил Флиднер, стояла толпа народа. Из сада то и дело выбегали к машинам пожарные; за решеткой и между деревьями, где была лаборатория, вились языки пламени и клубился дым, который постепенно относилось к улице, заволакивая ее густым, едким облаком.

В сумятице Эйке сразу потерял из виду Дерюгина и поспешил обойти горевшее здание с наветренной стороны, чтобы отсюда спокойно наблюдать картину пожара.

Со стороны лаборатории вдруг раздалась громкие крики пожарных и пробравшихся в сад любопытных из толпы. Эйке бросился в ту сторону, откуда несся этот шум, и почти наткнулся на Дерюгина, бежавшего навстречу, сломя голову.

— Берегитесь! Он вырвался на свободу! Берегитесь, Эйке,—кричал он, размахивая руками.

В это мгновение порыв ветра нанес на обоих облако дыма и редактор увидел, как из него, прямо на остолбеневших зрителей, колеблясь и волнуясь, будто пронизываемый молниями, плыл по ветру огненный шар около полуметра в поперечнике.

— Спасайтесь!—кричал кто-то:—шаровидная молния!

Кучка людей кинулась врассыпную; две—три секунды Эйке еще стоял, как пригвожденный к месту этим странным явлением, потом тоже бросился в сторону, и пламенный вихрь пролетел в двух-трех шагах от него, обдав знойным дыханием и наполовину ослепив нестерпимым блеском. Он двигался над песком дорожек на высоте около полуметра с шипением и треском. Тысячи огненных брызг изливались из него к земле и к предметам, к которым он приближался. Голубоватый туман окутывал его прозрачным облаком.

Ослепленный и ошеломленный Эйке упал, споткнувшись о кочку, и лежа, полными ужаса глазами, продолжал следить за полетом шара.

Редактор видел, как загорались при соприкосновении с ним деревья; видел, как внезапно налетевший порыв ветра бросил его на группу людей, перебежавших дорожку, как брызнуло

на них дождем огненных лучей, и, не успев даже крикнуть, трое из них упали ничком на землю и остались неподвижны.

Последнее, что успел еще заметить Эйке, было, как шар достиг железной решетки. Послышался сильный треск, словно короткая молния сверкнула между железными прутьями и огненным облаком, и в следующее мгновение шар оказался уже по ту сторону решетки, в которой зияло большое отверстие, образованное раздробленными, расплавленными обрывками металла. Вдоль улицы неслись дикие крики, топот ног, какой-то звон и треск.

Глава IV.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ два

дня были удивительными днями. Кое-кому из свидетелей происшедших событий было совершенно ясно, что случилось нечто из ряда вон выходящее, что с этого дня в сущности началась агония земли, обреченной на неизбежную гибель. И однако не решались говорить об этом вслух. Слишком уж диким и нелепым казалось такое предположение.

Правда, в газете Эйке на утро четверга—на другой день после происшествия, появилась статья, в которой довольно осторожно разъяснялось значение событий. Но номер был немедленно арестован по распоряжению властей, не усмотревших во всей истории ничего, кроме очередной газетной утки, способной создать панику и вызвать нежелательные волнения. Те, до кого успели все же дойти экземпляры, ускользнувшие от полицейского ока, пожимали плечами и удивлялись, как можно порядочной газете так рвать свое достоинство в погоне за дешевыми сенсациями.

Шар достиг железной решетки. Словно короткая молния сверкнула между прутьями и шар оказался по ту сторону. В решетке зияло отверстие.

Оставались, правда, еще очевидцы событий, и те жертвы и разрушения, которые причинил, вырвавшийся на свободу огненный шар, пролетая по улицам Берлина. Но число убитых было не так уж велико, десятка полтора—два человек, возникшие в нескольких местах пожары были быстро ликвидированы, а затем шар, выйдя на восточную окраину города, исчез в полях по направлению к Фюрстенвалду.

В течение двух дней никаких известий о нем не поступало. Все это было вовсе непохоже на стихийное бедствие.

Словом никто не придавал событию серьезного значения.

Один Гинце метался, как затравленный зверь, к городским властям, к профессуре, в редакции газет, убеждал, настаивал, требовал, в сущности сам хорошенько не зная, чего. В конце концов перестали слушать, пожимали плечами, улыбались, так что он чувствовал, что бьется в глухую стену. Двое—трое профессоров института, правда, разделяли его тревогу

и далеко не были уверены, что дело уже ликвидировано. Но боязнь поставить на карту свою репутацию ученых в случае, если бы все оказалось пустяком, и попасть в смешное положение, заставляла их молчать.

Что касается Дерюгина, то он не показывался нигде, повидимому забыв и думать о случившемся, и лихорадочно работал над какими-то исследованиями в лаборатории института. Даже на похоронах Флиднера, собравших весь цвет ученого мира Берлина и толпы народа, он не присутствовал, поглощенный своей работой.

Зато Эйтель играл в этот день заметную роль, и странно было видеть его солдатский мундир на фоне черных сюртуков, окружавших гроб покойного профессоров и сослуживцев. Здесь молодой Флиднер впервые после знаменательного дня встретил Гинце, растерянного, больного, почти невменяемого.

Эйтель долго не мог уяснить себе смысла фантастических рассказов молодого ученого.

— Так вы говорите, что там горит воздух?—растерянно спрашивал он, потирая рукою лоб, не вмещавший всей этой сумятицы странных мыслей.

— Не горит, — нервно отвечал Гинце, весь дергаясь, как на пружинах:—не горит, а разрушается, понимаете ли, разрушается. Его атомы, разбитые, взорванные вашим покойным отцом в ничтожном объеме, своими осколками, несущимися с колоссальной быстротой, разбивают постепенно соседние атомы, освобождая заключенную в них энергию; те, рассыпавшись на сотни обломков, разрушают новые слои газа, и таким образом страшная гангрена охватывает постепенно все большие массы воздуха...

— И это грозит чем-нибудь серьезным?—недоуменно спрашивал Эйтель:

— Это грозит мировым пожаром!

— Но неужели нельзя как-нибудь остановить этот блуждающий шар? потушить это растущее пламя или... как вы его называете?

— В том то и ужас, что невозможно, совершенно невозможно, по крайней мере сейчас, при современном состоянии науки. Этот процесс однороден с явлениями радиоактивности, а на них мы не умеем влиять абсолютно ничем: они протекают совершенно вне нашей воли...

Бедный мозг волонтера кавалерии путался безнадежно в этих диких перспективах.

Гинце оказался прав. В этот же день, в пятницу вечером, были получены первые известия с востока о появлении огромной шаровидной молнии, как описывали ее очевидцы, двигавшейся к польской границе. Она

представляла огненный шар метра полтора в диаметре, плывший медленно по течению ветра, придерживаясь низменных мест. Ночью он сиял голубоватым ярким заревом, днем казался раскаленным пламенным облаком, с шипением и треском двигавшимся на небольшой высоте над землей. Несомненно природа странного феномена была электрическая: при его приближении совершенно прерывалась работа телеграфных и телефонных проводов; в местах слабой изоляции и на аппаратах дождем сыпались искры; стрелка компаса вертелась во все стороны, как во время сильных магнитных бурь.

Вообще о подробностях судить было еще трудно, однако из полученных сведений выяснилось, что угрожает поистине нечто еще невиданное. Следом движения шара была полоса растущего опустошения. Поля и луга лежали широкой выжженной лентой; там, где на пути его попадались леса, вспыхивали пожары и далеким заревом стояли на ночном небе. Несколько селений были сожжены до дна.

Молчать дольше и скрывать истину было невозможно. Уже воскресные утренние газеты были полны тревожными статьями и запросами ученым ассоциациям и отдельным специалистам, работавшим в области электрохимии и радиоактивности.

Несмотря на праздничный день, было назначено экстренное собрание профессоров института, на которое приглашены были наиболее видные работники научной мысли, бывшие в это время в Берлине. Явился и Гинце, измученный, похудевший, постаревший за несколько дней на многие годы, и Дерюгин, приглашенный на собрание в качестве одного из ближайших сотрудников покойного Флиднера, работавших над вопросами, от решения которых зависела сейчас, быть может, участь человечества. Такая мысль была дикой, нелепой, казалась сказкой, о которой немислимо было говорить серьезно. И все таки с этого именно начал свое слово председатель, открывая собрание. Никогда еще стены, в которых дарил

величественный дух трезвых изысканий и холодного разума, не слышали подобных речей. Фантастика, сказка, переплетенная с явью, математические формулы и апокалипсические пророчества, все перепуталось в странном хаосе. И что было ужаснее всего, — сразу же обнаружилась полная беспомощность собрания перед поставленной ему задачей. Человек был бессилён. Вызванный им дух разрушения обратился против него же и грозил полным уничтожением. Собрание начинала овладевать смутная тревога и жуткое чувство беспомощности: казалось, выхода не было видно.

Тогда попросил слова Дерюгин.

Он коротко резюмировал положение дела:

— Процесс разрастается. Ждать, пока упорная работа мысли или счастливая случайность откроет способ его остановить, — немислимо. Надо сделать сейчас хотя бы наименьшее возможное: преградить путь движению шара, взять его в плен.

В зале раздались возгласы удивления, почти негодования присутствовавших: они собрались здесь не для того, чтобы слушать пустую болтовню диллетантов.

Но Дерюгин, переждав, пока шум утихнет, попросил терпеливо выслушать его до конца. И уже через несколько минут настороженной внимания было ответом на его речь.

Идея его в главнейшем сводилась к следующему: на большой гусеничный трактор, движущийся со скоростью 40 километров в час, устанавливалась мощная динамо, питаемая двигателями в несколько тысяч лошадиных сил. Ток от нее поступал в якорь электромагнита, сообщая последнему колоссальную энергию. Четырех-пяти таких громадных магнитов, по мысли Дерюгина, было достаточно, чтобы заставить шар двигаться против не слишком сильного ветра.

Конечно, выполнение его проекта потребует колоссального напряжения сил и огромных средств, и притом не только в Германии. Необходимо было организовать постройку электромагнитов в нескольких пунктах мате-

рика, так как нельзя предугадать, куда воздушные течения бросят в ближайшее время странного врага. И вместе с тем требовалось закончить работы в кратчайший срок, — в две, три недели, самое большое в месяц, — иначе могло оказаться уже поздно. Работа предстояла трудная, могла казаться даже невыполнимой, но на карте стояла судьба человечества. Надо было делать хотя бы то, что в данный момент оказывалось возможным.

Все это было настолько ясно, что не возбудило никаких прений. После короткого обмена мнений было решено выделить комиссию для срочной выработки детального проекта по эскизу, предложенному Дерюгиным.

Вместе с тем собрание постановило обратиться к правительству и обществу с изложением положения дела и с просьбой о немедленном отпуске средств для организации работ. Аналогичным обращением призывались к общей работе научные ассоциации и правительства других стран.

Глава V.

ПРОШЛО три недели. Старая Европа трещала по всем швам. Из конца в конец носился по ней по воле ветра пламенный шар, неуклонно все увеличиваясь в размерах и выметая на своем пути все живое. Горели города и села, пылали леса, застилая днем небо клубами удушливого дыма, а по ночам полыхая кровавым заревом; поля и луга все более широкой полосой обращались в обугленную пустыню, тянувшуюся прихотливой лентой по карте взбудораженной Европы.

Перейдя польскую границу, пламенный шар в тот же день достиг Торна и, пройдя через крепость, взорвал два форта, несколько батарей и большие пороховые склады. Город остался в стороне от движения атомного вихря, но сильно пострадал от взрывов в крепости; число убитых и раненых достигало несколько сотен.

Сообщение о торнской катастрофе получено было в Варшаве в субботу вечером.

Уже к полудню воскресенья буйная толпа ворвалась в здание германского посольства и разгромила его,

так как откуда-то прошел слух, что во всем «виноваты немцы» и что надвигающееся несчастье умышленно напущено на Польшу из Берлина. В костелах звонили колокола и служились торжественные молебствия об избавлении от стихийного бедствия, по улицам шли бесконечные крестные ходы, и уходил к ясному небу синий дым камины. А к западу от Варшавы с полуночи цепь батарей готова была встретить нежданного врага рываньем своих металлических глоток. Это была мобилизация пушек и святых, земной и небесной рати.

И к двум часам дня враг показался. Окутанный облаком дыма от разрывов снарядов и пыли, взметенной их ударами, пламенный шар двигался вдоль берега Вислы, зажигая леса у Млодин и Белян. Цепь батарей впереди цитадели была прорвана через двадцать минут, при чем взлетел на воздух арсенал, а еще через десять минут шар ворвался в улицы города. Замолкли колокола, разбегались в паническом ужасе крестные ходы. Вопли отчаяния, свист пламени, треск лопающихся стекол и грохот падающих стен—в рамке дыма и пламени,—знаменовали след движения атомного вихря. Еще через четверть часа, опустошив Новый Свет и Лазенки, он исчез по направлению к Мокотову, а сзади огромный город грохотал и стонал в дыму пожара.

Пожар Варшавы послужил толчком, заставившим все страны присоединиться к лихорадочной работе, начатой в Берлине. Горячее участие в ней приняли крупные ученые, как Резсерфорд, Бор, Астон и многие другие. День и ночь работали лаборатории, грохотали станки и машины заводов, металл скрежетал по металлу, и один за другим выползали на землю медные гиганты, которые должны были начать борьбу с неуправляемым врагом.

К концу недели Дерюгин был командирован в Париж для выяснения затруднений, встретившихся там в процессе работы, ведшейся главным образом на заводах Крезю. Отсюда он должен был проехать в Геную, где сосредоточены были работы в Италии. А между тем пламенный шар совер-

шил свой путь по материку Европы, и с ним вместе гянулись зарева пожаров, выжженные пустыни и тысячи трупов. Пройдя через Варшаву, он сжег Ковель и на некоторое время исчез в болотах Полесья. Отсюда он повернул на юг, пролетел между Киевом и Житомиром, уничтожил до гда Умань, спустился вдоль Буга и, задев западную окраину Николаева, понесся над Черным морем.

Разрушения, причиняемые им, начинали принимать поистине стихийные размеры. Помимо пожаров и трупов, он нес теперь с собою и новые бедствия: страшные грозы, вихри и бури, небывалой силы, подобные тропическим, ливни, низвергавшиеся из атмосферы, насыщенной парами от рек, озер и морей, вскипавших благодаря колоссальному жару, излучаемому разрушающейся материей.

Миновал Балканский полуостров, где сильно пострадал Белград, огненный шар через Тироль и Баварию проник во Францию и, опустошив ее северо-восточный угол, исчез в океане. На этом пути, между Кельном и Парижем, встретил его Эйтель Флиднер.

Сумбурные дни после смерти отца были вдвойне тяжелыми для молодого человека. Он растерялся в хаосе странных событий. С момента разговора с Гинце, после похорон отца, ему так и не удалось собрать своих мыслей. Полоса пожаров и опустошений, выметавшая Европу, пролегла, казалось, через его душу. Ведь виновником всего был его отец. С этой мыслью он не мог примириться. И вместе с тем росла его давнишняя ненависть к Дерюгину, о котором он читал и слышал теперь ежедневно. Эйтель сам не знал, чем питалось это странное чувство, и не заметил, как постепенно ощущение беспричинной злобы перешло в убеждение, что именно он, этот московский выходец—причина гибели его отца и всего кошмара, давящего уже три недели Европу. Мысль была дикая, не имевшая никаких оснований, но тем прочнее она охватывала большой мозг молодого Флиндера. Все беды исходили оттуда, из Москвы, и не даром же огненный

шар только краем задел территорию России, а теперь опять метался в полые пожаров по Европе. И, не отдавая себе ясного отчета, для чего он это делает, Эйтель бросился в Париж по следам ненавистного врага. Уже в Кельне стало известно, что атомный вихрь движется от Эпиналя на северо-запад и что, если он не изменит направления, то к полуночи Кельнский поезд рискует встретиться с ним в полях Шампани. Тем не менее около 8 часов вечера поползли мимо огни дебаркадера и станционные постройки, и вагоны, вздрагивая на стыках рельс, вытянулись среди темнеющих полей.

В поезде, разумеется, никто не спал. Тревожное ожидание с каждым часом разрасталось; публика сгрудилась в угрюмом молчании у окон, обращенных к югу. Переговаривались шопотом, отрывочными фразами. Каждая вспышка света на темном горизонте отзывалась волною трепета, пробежавшей по вагону. На одной из первых станций, после французской границы, пассажирам сообщили, что в настоящее время шар где-то около Реймса. Очень многие не решились ехать дальше и запрудили маленькую станцию мятущейся толпой. Эйтель остался в вагоне. Поезд снова тронулся. Около часу ночи единодушный крик раздался из сотен грудей. Из-за темной гряды холмов на юге точно выплыла луна, окруженная клубами дыма, пронизанными голубым светом. Еще не видно было подробностей, не доносилось звуков, заглушаемых грохотом колес, но было ясно, что пламенный шар несется наперерез полотну дороги. Поезд ускорил ход, — вероятно, машинист решил рискнуть и проскочить впереди огненного вихря. Людей, запертых в тесных клетках вагонов, обуял звериный страх. Казалось, что поезд несется прямо в раскрытое жерло ада. Раздались дикие вопли, звон разбиваемых стекол; из вагонов несколько темных фигур, очертя голову, бросились вниз на полном ходу. Другие, сохранившие больше присутствия духа, схватились за автоматические тормоза. Заскрежетали колеса, тревожные свистки паровоза вонзились в ночную темень. Еще

прежде, чем поезд окончательно остановился, сотни людей посылались с обеих сторон вагонов, падали, вскакивали и бежали на север, подстегиваемые диким страхом. Эйтель со своим соседом по вагону, аптекарем из Кельна, последовал общему примеру, но шагов через сто оба в темноте налетели на какую-то канаву, свалились в нее и остались там лежать, не смея шевельнуться. Сюда несся ясно слышимый в ночной тишине все растущий смешанный шум. Шипение и треск, как от огромного пожара, резкие сухие удары, похожие на короткие громовые раскаты, свист и гудение наполняли воздух. Голубоватое зарево охватило полнеба. Когда Эйтель высунул голову из ямы и взглянул вперед, он весь съезжился, будто хотел врости в землю; на него пахло жаром, как из раскаленной печи. В дыму и тумане, содрогаясь синими молниями, клубясь и волнуясь, несся на север грохочущий вихрь. Размеры его было трудно определить: окружавшие его тучи дыма, пыли и пара, пронизанные изнутри ослепительным светом, сливались в пламенное облако.

Всюду вокруг, на ветвях кустов, на острых частях вагонов, на железнодорожном мосту несколько впереди, перебегали голубые огни, дополняя фантастическую картину ночного пожара.

— Что это?—спросил Эйтель своего спутника.

— Огни св. Эльма,—ответил тот:—воздух вокруг насыщен электричеством.—Он не договорил. Ахнул оглушающий взрыв, и оба собеседника приникли ко дну канавы. Это—огненное облако приблизилось к паровозу, и мгновенно обратившаяся в пар вода разнесла котел. Над их головами просвистело несколько обломков. Когда оба, задыхаясь от жара, снова выглянули из канавы, вихрь уносился уже дальше к реке. Еще минута,—и целые тучи пара из вскипавшей воды окутали его плотной атмосферой. Горячие волны выбросились на берег; в реке все бурлило, гудело и грохотало. Затем сухой потрясающий удар грома возвестил о том, что шар налетел на железнодорожный мост. Когда через

несколько минут удаляющийся шум указал, что опасность миновала, Эйтель со спутником, обливаясь потом, выкарабкались наверх. Вместо моста виднелась на огненном фоне искверканная, разодранная масса обломков металла; вокруг все застилало дымом, несло гарью и еще каким-то едким запахом, горизонт был охвачен багровым заревом пожаров.

— Кончается наша Земля! — услышал Эйтель подле себя. Аптекарь, вытянув руку на север, стоял, как изваяние, провожая глазами удаляющийся вихрь.

Глава VI.

В ПАРИЖЕ Дерюгина уже не было. Но Эйтель не последовал за ним сразу в Италию. В эти кошмарные дни не так легко было отсюда уехать. Вокзалы осаждались несметными толпами; из-за мест в вагонах происходили кровавые побоища. Огромный город метался в горячем бреду. Эйтель с жутким любопытством наблюдал панику, охватившую человеческий муравейник и находившую живой отклик в его душе. Все, что он видел, утверждало Флиднера в маниакальной идее и питало ненависть к воображаемому виновнику небывалой катастрофы. Париж на его глазах умирал. Началось это за два дня до приезда Эйтеля. Как только пришло известие, что атомный вихрь появился в Вогезах и движется на запад, произошла невообразимая сумятица на бирже. Полетели вниз с сумасшедшей быстротой самые солидные ценности. В двадцать четыре часа несколько крупнейших предприятий оказались вынужденными прекратить платежи. Толпа народа бросилась вынимать свои вклады. Полчища обеспокоенных рантье с раннего утра осаждали банки. Словом, была обычная картина финансовой паники, удесятаяренная в несколько раз.

Людские волны наводнили улицы и площади города и выплеснули сюда ютившиеся в каменных коробках ненависть, зlobу и страх.

То там, то здесь среди живого бурлящего потока колыхались хоругви и покачивались на носилках изваяния святых и Мадонны в процессиях, мо-

ливших небо об избавлении от грозящего бедствия. Сменяли друг друга импровизированные хоры, звенели колокольчики, кричали женщины; а сзади и по бокам стаи гаменов пронзительно свистали, улюлюкали и катались колесом. В день приезда Эйтеля в «Figaro» появилась статья, сыгравшая роль бочки бензина, вылитой в начинающийся пожар. Один из известнейших авторитетов в области радиоактивности подводил итоги событиям и приходил к окончательному выводу: Земля доживает последние дни. Остановить процесс атомного распада человек был не в состоянии; уже теперь быстрота его роста очевидно прогрессировала; в самом непродолжительном времени следовало ждать колоссального его ускорения, которое кончится почти мгновенной катастрофой. Это неизбежно, и являлось только вопросом времени. Борьба была бесполезна и смешна. Человечество выполнило свою миссию, дошло до кульминационной точки развития и должно было сойти со сцены.

Вслед за этим точно какие-то шлюзы открылись в гигантском городе и в душах людей. Молитвы и проклятия, рыдания и стоны, распутные песни и проповеди монахов, все спуталось в кошмарный клубок. Толпы сумасшедших появились на улицах. Одни воздевали руки к небу в немой мольбе или угрозе, другие всенародно предавались дикому разгуду и распутству; один крупный финансист, владевший миллионами и ставший теперь обладателем пустых бумажек, вышел на балкон своего дворца и, глядя на грохочущую внизу толпу, рвал на клочки и бросал по ветру сотни и тысячи акций, кредитных билетов, швырял пригоршни золота и кричал беззубым ртом:

— Кончается наша Земля!

Эта дикая атмосфера окончательно захватила мозг Эйтеля. Он был уверен теперь, что призван свыше спасти Землю от угрожающей ей гибели и что для этого надо уничтожить того, в ком олицетворялся в его представлении весь ужас происходящего.

Когда атомный вихрь миновал Париж, не задев его, и схлынула первая волна

беглецов, искавших спасения вне стен города,—Эйтель бросился в Геную. Несмотря на то, что в данную минуту не было непосредственной опасности, Флиднер застал здесь почти такую же картину, как и в Париже.

Но в потрясенном, обуянном отчаянием городе был островок, о который разбивались живые волны. Там день и ночь, в огне и жару плавильных печей, среди лязга и грохота машин, тысячи людей работали, как дети Гефеста в адской кузнице. Мир мог бесноваться, как ему угодно, они здесь ковали оружие для борьбы за его существование, пока была хоть капля надежды.

Несколько крупнейших металлургических заводов обращено было на производство подвижных электромагнитов, и здесь сосредоточились лучшие технические и научные силы страны. К моменту приезда Дерюгина было закончено постройкой три мощных механизма, и еще полдесятка находилось в работе. Ежедневно с раннего утра, оставив за собою грязные, узкие улицы шумного города, инженер забирался в дымное царство железа и стали, откуда предстояло бросить в нужный момент медных гигантов туда, где надо было ждать врага.

Здесь и нашел его в неустанной погоне молодой Флиднер. Дерюгин был во дворе большого завода, выпустившего вчера новый электромагнит, который в этот день предстояло подвергнуть испытанию. Сначала были пущены двигатели, и их грузное гудение потрясло весь огромный механизм тяжелой дрожью, так что колыхалась земля под ногами. Несколько инженеров и техников вместе с Дерюгиным обходили медное чудовище со всех сторон, следя за ритмом его дыхания и работой всех частей.

Главный инженер, худой, высокий итальянец, указал на какую-то неисправность в холодильнике; группа людей остановилась здесь, рассматривая вырывавшуюся в одном месте струйку газа. Дерюгин отошел в сторону, отмечая что-то в записной книжке, когда вдруг на фоне темного прохода из внутреннего здания пока-

залась фигура человека, растерянно остановившегося посреди двора и видимо ошеломленного грохотом, лязгом и шумом, несшимся со всех сторон. Лицо посетителя показалось Дерюгину знакомым, но он не мог вспомнить, где он видел эти беспокойно ищущие глаза, выпуклый лоб и жестко сжатые губы.

Что-то странное, порывистое и тревожное было в позе незнакомца, и Дерюгин хотел уже спросить, как и зачем он сюда попал, когда внезапно взгляды их встретились. В один короткий миг память подсказала забытый образ, и в то же мгновение глаза посетителя загорелись такой бешеной ненавистью, что инженер невольно отступил назад. Рука Эйтеля опустилась в карман, и вслед затем Дерюгин увидел против себя темный провал дула револьвера.

Еще не понимая, в чем дело, он крикнул и бросился в сторону грузной машины. Треснул короткий выстрел, за ним другой. Дерюгин почувствовал, как обожгло огнем левую руку у плеча. Он обернулся. Эйтель был от него в пяти-шести шагах и целился почти в упор для нового выстрела. Из будки электромагнита выглядывало испуганное лицо машиниста. Люди у холодильника стояли, сбившись в кучу, не зная, что предпринять. Это было полнейшей нелепостью, диким бредом, казалось сном, а между тем на Дерюгина из черной дыры пистолета смотрела неизбежная смерть.

В это короткое мгновение в голове Дерюгина пронеслась яркая мысль.

Он сделал скачек в сторону магнита и крикнул машинисту:

— Эрико, дайте ток!

Еще раз треснул выстрел. Дерюгин упал. В следующее мгновение произошло нечто поразительное: револьвер, вырванный из рук Эйтеля чудовищной силой, пролетел по воздуху десятков шагов, отделявших его от магнита, ударился с размаху о накопчик полюса и остался здесь, будто придерживаемый невидимой рукой.

Ошеломленный Флиднер остался неподвижным, глядя вокруг совершенно безумными глазами. Когда к

нему подбежали люди и схватили за руки,—он даже не пытался сопротивляться и молча последовал за ними, оглядываясь с ра-

стерян-ным видом на свое оружие, словно прилипшее к странной машине.

Несколько человек хлопотало около Дерюгина. К счастью, рацы его — одна в левое плечо, другая в ногу — оказались безопасными, во всяком

Дали ток, и револьвер, вырванный из рук Эйтеля чудовищной силой, пролетел по воздуху и прилип к электромагниту.

случае кость не была тронута. Его понесли на руках внутрь здания.

— Ну, поздравляю вас, — сказал главный инженер после перевязки: — счастливая мысль вам пришла в голову. Если бы вы не вырвали электромагнитом револьвера из рук этого сумасшедшего, мы бы не имели удовольствия сейчас с вами разговаривать.

Действительно, ток, пущенный в обмотку якоря, превратил его в мощный магнит, к которому и было притянута оружие Флиднера.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — улыбаясь отвечал Дерюгин: — скверно то, что на несколько дней это помешает мне работать.

Глава VII.

ДОПРОС Эйтеля выяснил с несомненностью, что имели дело с душевно больным. Это была одна из многих жертв бурной четверти века, усталый и напряженный мозг которых не выдержал натиска кошмарных дней. Отдавать беднягу в руки властей не имело смысла: улицы были полны такими же безумцами, и весь город напоминал собою гигантский бедлам. Флиднера оставили на заводе под караулом в одной из комнат жилого корпуса.

Впрочем, скоро о нем и вовсе забыли в потоке новых событий. В конце недели пришло известие, что атомный вихрь вновь появился на континенте, на французском берегу.

Он двигался вдоль юго-западной границы к Средиземному морю. Наперерез ему были посланы по желез-

вой дороге четыре электро-магнита из Крезо, но они запоздали. Уничтожив Тулузу и превратив в пустыню долину Гаронны, огненный вихрь снова полетел над водным простором. Теперь суток через двое его можно было ждать где-нибудь на западном берегу Италии. Пять машин, совершенно готовых, были погружены в Генуе на платформы и двинуты к Риму, откуда легко можно было перебросить их в любой пункт побережья. Локомотивы стояли день и ночь под парами в ожидании приказа бросить в бой свой груз.

Дерюгин, с рукой еще на перевязи, вместе с главным инженером и группой техников, обслуживавших машины, был здесь в ожидании встречи с грозным противником.

Читая подробности, сообщаемые о движении атомного вихря, молодой инженер начинал сомневаться в целесообразности всей затеи. Слишком уж быстро разрастался проклятый шар; да и вряд ли удастся к нему подойти ближе полтора-ста саженей, не рискуя зажариться живьем в его раскаленной атмосфере. А на таком расстоянии и электро-магниты, пожалуй, окажутся бессильны. Да и потом, если б даже удалось его окружить и остановить,—что же дальше? Правда, в лаборатории Кембриджского университета, повидимому, удалось на прошлой неделе добиться некоторого успеха в опытах синтеза, склеивания, грубо говоря, атомов из их обломков. Но отсюда было еще очень далеко до окончательного решения вопроса и возможности поставить дело в необходимом масштабе.

А между тем этот огненный пузырь будет пухнуть, втягивая в себя все больше вещества... Не слишком ли поздно?

Дерюгин однако не поделился своими сомнениями с товарищами и робота попрежнему упорно и настойчиво. И было еще скверное. Тревожные известия поступали из Неаполя. Везувий заговорил так, как не говорил давно. Громадные столбы пара подымались из кратера на высоту 20—30 километров; земля сто-

нала и грохотала, как в день последнего суда. Неаполь был уже наполовину разрушен землетрясением, и население бежало из-под развалин в диком страхе. Все это было достаточно ужасно и само по себе, но теперь до крайности затрудняло предстоящую борьбу с атомным вихрем. Железные дороги были забиты поездами с беженцами с юга; паника, удвоенная новым бедствием, совершенно дезорганизовала власти, а вместе с тем уже и здесь, в двухстах километрах от Везувия, ощущались легкие колебания почвы, а главное начинало тянуть заметным ветром. Главный инженер ворчал и хмурился,—кажется, и он начинал колебаться, стоит ли продолжать борьбу.

Но вот во вторник вечером, 1 июня, радио сообщило, что пламенное облако прошло между Корсикой и Сардинией прямо на восток; одновременно прибыли в Рим еще одна машина из Генуи и пять французских, присланных на помощь. Это была уже значительная сила. Весь отряд передвинулся дальше к югу, подготовив все для выгрузки, так, чтобы в любой момент или ринуться в бой, или следовать за огненным противником, пока это будет возможно. По всему побережью была установлена цепь наблюдательных постов на колокольнях церквей и походных вышках. Лихорадочное ожидание напрягло нервы до крайности. А с юго-востока уже явственно доносился грохот вулкана, и высоко в темнеющем небе стоял огненный столб, как гигантский факел. Дерюгин качал головою, глядя на новую грозу, и с тревогою чувствовал, как крепчает ветер.

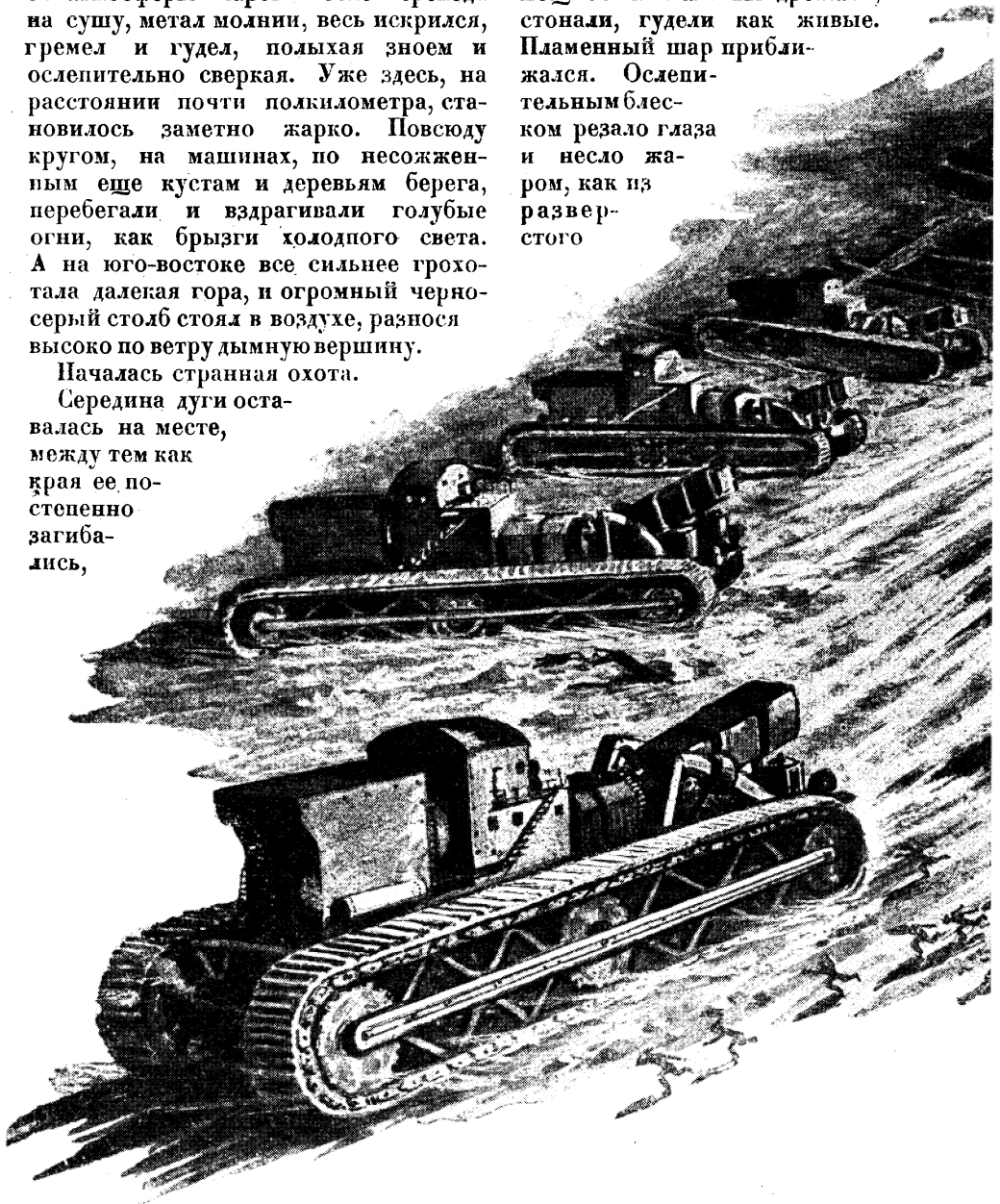
В два часа ночи пламенное облако далеким заревом показалось в виду берега. Машины были немедленно сгружены и двинулись с лязгом и грохотом на запад к морю. К трем часам они в два ряда, полукольцом, диаметром около километра, примкнули к берегу как раз в то время, когда клубящийся паром и пламенем шаром со свистом, шипением и раскатами грома коснулся материка почти в центре дуги, образованной медными гигантами.

Дерюгин был на одном из электромагнитов; он сидел в кабинке вместе с командиром машины и старшим механиком,—как раз в середине кривой в первой линии. Совсем рассвело, и вся картина была, как на ладони. Справа и слева пыхтели и громыхали металлическими членами грузные чудовища, похожие на огромных крабов или ископаемых черепах. На верхних площадках поблескивали вспышки огня—оптическая сигнализация, передающая приказания от главного инженера, находившегося за серединой дуги во второй линии. Прямо впереди огненно-дымный шар, освобожденный от атмосферы паров после перехода на сушу, метал молнии, весь искрился, гремел и гудел, польхая зноем и ослепительно сверкая. Уже здесь, на расстоянии почти полкилометра, становилось заметно жарко. Повсюду кругом, на машинах, по несожженным еще кустам и деревьям берега, перебежали и вздрагивали голубые огни, как брызги холодного света. А на юго-востоке все сильнее грохотала далекая гора, и огромный черносерый столб стоял в воздухе, разнося высоко по ветру дымную вершину.

Началась странная охота.

Середина дуги оставалась на месте, между тем как края ее постепенно загибались,

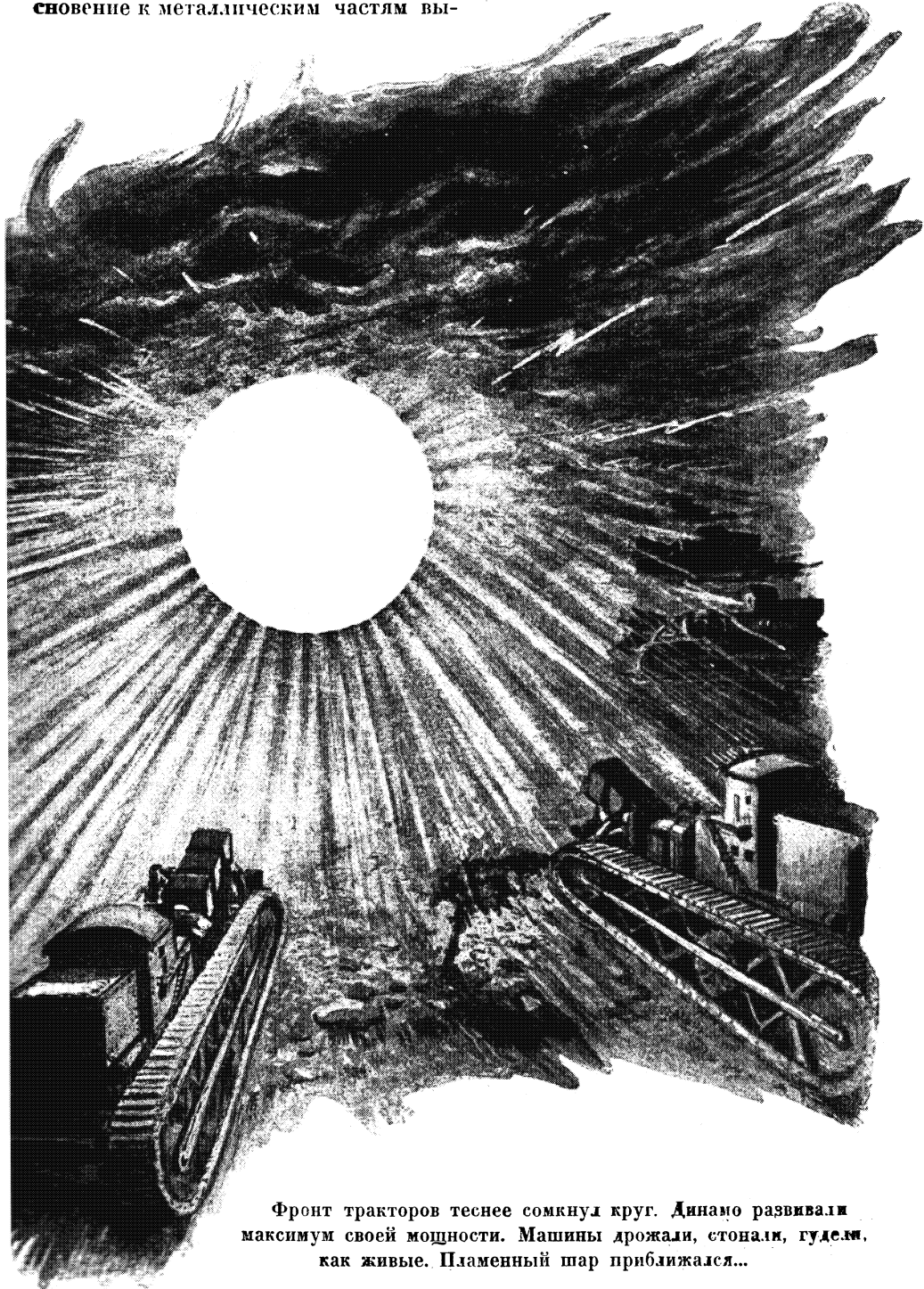
охватывая шар с боков и с тылу. Электромагниты были пущены в ход, но, видимо, на таком расстоянии их влияние оказывалось недостаточным: огненный вихрь подвигался на восток вглубь материка, и машины отступали перед ним с такой же скоростью. Пройдя километров десять в этой погоне, среди грохота, лязга, гудения и треска, оглушавших со всех сторон, главный инженер решил перейти в наступление. Середина фронта тракторов задержала ход, остальные устремились со всех сторон к центру, смыкая теснее круг. Усиленно заработали динамо, развивая максимум своей мощности. Машины дрожали, стонали, гудели как живые. Пламенный шар приближался. Ослепительным блеском резало глаза и несло жаром, как из разверстого

люченій.

ада. Становилось все труднее дышать; кровь стучала в виски; тело было в поту, болело и ныло. Каждое прикосновение к металлическим частям вы-

зывало снопы искр и резкие удары; волосы на голове стояли дыбом и сияли ореолом синих огоньков.

Фронт тракторов теснее сомкнул круг. Динамо развивали максимум своей мощности. Машины дрожали, стонали, гудели, как живые. Пламенный шар приближался...

А облако продолжало надвигаться. Неужели же все окажется вздором, детской игрой, покушением с негодными средствами, и этот вихрь пролетит дальше через их трупы к Аппенинам? Огненное облако было так близко, что глаза, казалось, готовы были лопнуть от зноя; голова рвалась от боли, не хватало воздуха в груди. Дерюгин невольно зажмурился. Его схватили за руку. Он открыл глаза. Старший механик с искаженным лицом и выпученными глазами, до боли сжимая его пальцы, кричал, как безумный, стараясь превозмочь неистовый шум:

— Он останавливается! Останавливается!

Действительно, шар больше не приближался; он колебался огромным пламенным пузырем то туда, то сюда, метнулся еще два раза вперед, назад, и окончательно застыл на месте.

Дерюгин почувствовал, что на глаза у него выступили слезы.

Чорт возьми! Все-таки это была победа! Хотя и временная, шаткая, но—победа! Этот проклятый огненный волдырь взят-таки в плен!

Внезапно потемнело вокруг, — будто серая пелена упала на мутное небо. Дерюгин обернулся через плечо назад и содрогнулся; половина горизонта с юго-востока была закрыта густой тьмою; косматая черная туча, расплывшаяся от дымного столба далекого вулкана, закрыла солнце. Зато тем ярче впереди сверкал синими молниями огненный шар. Сверху сыпались густые хлопья серой пыли. Животный страх сковал сердце и наполнил тело дряблой слабостью.

Снова кто-то вцепился в руку Дерюгина. Старший механик с исковерканным от ужаса лицом показывал на запад и кричал охрипшим голосом:

— Ветер, ветер, санта Мадонна!

Да, гнало с северо-запада тучи песка, пепла, сухой травы и крутило их столбами завивающихся вихрей справа и слева. — Огненный шар дрогнул под этим ударом, метнулся два раза, как гривастый рыжий конь на привязи, и вдруг сделал огромный скачек к южному краю сжимавшего его кольца. Забегали беспокойно

огоньки на площадках тракторов, сигнализируя новое перестроение. Но было уже поздно. Подхваченный ураганом атомный шар в несколько секунд пролетел расстояние, отделявшее его от линии магнитов, окутал пламенным покровом ближайший из них и понесся дальше в грохотающую тьму. На несколько минут тракторы заметались растерянно, как испуганное стадо неуклюжих черепах, потом вытянулись по три в ряд и, громыхая и лязгая металлом, устремились в погоню. Когда машина, на которой был Дерюгин, поравнялась с оставшейся на месте после столкновения с шаром, он увидел еще не остывшую раскаленную докрасна грудку железа и меди. Невольно подумал о людях, бывших там живыми еще несколько минут назад, и сжал зубы. Показалось, что ветер доносит запах жареного человеческого мяса. Но думать об этом было некогда. Тьма покрывала уже больше половины неба; грохот не смолкал ни на секунду; падали ливнем серые хлопья и кружились мутными смерчами. Минут пятнадцать продолжалась дикая погоня. Огненный след вихря исчез в непроглядной тьме, окутавшей окончательно горизонт. Хлынули потоки дождя, смешанного с грязью и пеплом. Дальнейшее движение было бессмысленно и невозможно. Машины остановились. Дерюгин сидел апатично на своем месте, скрестив руки и закрыв глаза, окончательно раздавленный взбесившейся стихией. Мысли лениво ворочались в голове, ни на чем не останавливаясь. Так прошло с полчаса.

А затем показалось, что земля глупо вздохнула под ногами и содрогнулась до бездонных глубин. Потрясающий, невероятный грохот поглотил все остальное и обрушился обвалом звуков на трепетавшую тьму. Гигантский пламенный столб вырос на неизмеримую высоту, словно лопнула утроба земли и выплюнула в небо свое содержимое. Горячая волна воздуха ударила Дерюгина и он потерял сознание.

Опомнился он и пришел в себя уже в одном из римских госпиталей, среди других десятков тысяч раненых, иска-

леченных и обезумевших людей, избежавших смерти во время небывалой катастрофы, обрушившейся на несчастную страну.

Он долго еще не мог осмыслить происшедшего и привести в порядок свои мысли. Слишком уж все случившееся походило на кошмар большого мозга. А произошло вот что: землетрясение в Кампаньи окончилось извержением такой колоссальной силы, с которой можно было сравнить только катастрофу 1883 года в Зондском проливе, на острове Кракатау. Три последовательные подземные удара выбросили из кратера Везувия неимоверное количество раскаленных обломков, паров, пемзы и пепла.

Сила взрыва была такова, что поднятая им воздушная волна была вынесена в верхние слои атмосферы. Это и были удары, оставшиеся в сознании Дерюгина в последний момент. На сто-сто пятьдесят километров вокруг центра катастрофы были разрушены все города и селения подземными ударами и ураганом, или засыпаны слоем пепла и жидкой грязи. Побережье было залито огромной волной, хлынувшей с моря на сушу. Число убитых было еще неизвестно, но, несомненно, превышало сотни тысяч.

Но вместе с тем в общем хаосе разрушения исчез и атомный вихрь. Трудно было сказать наверное, что случилось, и единственное вероятное предположение, высказанное профессором Болонского университета Ум-

берто Медона, было принято, как общее мнение.

Повидимому, огненный шар попал в циклон, образовавшийся вокруг Везувия, благодаря восходящему току воздуха над кратером. Увлеченный им, шар вырвался из кольца машин, понесся по широкой спирали к центру урагана, и в то время, как он пролетал над жерлом вулкана, произошел главный взрыв, выбросивший атомный вихрь вместе с воздушной волной за пределы атмосферы. Раздавались даже мнения, что такое совпадение не являлось просто случайностью, а было вызвано некоторой связью явлений, но доказать этого, конечно, не представлялось возможным.

Во всяком случае, хотя и дорогою ценою, Земля освободилась от страшной угрозы. Эйтель Флиднер исчез из Генуи вслед за уходом машин и больше его не видели. Вероятно, гонимый своей неотвязной идеей, он упрямо бросился вновь по следам своего воображаемого врага и нашел конец в катастрофе, похоронившей прекрасную Кампанью.

А через три месяца из Гринвичской обсерватории заметили маленькую звездочку, совершающую в качестве нового спутника свой путь вокруг Земли в расстоянии около двух тысяч километров. Это был атомный вихрь, расточающий понемногу в мировые пространства никому теперь не страшную энергию.

Рассказ Н. М. ДЕНИСЕНКО

Иллюстрации С. З. ЛУЗАНОВА

I.

— Если хочешь угодить капитану, не пожалей лишнего сантима, угости его хорошей папиросой!

— Разве капитан такой охотник до курения?

— О!

Черное лицо сержанта Уорро собирается в тысячи складок, выражая всю степень необыкновенной страсти капитана. Убинги—молодой негр солдат, недавно пригнанный с полком в Сирию, придвигается к огню и садится на корточки.

Огонь напоминает ему очаг оставленной хижины в маленькой деревне Уам, которую покинул Убинги много лун тому назад. Убинги не хотел покидать маленькой деревни Уам так же, как своих друзей, жен, детей, своего поля, хижины, могилы предков; но белым, которые постоянно воюют между собой и не находят на земле покоя, понадобился еще один черный солдат, и они решили судьбу Убинги.

Как плакал тогда Убинги, как умолял он коменданта, предлагая ему собаку, пять кур, двенадцать коз, самую молодую и любимую жену! Ничего!.. Белые не знают жалости — у них нет сердца!..

И теперь в форме французского солдата он рядом с другими такими же бедняками сидит перед огнем, под холодным, незнакомым небом, на чужой земле, и слушает сержанта Уорро. О, Уорро не даром в почете у белых! Он много жил с ними, знает все обычаи их, понимает их...

Уорро рассказывает:

— На одной стоянке у капитана вышли все папиросы. Предстояло горячее дело, и капитан больше чем когда-либо нуждался в удвоенном запасе папирос. Что же делает капитан? Он сваряжает ординарца в город за папиросами и не выступает из лагеря до тех пор, пока тот не возвращается. За это время друзья успевают соединиться с другим отрядом, и капитан должен отступить. Говорят, что генерал, узнав об этом, заболел от бешенства, так как неожиданное отступление капитана совершенно разрушило все его планы. Он вызвал к себе капитана и долго говорил с ним. Неизвестно, чем оправдывался капитан, но только он остался в отряде.

Эхе! Белые—мастера лгать, и там, где глаз твой видит тьму, они докажут тебе, что это свет. Им легче это сделать, чем тебе почесать пятки. Однако, истинная причина неудачи при Сель-Икили та, что знает сержант Уорро.

Все одобрительно помолчали. Дым от костра багровой спиралью подымался к небу, усеянному звездами. Кругом горели такие же огни бивуака, а дальше, заполненная тьмой, лежала пустыня.

Убинги грелся у костра и думал о другом огне, огромном и веселом, который зажигают его друзья в лесных чащах, чтобы выгнать зверя на охотника; о том, сколько радости доставляет такая охота, и также о том, что и белые могут находиться под чарами сильных духов...

Капитан де-Сангильтер закуривает сто первую за этот день папиросу и, грузно навалившись на стол, пишет. Но его грубому, бурому, как древесная кора, лицу нельзя прочесть того, что он пишет. За долгие скитанья в колоннальных войсках капитан де-Сангильтер приучился настолько владеть мускулами лица, что даже в одиночестве они послушны ему, как солдаты.

Свечного огарка в темно-зеленой бутылке, достаточного, чтобы осветить восьмушку бумаги, однако не

капитана. Капитан размяк, капитан улыбается... Он пишет:

1926 г. мая 6-го.

Сирия. Оазис Эль-Ка-Даура.
Милая Мари!

Я не перестал мечтать о том дне, который нас соединит. Этот счастливый день наступит быть может скорее, чем мы думали. Та сумма денег, которую поставил, как условие, твой отец, и которая нам действительно необходима для спокойной счастливой жизни, будет скоро в моих руках.

Убинги, молодой негр, сидя на корточках, слушал интересный рассказ сержанта Уорро о капитане Сангильтере.

хватает для того, чтобы открыть всю просторную палатку капитана, и там, где стоит его походная кровать, серым комом лежит тень.

Капитан де-Сангильтер бросает перо, перекладывает папиросу из левого угла рта в правый и, жмуря глаз от дыма, просматривает написанное. Потом, тщательно выбрав и обровняв чистый лист бумаги, усаживается поудобнее, вынимает изо рта папиросу и сидит так некоторое время с чуть полуоткрытым ртом. Теперь видно, что не всегда лицевые мускулы находятся в строгом повиновении

Я делаю все, что в моих силах... Сил этих хватит, но не ужасно ли, Мари, говорить о любви с помощью денежных знаков?..

Впрочем, таково теперь время... Прости за некоторую несвязность моего письма, но мы готовимся к выступлению, и я не могу уделить себе много времени.

Все мы надеемся, что поход будет последним, и эти несносные друзья будут, наконец, усмирены.

Капитан с усилием ставит точку, прибавляет несколько нежных заключительных строк, смотрит на часы.

Маленькие стрелки, никогда не устающие в своем шествии по ограниченному, точно заколдованному кругу, мгновенно устраняют несвойственную размякłość черт капитана и возвращают им прежний непроницаемый вид. Капитан берет кэпи, наполняет портсигар папиросами и выходит из палатки.

Небольшое селение, раскинутое на берегу тихой речки, молчаливо и пусто. Оно служит лагерем для отряда французских войск и подчинено их строгому режиму. После 10-ти вечера ни один туземец, без страха провести ночь в разведке французов, не смеет показаться на улице. Виднеются только фигуры патрулей и вышедших подышать свежим воздухом перед сном офицеров. Больше всего гуляющих у реки. Ее темная, лоснящаяся поверхность — беззвучна и неподвижна. Она, как беглец, прячется здесь от обступающих ее со всех сторон камней и песку пустыни, жаркое дыхание которой доносится сюда днем, как из пасти разъяренного зверя.

Капитан де-Сангильер замедляет шаги, отвечает на приветствия лейтенантов, прогуливается, рассеянно поглядывая на небо. Его неизменная папироса вспыхивает то здесь, то там, как уголек, раздуваемый ветром... Все тихо, и сдержанные голоса офицеров замолкают, подчиняясь великому безмолвию ночи.

В такие минуты хорошо помечтать тому, кто здесь случаен и ненужен, кто отринут просторами и этого неба, и этой земли, и кто в тоске оборачивается назад, считая свои следы к родному крову...

Капитан де-Сангильер садится на камень у реки и долго смотрит на ее черную, глянцевиую поверхность. Приветствие, произнесенное с иностранным акцентом, выводит его из задумчивости.

Офицер королевских войск, майор Джексон, находящийся при французских войсках в качестве военного атташе Англии, вышел тоже подышать свежим воздухом. Его не любят здесь, в отряде, так как скрытая борьба между Англией и Францией за Ближний Восток и официальное положение, занимаемое майором, заставляют смотреть на него почти как на шпиона. Если, однако, любой из жителей этого селения за те же самые качества неминуемо отправляется под расстрел, то майор Джексон свободно разгуливает ночью по французскому лагерю, не вызывая ни в ком особого недоумения. Ему даже кланяются, и он отвечает со свойственной его нации чопорностью, и самоуверенность не покидает его ни на минуту. Он подсаживается на камень к Сангильеру и также молчаливо смотрит на реку. Капитан

— Мерси, капитан, вашей замечательной папиросой я предпочту насладиться дома.

де-Сангильер любезно предлагает майору закурить. Все знают маленькую слабость капитана. Из своеобразного тщеславия, приправленного сознанием высокого престижа Франции, Сангильер всегда угощает англичанина особыми, отборными папиросами, которых он и сам не курит и которые держит исключительно, так сказать, для поддержания чести своей родины. И все также отлично знают, что скупой и расчетливый англичанин не закурит предложенной папиросы, хотя и возьмет, благодаря капитана в неизменно изысканных выражениях:

— Мерси, капитан, я только что курил, но ваш замечательный сорт заставляет меня совершить маленькую бестактность и взять папиросу с тем, чтобы потом вполне насладиться всеми ее качествами.

На что капитан де-Сангильер отвечает:

— О, г. майор! Вы оказываете своим папиросам слишком много чести!..

Из черных бездн пустыни доносятся неясные звуки. Окрик часового, ночь, и безмолвие, безмолвие...

II.

Лежа в далеко-выдвинутом секрете, Убинги слушал ночь. Эта ночь была не похожа на тень, которые знал Убинги в маленькой деревне Уам. Слишком просторная, слишком большая, незагороженная привычной извилистой стеной из зарослей и гор, она молчала, она пугала и заставляла замечать свое одиночество. Убинги тихонько вздохнул. Ему хотелось в свою хижину, к своей постели из сена и шкуры быка, к своей любимой жене и всей привычной и покойной обстановке сна, а вместо всего этого перед ним лежало длинное ружье с острым штыком, и туго набитый патронташ неприятно давил живот. Убинги тяжело заворочался. Он вспомнил, как сидел он в засаде у себя на родине. Он дрожал тогда от ненависти и злобы, а нож сам прыгал в его руках, порываясь к сердцу злейшего врага Уталы, сына Синга. Когда брызнула кровь, Убинги издал торжественный вопль... Все было так, как должно было быть. Но зачем ему теперь убивать и подстергать людей, к которым он ничего не чувствовал, кроме пустого равнодушия — это было непонятно.

Белые! Их козни и выдумки!.. Ах, эти проклятые твари!

Уж если бы ему позволили распорядиться своим ружьем так, как он хочет, он с большим удовольствием употребил бы его против белых, чем их неизвестных врагов. Они мучили его, презирали, не давали жить, наслаждаться!..

Кровь застучала у него в висках. Невыносимое желание опять увидеть свое поле, свое стадо, хижину, друзей, схватить и прижать к себе послушное тело одной из жен овладело им всецело. И чем сильнее бушевала в нем кровь, тем напряженней и стремительней становилась ненависть к бе-

Убинги прыгнул на друга; как пантера.

лым. Он жалобно застонал. Никто не слышал его. Необъятная и немая над ним лежала ночь. Из-за тучи выскользнула луна и осветила бесплодную равнину. В зеленоватом свете мягко засверкали большие серые камни, отбросив от себя резкие тени. Все было мертво, пусто и беззвучно. И вдруг один камень ожил и зашевелился. Он лежал всего в нескольких шагах от Убинги и теперь ожив, двигался прямо на него. Убинги раскрыл рот от удивления. Таких чудес он еще не видал даже у белых.

Камень, или то, что принимал Убинги за камень, останавливался, припадал к земле и снова скользил в зеленоватом, мертвеном свете луны. Теперь Убинги мог рассмотреть его. Это был какой-то бедняк, худой и голый, едва прикрытый одними рубищами. Лицо его было за светом, и Убинги не видал его. Только раз, когда таинственный беглец поднял голову, глаза его сверкнули странно и дико. Убинги схватил ружье. Беглец, не замечая негра, скрытого грудой камней, пробирался дальше. Он полз теперь совсем возле солдата; песок шуршал тихо и вкрадчиво. Убинги быстро принял план действий. Едва голова и плечи беглеца выдвинулись из-за прикрытия, он вскочил и прыгнул на него сверху, как пантера. Придушенный крик, возглас отчаяния и страха, — и два

тела сплелись в напряженном усилии. Силы однако были не равны. Перед Убинги был еще почти мальчик, и он очень скоро затих в железных объятиях негра. Тогда Убинги разжал руки, отшвырнул нож, который скрывался в рубищах юноши, и посадил его перед собой. Несчастный, корчась, точно от какой-то внутренней боли, сидел перед ним, охватив голову руками. Убинги смотрел на него без гнева, без ненависти, даже без сожаления, так, как он смотрел бы на него в своей маленькой прекрасной деревне Уам. Было даже любопытно посмотреть на незнакомого человека, и он, вместо того, чтобы встать и повести пленника к сержанту, дружески хлопнул его по плечу и приветливо показал зубы. Тот вздрогнул, отнял руки от лица и забормотал что-то на ломаном французском языке, сопровождая речь обильной жестикуляцией. Такой язык мог понять Убинги. Сверкая зубами, он закивал головой.

— Друз... друз... да... да... он понял... понял... очень хорошо!...

И он опять ободряюще потрепал пленника по плечу. Друз издал высокий гортанный звук и вдруг, повалившись ничком, охватил колени Убинги. Какая-то судорога пробежала по его телу, и вот он залопотал стремительно и быстро, точно боясь, что не успеет высказать всего, что ему нужно было сказать. Смысл его бормотания был жалостливый и тревожный.

Прежде всего он умоляет отпустить его... Там (он выбросил руку и указал направление) у него мать, сестра... брат обещал ему отдать лучшего жеребца... Он шел сюда, потому что не мог не пойти... Он должен убить главного француза, того, кто ведет на них и его братьев свои страшные войска... В деревне не осталось ни одного мужчины... Все ушли на войну... Женщины, старики и дети не смогут защитить свои стада, сады и каналы... Им пришла гибель... Если бы он добрался, он перерезал бы горло главному французу... Быть может тогда они устранились бы и не пошли дальше...

Убинги чувствовал на своих коленях бьющуюся голову друга, слушал бессвязный поток слов, и странное возбуждение охватывало его.

Сады и каналы!.. Маленькая благословенная деревня Уам!.. Разве не так же дрожал и плакал он на коленях матери, еще маленький и слабый Убинги, когда племя уходило от белых?.. Разве не так же видел в длинном и страшном пути кровь своих братьев от когтей зверя, стрел и ножей врагов? Разве не так же слышал стоны и проклятья от непосильного труда над расчисткой и застройкой новых мест?.. И для чего же?.. Чтобы потом все бросить и опять идти, идти, потому что белые имели какой-то особенный нюх на черных, отыскивали и приходили к ним, когда те еще не успевали закончить даже своих построек!..

Убинги не мог больше выдержать молчания. Он вскочил и заговорил. Он заговорил о том, как хороша маленькая деревня Уам, как прекрасна его любимая жена Имдувур, как весела и полна наслаждений их жизнь, и как было бы все еще лучше, если бы не было белых. Он говорил с другом, как с человеком, который может понять его, не умолкая, а когда вспомнил белых—начал проклинать и ругать их. Друз терпеливо слушал его и заискивающе кивал головой. Вдруг Убинги в последней степени возбуждения отбросил ружье и схватил друга за руку.

— Послушай!—сказал он,—Убинги не враг тебе! Убинги хочет помочь тебе! Он знает тайну главного француза и он расскажет тебе ее! Владея ею, ты сможешь спасти свое племя!.. Не надо резать и убивать француза... Они начнут искать виновного, и тогда погиб Убинги... Не надо убийства, когда есть более простое и верное средство!..

— Слушай! Главный капитан французов находится под чарами великого духа. Он не может обойтись без курения. Он курит даже тогда, когда спит. Если оставить его без папирос, он не пойдет дальше, пока ему не привезут новых. Такой случай уже был. Я знаю. Можешь поверить Убинги!

Он никогда не лжет!.. Иди же к дому капитана, я пропущу тебя, выбери время, когда его не будет, и возьми у него все папиросы. Папиросы!.. Папиросы!.. Понял?..

В восторге от своей такой внезапной и удивительной мысли, Убинги даже заплясал вокруг друга и, так как тот еще медлил, чего-то боялся и ежился под взглядом Убинги, он нетерпеливо подтолкнул его, крикнув:

— Иди же! Иди!.. Хижина главного капитана у реки!.. Ты узнаешь ее по большому флагу над входом!..

Тогда друг выпрямился, порывисто схватил и сжал горячей ладонью руку негра, прыгнул и исчез. Убинги посмотрел ему вслед и удовлетворенно засмеялся. Он был счастлив, что смог, наконец-то, провести и наказать белых.

— Ала-ла-ла!.. Пусть не думают белые, что их уж никогда не перехитрит черный!.. Пусть не думают!..

III.

Оазис Эль-Ка-Даура. Милая Мари!

Я пишу Тебе за несколько часов до выступления. Я немного вздремнул сейчас и увидел Тебя, Мари!

Как прекрасна была ты, Мари! И как я любил Тебя!.. Мы шли с Тобой по какому-то сказочному саду, и у нас было ощущение тягостное и блаженное одновременно, что с каждым шагом мы приближаемся к чему-то неизбежному, но прекрасному, прекрасному!..

Ах, Мари! Скоро ли окончится наша разлука?.. Ты видишь, я начинаю нервничать... Сегодня, наконец... но нет, я не скажу тебе ничего... Так надо!.. И даже тогда, когда у нас будет наш собственный сказочный садик, даже тогда я не скажу тебе ни слова о том, что...

Мари!.. если бы ты знала, как я страдаю!..

Капитан де-Сангильер задумался, перечитал письмо, порвал и начал новое. Со сна письма выходят быть может и искренние, но всегда глупые. Надо остерегаться посылать необдуманные письма...

Сангильер писал новое письмо. Ему нужен был конверт и, так как его не оказалось под руками, он встал, подошел к кровати, выдвинул походный чемодан и открыл его. В это время один из офицеров, пробегая мимо, заглянул в палатку капитана.

— Сангильер!—закричал он, размахивая пачкой писем: если не хотите, чтобы ваше письмо осталось, спешите! Лейтенант Рено сейчас улетает!

В палатку врывался уже гул пущенного мотора, и Сангильер, наскоро написав адрес, выбежал вслед за офицером. Тотчас же заднее полотнище палатки дрогнуло и заколебалось. Чье-то худое тело просунулось между полотнищем и землей и вползло, как змея, в палатку. Новый приятель Убинги, маленький оборванный друг, вскочил с земли, прислушался и, увидев раскрытый чемодан, мгновенно бросился к нему.

Сверху, рядом с разбросанными конвертами, лежала небольшая коробка папирос. Друг торопливо схватил ее, хотел искать дальше,—ведь он должен был забрать все папиросы капитана!—но в это время совсем близко зашуршали вдруг шаги. Нельзя было больше терять ни секунды. Друг соскочил от чемодана и тем же способом, что и вошел, выбрался из палатки.

Капитан не спеша подошел к чемодану и, как человек, не любящий беспорядка, стал складывать разбросанные конверты. Мысли его летели с аэропланом Рено, и он наводил порядок совершенно безотчетно. Но вдруг он вскрикнул. Собранные им конверты выпали из рук. Он отшатнулся и дикими глазами уставился на чемодан. Потом с бурно прихлынувшей энергией перевернул чемодан, разбросал все вещи, заглянул во все отделения чемодана...—Коробки папирос, тех особенных, которых не курил сам Сангильер, не было. Все прочие пачки были, но ее не было.

Все еще не решаясь поверить, капитан вывернул свои карманы, заглянул под кровать, обыскал стол. Напрасно! Маленькая коробка с замысловатой золотой этикеткой исчезла!

Тогда капитан медленно подошел к столу, долго отодвигал стул. Сел, устало подпер голову руками, тусклым, безразличным взглядом смотрел на свечу. Наличие вещей и всех прочих пачек с папиросами исключало возможность случайного воровства. Значит это было...

— Мари!..—прошептал капитан,— Мари!..

.....

Когда на выстрел прибежал патруль, он увидел капитана, хрипящего на земле в большой луже крови. Был вызван врач. В лагере поднялась тревога. Никто не мог понять постука капитана де-Сангиьера. Все, кто знал капитана ближе, вспоминали его всегдашнюю бодрость, жизнедеятельность и терялись в догадках. Некоторые видели его незадолго до трагической развязки у аппарата Рено. Капитан передавал письмо своей возлюбленной и совсем не имел вида человека, решившего покончить все счета

с жизнью. Очевидно, это решение пришло внезапно. Разбросанные вещи указывали на этот мгновенно наступивший кризис в настроении капитана. Похоже было на то, что он искал что-то. Впрочем, с еще большей вероятностью—он мог укладываться, собираясь в поход...

На заре в лагере был задержан маленький друг. На этот раз он попал в руки белого патруля, который не стал долго разговаривать с ним, на подобие черного Убинги. Друг был доставлен в разведку. При обыске у него обнаружили маленькую коробку с дорогими папиросами, и один из офицеров вдруг узнал в них те папиросы, которыми капитан де-Сангиьер из патриотизма угощал всегда англичанина Джексона. Это показалось весьма странным в связи с самоубийством капитана. Папиросы были разломаны и тщательно исследованы. В мундштуке одной, лежащей наверху плотного ряда других, была обнаружена при этом свернутая в трубочку ма-

Когда на выстрел прибежал патруль, он увидел капитана, хрипящего на земле в луже крови.

ленькая записка. Ее развернули и прочли. В записке, в краткой телеграммной форме, передавалось: очередная цель похода, состав частей, тайная диспозиция. Теперь стало ясно, почему майор Джексон любил курить папиросы Сангилера только у себя дома. Никто не проронил ни слова.

Все сидели, точно оглушенные разрывом крупного снаряда. Кто-то нервно кашлянул.

В углу жался маленький друз. Он сидел и думал только об одном: почему не успел он захватить всех папирос капитана?..

Час спустя он был расстрелян...

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задачи, шарady и шуточные загадки совершенно напрасно некоторые считают пустой забавой. Для занятого, уставшего ума это то же самое, что легкие гимнастические упражнения для засидевшегося человека. Величайшие математики и мыслители всех стран и народов уделяли часть своего досуга составлению и решению занимательных загадок, из которых подчас выросли серьезные научные вопросы, толкавшие творческую мысль их составителей. Ньютон, Эйлер, Кардан, Гермель, Тиндаль, Вольтер, Эдиссон и много других славных имен связано с некоторыми интересными задачами и загадками. Вот несколько примеров таких задач.

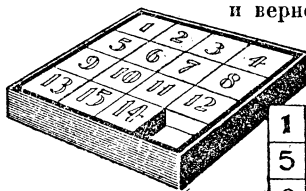
Задача № 14.

Возьмите небольшой ящичек или еще проще — вырежьте в листе толстого картона квадратное отверстие 4×4 дм. и подклейте его снизу другим листом картона. Вырезанный квадрат разделите и разрежьте на 16 маленьких квадратов, на которых затем напишите цифры от единицы до 16. Вложите эти квадратик по порядку цифр в сделанную рамку, оставив последнюю клетку с цифрой 16 пустой, и переставьте 14 и 15 квадрат один на место другого (см. рис. слева). Затем попробуйте, передвигая (но не поднимая!) квадратик, расположить их в нормальном порядке, т. е. № 15 заменить № 14 (рис. справа). Задача как будто проста, но посмотрим, сколько времени она у вас возьмет.

Эта задача нечто иное, как знаменитая игра в пятнадцать, или такен, изобретенная в Америке в 1878 году и с тех пор получившая огромное распространение на западе (у нас она, к сожалению, не в ходу, несмотря на ее занимательность и полез-

ность). Квадратики или кубики можно поставить, конечно, в любом порядке и, вынув один из них, постараться рядом расположить их по возрастающим номерам. Сколько же можно сделать таких ходов в этой игре? Математика дает вполне точный ответ — не более и не менее как 20.922.789.888.000. Если какому-нибудь терпеливому читателю захотелось бы проделать все возможные комбинации перестановок, и он сидел бы над ним по 18 часов в сутки, делая по одной перестановке в секунду, то ему понадобилось бы... около 837.000 лет. Мы предоставляем читателям возможность подумать над выработкой некоторых правил в этой интересной игре

и вернемся к ней в одном из ближайших №№ журнала.

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	

ПОЛЧИЩЕ УЖАСА

Рассказ ВЕНТУРЫ ГАРСИИ КАЛЬДЕРОНА

С испанского перев. С. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТГУХ Иллюстрации С. МОЧАЛОВА

«Надо изо всех сил ухватиться за убегающую черепаху и одним толчком перевернуть ее на спину. И она, вытянув четыре ножки вверх в воздух, остается лежать неподвижно на земле. Только тогда можно решить, стоит ли ее печь. Затем ударом мачетты отделяют ее щиток, и в этой естественной кастрюле, дарованной отцом — Солнцем мужчинам моей страны, готовят кушанье, достойное инков и богов»...

Джулио Видаль точно следовал этой инструкции, данной ему одной престарелой индианкой, и штук двадцать гигантских черепах с треском успело плюхнуться в воды ближайшего озера.

Вдруг пронзительный крик заставил его приостановить работу. Это кричала не обезьяна-реву. Он быстро побежал к своей хижине, отстоявшей на расстоянии нескольких сот метров, с удивлением глядя на пронесшихся мимо него галопом диких свиней, по следам которых бежал великолепный тапир.

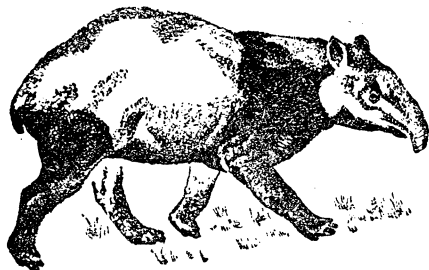
— Это ты кричала? — с тревогой заорал он в дверь.

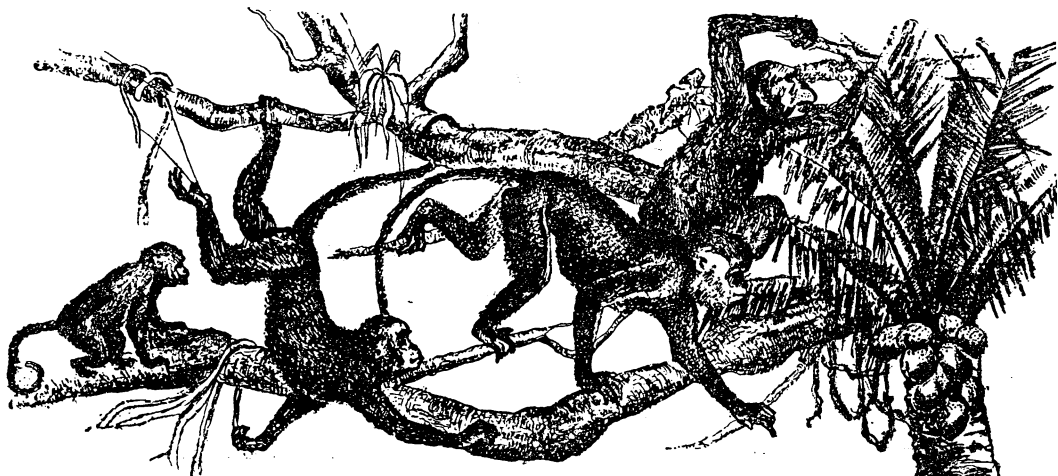
Молчание. На полу хижины лежала без сознания его юная жена, укушенная одной из тех маленьких змеек, которые почти никогда не бросаются на человека. Теперь оставалось при-

менять только крайнее средство: он насыпал порошу на место укуса и поджег. Мясо повисло мелкими лохмотьями.

И только сейчас он обратил внимание на все возраставшее тревожное возбуждение, охватившее его домашних животных. Маленькая мартышка с личиком монаха нервно суетилась, бегая на железной цепи. Великолепный попугай ара с широко распушенными крыльями, сверкавшими как краски палитры, свешивался с крыши, судорожно сунув клюв в бамбук. Даже маленькие светлячки, которыми по вечерам его жена иногда украшала свои волосы, засветились зеленым светом. Какую же опасность почували они?

Джулио Видаль, живший всего несколько месяцев в этом заброшенном уголку Лорето, не знал еще, что такое первобытный лес. А его индейцы

ушли далеко — они рассыпались по лесу, собирая горшки с молоком, струившимся из надрезанных каучуковых деревьев. Чувство

отчаяния на один миг охватило его. Но это не был человек, который так легко поддается панике. Он, как умел, наложил

повязку своей жене, а затем вышел из хижины. Странное зрелище открылось перед ним при свете восходившей чуть желтоватой луны.

Ветви и орехи с треском падали на землю — это убегали обезьяны. Все, кто жил в лесу, искали спасения, и это шумного бегства не могло действовать успокоительно на нежные нервы белого человека. Кругом, до самой опушки, ничего не видно — только бурая земля. Но разве не казалось по временам, что она движется, как море фосфоресцирующим светом

на гребне волн? — Как какая-то концентричная лавина, она напирала на темную хижину. Нет, у земли при лунном свете не бывает этого блеклого, металлического блеска!

Медленно, медленно, подкрадывались волны, и через час неподвижного ожидания Джулио Видаль к своему ужасу мог различить бурые головы исполинских муравьев.

Малютка макако начал всхлипывать, как маленький ребенок, попугай ара стал в комичном отчаянии вырывать у себя перья, которые, медленно колыхаясь, падали на землю, как какие-то сверкающие цветочные лепестки.

Джулио Видаль стал раздумывать: мо-

жет быть, стоит попытаться пробраться к озеру через эту кишевшую массу? Несмотря на риск споткнуться и уже никогда не встать... Это был выход! Ну, а его молодая жена? Что станет с ней? Теперь она спала, совершенно истощенная страданиями и волнением. Унести ее на спине? Невозможно! Уж лучше забаррикадироваться и щели в стенах замазать мягкой резиной. А тех исполинских насекомых, которые по одиночке могут проскользнуть в хижину, он сможет легко уничтожить.

С риском задохнуться в густом чаду, он стал размягчать на примитивном очаге куски каучука в маленьком панцире черепахи. Осада, настоящая осада! И он уже стал улыбаться, доверяя своей бдительности.

Началось со слабого глодания, слабого, как глодание мышки. Джулио Видадь догадался, что передовой отряд этой огромной, страшной, раскинувшейся на целый километр армии, поднялся теперь тесно сомкнутыми ря-

дами на стены и крышу хижины в поисках какой-нибудь щели. Пригнувшись ухом к выдолбленному бамбуку, он ясно слышал легкое царапанье маленьких безжалостных челюстей.

Что-то плюхнулось, и этот звук заставил его осмотреться по сторонам. С какой-то почти комичной яростью бросился он на упавшего сверху муравья, а затем разразился нервным смехом. Ведь так просто давить их сапогом!

Затем он стал тщательно замазывать все щели почти совсем жидкой шпирингой, дым которой густыми клубами наполнял хижину. Целый час прошел в напряженном ожидании, но до него не долетало ни одного звука. Может быть, муравьи повернули назад? Его нервы ослабели, и он медленно задремал.

Но к утру он вдруг вскочил на ноги. Маленькая обезьянка с криком отбивалась хвостом и зубами от сотен муравьев. Через какую

же старую дырку в полу проникли они сюда? Стены и пол были усеяны ими, и их умные глазки сверкали отовсюду в красноватом полумраке подернутого пеплом огня... Бурый поток, вырвавшийся как вода из какого-то источника и подымавшийся все выше и выше.

Полубезумев, он стал топтать и лавить тысячи муравьев ногами, превращая их в кашу, затем, выплеснув содержимое из щитков черепахи, распахнул дверь, но в ужасе отпрянул назад. Насколько хватал глаз, перед ним, при свете побледневшей луны, была колыхавшаяся бурая масса безмолвных муравьев. Непреодолимо ринулись они в хижину, где человек гновою заплесал безумный танец смерти на их трупах. Под его ногами лежал толстый ковер, тусклый, как увядшая осенняя листва, но лави-

навливалась все
дальше и дальше,
бесшумно, неумолимо-
точно.

А затем?... Затем муравьи поползли по веревкам, которыми гамак был прикреплен к крыше... поползли к его больной жене.

На один миг в мозгу Джулио Видала пронеслась мысль, что он отнесет жену на берег, где был его плот и его спасение. Но ужасная боязнь споткнуться, поскользнуться с этой ношей на спине, поднялась в его горле, как какой-то огромный клубок. А вместе с ней закрадся и столь чуждый ему эгоизм. Спасти бы только от этой ужасной смерти,—скорее, как только несут ноги!

В тусклом свете утренних сумерек по лужайке к озеру бежал мужчина, как какое-то дикое животное, то спотыкаясь и шатаясь, как пьяный, то падая от изнеможения...

Когда через несколько дней Джулио Видала вернулся в свою хижину, он нашел в ней только чисто обглоданные кости.

Муравьи сделали свое дело.

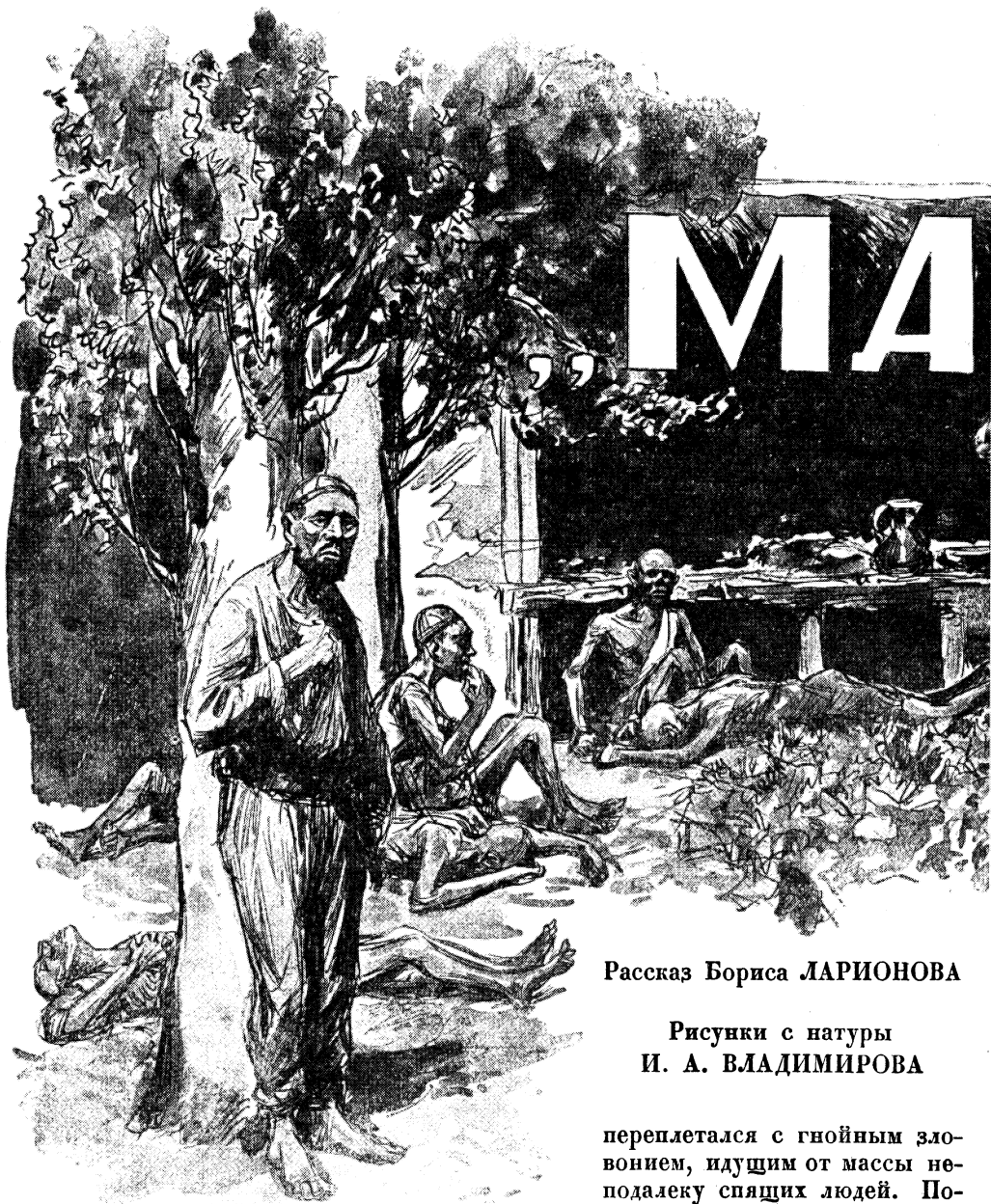
Литературный Конкурс „Мира Приключений“.

На Литературный Конкурс прислано множество рассказов без соблюдения основного условия—анонимности автора. (См. проспект Конкурса в №№ 8 и 9 „Мира Приключений“ за 1926 г. и в № 1 за 1927 г.).

С другой стороны, мы получили ряд заявлений, что условия Конкурса опубликованы впервые только во второй половине декабря, и что 1-е марта—последний срок представления рукописей,—является слишком кратким.

Уступая многочисленным пожеланиям, Редакция решила продлить СРОК принятия рассказов на 1 месяц, т. е. ДО 1 АПРЕЛЯ 1927 г.

Настоятельно обращаем внимание на необходимость соблюдения условий Конкурса, без чего присланные рукописи не могут считаться конкурсными.

Рассказ Бориса ЛАРИОНОВА

Рисунки с натуры
И. А. ВЛАДИМИРОВА

От цветника пахло мятой. Вольно качались молодые тополя, где-то на карагаче пел соловей, и ему подпевал Юлдаш-прокаженный.

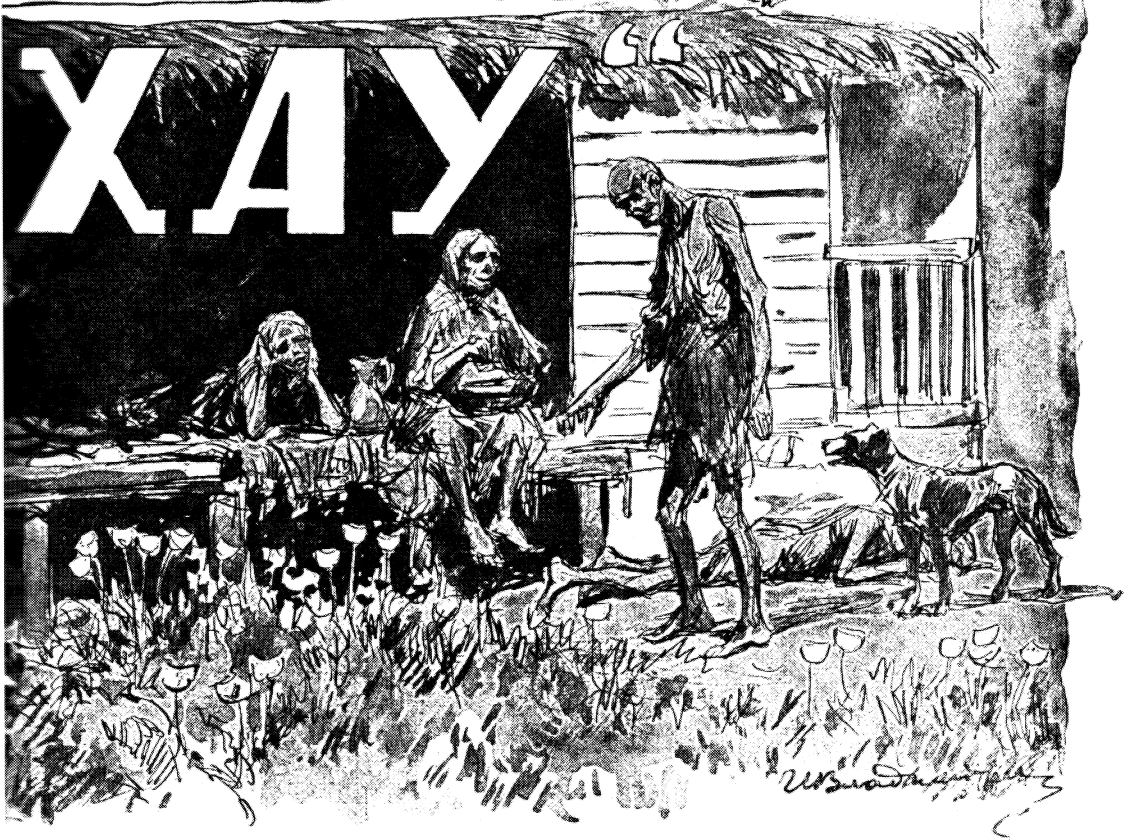
Слушали их: старый, полуразвалившийся киргиз, несколько безносых женщин и кривая на один глаз собака Балык. Луна над их головами бесстыдно освещала все безобразное и уродливое. Ее нежный цвет мешался со страшными язвами на лице Юлдаша, а запах цветов в рассаднике

переплетался с гнойным зловонием, идущим от массы неподалеку спящих людей. Получалось нечто специфическое для кишлака Махау — кишлака прокаженных.

100 метров в длину, 15 в ширину — прямоугольный двор. По стенам, закрытые навесом, стояли нары. Рядом растянулись огороженные квадраты цветников: мак, культивированная мята и еще какие-то растения с широкими, громадными листьями.

Хотя были и нары, десятки здешних жителей предпочитали спать просто на земле, не желая затруднять себя лишним движением, чтобы влезть под навес. Где их за-

На далених окраинах.

ставала ночь и желание спать, там и спали.

Каждое утро, просыпаясь, они нудно растирали свои язвы, получали от аксакала обычную порцию завтрака, торопливо съедали ее, недоверчиво косясь на товарищей, потом толпой собирались у старого Барабая и хохотали над его идиотскими выходками. Барабай—костяк с лохмотьями мяса на нем,—уже сошел с ума. Он прыгал, как лягушка, на четвереньках, бессмысленно, по рыбы пучил глаза. На его безобразную голову сыпали песок, бросали щепки и, когда он, прыгая на руках и ногах, хрипел, раскрыв рот, как хамелеон, все хохотали. Хохот тоже был спедифический, безжалостный и почти бессмысленный. Когда же надоедал Барабай, занимались собакой или сидели на солнце, ковыряли язвы

и ловили насекомых в ожидании обеда.

У таких, как Юлдаш, недавних жителей этого поселка, остались еще воспоминания. В летний светлый вечер сильнее разгоралась боль о прошедшем. Сон не приходил к измученному, потухающему сознанию. Представлялись счастливые соседи по дорожному дому: они теперь усиленно работали на бахчах и в садах. Эх, как просили мускулы тела привычной работы! Бывало, в это время, вместе с закатом солнца, Юлдаш грузил арбу дынями и арбузами и отправлялся в русский город к завтрашнему базарному дню. Из-под чадры, открываясь только для него, смотрели черные глаза жены—Кызылгуль. Они светились печалью и любовью. Кызылгуль будет всю ночь тосковать по ласкам мужа, но не смеет сказать

ему, грозному и деловому о своих ничтожных женских горестях. Зато после базарного дня Юлдаш веселый, с пением, въедет во двор, оденет смеющейся хатун оловянный браслет на руку и взамен его ущипнет плотоядно, до слез, молодую женщину.

Так текло его маленькое счастье. Но, однажды, проснувшись для трудового дня, он обратил на свое лицо внимание жены. Под глазом на щеке оказался большой нарыв. Кызылгуль с ужасом бормотала заклинания. Она была знакома с этой болезнью. В шайхантаурской части уже заболел также младший брат. Это было давно, давно. Она помнит, как жители шайхантаурской части ночью ворвались к ним в дом и силой увели брата в Махау.

Но мнение жены — Юлдашу не важно! Что он, не мужчина, что ли? Он знаком с культурой и потому, запрягши арбу, поехал к габибу за лекарством. Все равно были дела в городе.

Габиб странно отнесся к его болезни; не дал лекарства, а позвал двух караульщиков узбеков и те силой усадили его на арбу под крики любопытных и увезли в этот страшный кишлак.

Юлдаш плакал, как ребенок, бился головой о дно арбы, кусался, молил и звал на помощь. Этим только собирав толпы любопытных, а помощи не нашел.

В кишлаке над ним хохотали прокаженные, бросали камнями, плевались, но потом, привыкнув, позабыли. Но не мог привыкнуть Юлдаш, хозяин бахчи, фруктового сада, рабочей лошади и красавицы Кызылгуль. Про себя сулил половину своего богатства Аллаху, давал обет не брать второй жены, лишь бы только вернуться домой из этого шайтаном выдуманного места.

Иногда украдкой смотрел через стену на пыльную, зигзагами уходящую в край неба дорогу. Мысленно бежал по ней, но всегда натывался как бы на острый шип, вспомнив, что везде его будет выдавать обезображенное лицо. Тогда возвращался на землю, ложился вниз лицом, предавался сухому отчаянию, не замечая ни пинков, ни хо-

хота окружающих. А когда случалось, что в их поселок забредут любопытные с портфелями и тетрадами, то Юлдаш вместе с другими просил, вляясь в ноги, лекарства для излечения. Люди в блестящих ботинках, в дорогой одежде, казались могущественными, им стоило только пожелать — и Юлдаш был бы свободен! Но все они что-то писали в своих тетрадях и уходили, отвечая на просьбы:

— Майли, майли! (ладно, ладно).

Раз из города здоровых один принес ящик, поставил на три палки и велел аксакалу тащить всех жителей к этому ящику. Поднялась паника. Женщины цеплялись за мужчин — своих заступников, мужчины в страхе лезли под нары. Стоял ужасный, нечленораздельный вой. Барабай на четвереньках бросился к человеку с ящиком; тот в страхе или отвращении ударил его по голове каблуком, но Барабай не отставал. Тогда двое санитаров связали его и уложили на нары. Потом объявили всем, что ящиком их будут лечить. Все стали лезть на пришедшего человека, хохотали, плакали, целовали его ботинки.

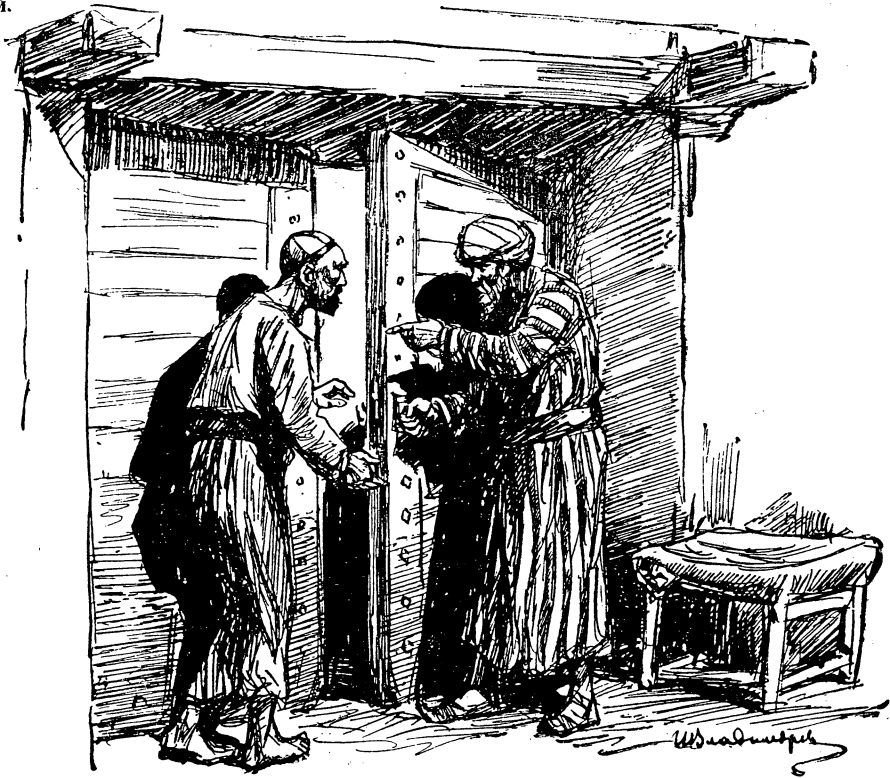
Но человек ушел, а язвы остались. Долго смотрели ему вслед из-за забора, а когда его велосипед вместе с ним стал точкой на синем своде неба, разошлись по углам.

Юлдаш давно установил, что люди только начинаются за этой стеною, лежащей справа от ворот кишлака, а здесь живут — мертвецы. Но почему он, человек еще живой, — между ними? Может быть они ошиблись и еще догадаются, и возьмут его отсюда, дадут лекарства...

Нет, они или слепы, или жестоки, как шакалы. Нужно действовать самому! Разве он не привык к этому за свою жизнь? Мысль о победе давно развилась в его голове. Он не думал о том, как его примут дома. Перспектива свободы и другой обстановки наполняла его грудь. Сладко кружилась голова и замирало сердце.

— Нет, убегу! — решал он.

Все, что встретит его за забором, будет лучше настоящего. В такую светлую, теплую ночь, в молодости хотелось буйного молодчества, и

— Я тебя пушу... Дураку лучше умереть!

он с приятелями устраивал пьяные дебоши в родном ауле. Были они пьяны не от вина, а от молодой крови.

Внезапно нахлынувшие воспоминания юности дали сигнал к действию. Он кончил петь. Возбужденно оглянулся кругом. Киргиз и женщины заснули под его песню. Собака повизгивала во сне. Тихо ступился на дрожащих ногах с нар, трепетно прислушивался к свисту и храпу спящих, потом босыми ногами пробежал к воротам. Здесь спал аксакал. Бессознательно гипнотизируя остановившимся взглядом этого беспечного сторожа, Юдаш медленно, почти торжественно, снимал с его шеи ключ. Когда поднял его голову, Юдаш замер от нахлынувшего ужаса: аксакал смотрел на него широко открытыми глазами и в них была спокойная насмешка. Потом он встал и сказал:

— Ну, что засмотрелся, глаза испортишь! Я тебя пушу для того, чтобы солдаты пристрелили тебя своими ружьями. Дураку лучше умереть!

И когда запирает за ним дверь, провормotal:

— Ты бы меня убил, если бы я захотел тебя спасти, но лучше издыхай сам, собака!

При лунном свете Юдашу был виден весь путь. Прямо от ворот шла дорога к русскому городу. Но идти по ней было опасно. Повинуясь бессознательному инстинкту, он пошел вдоль забора в противоположную сторону от кишлака. Здесь во все стороны простирались поля, широкие, бесконечные. В полверсте от забора виднелись карликовые тополи, они тянулись параллельно этому забору, и концы этой линии, образуемой тополями, убегали вдаль, постепенно уменьшаясь. Но этот путь от севера к югу мало нарушал гладкую поверхность полей; он был еле заметен. Вдоль его протекал арык, а за арыком начинались посеы риса. Когда Юдаш спустился ногами в рисовую заводь, то вода, напущенная недели две назад, как растопленным варом обожгла его кожу. За длинные лет-

Юлдаш с хрипом поднялся и шел дальше...

и зашагал. Водоросли и стебли риса цеплялись за ноги; при усилении преодолеть их, они, тонкие как струны, резали кожу и глубоко впивались в мясо. Из-под ступней скользили гладкие тела встревоженных змей и рыхлые подушечки лягушек. Эти неприятности встречались ниже колен, а выше—донимали болотные комары.

Несмотря на это, беглец шел, наклонив голову и стиснув зубы. Главное—не видно было конца этому пути! Уже тополя далеко остались позади, а впереди начинались новые. Это значило, что начинается второй участок риса, за ним шел третий, четвертый и так на 20 верст!

На лице прокаженного пот смешался с гноем и кровью, заливал глаза и стекал на грудь отвратительными потоками. Сквозь такую завесу у глаз цель побега казалась несбыточной для его сознания. Несколько раз падал он с мыслью больше никогда не вставать, но стоило промелькнуть в сознании яркой картине прежнего блаженства, как Юлдаш с хрипом поднимался и шел дальше.

Иногда, закрыв глаза и задержав воздух в груди, он бешено бросался вперед. Казалось, нахлынули бесконечные силы, но два-три шага — и он падал бессильный.

ние дни солнце много тепла подарило воде. Но разбираться

в удобствах было некогда, да, пожалуй, в такую прохладную ночь тепло приятнее, нежели ледяная вода. Нужно только привыкнуть. Прокаженный бросился в воду, выбрал направление пути

и зашагал. Водоросли и стебли риса цеплялись за ноги; при усилении преодолеть их, они, тонкие как струны, резали кожу и глубоко впивались в мясо.

Он мог только кричать, и звал на помощь Аллаха или шайтана, судорожно скреб пальцами по мягкому дну и по-собачьи кусал стебли.

Он вышел полный сил, ранним вечером, а теперь уже восток играл своими обычными красками, а луна скромно ступевывалась под серую оболочку неба. Скоро взошло и само солнце, не по привычному, из-за забора, а из-за рисовых полей, и принесло с собой для бедного беглеца разочарование. Кругом, куда он ни оглядывался, была пустыня и тишь. Где жилье, где конец этого пути?

Через полчаса перебойчивого, но упорного шагания показались влево бугорки, которые можно было принять за карагачи или талы. За ними вился легкий дымок. Юлдаш благоговейно потрогал бороду. Пророк посылает ему оазис в пустыне! Подходя ближе, он заметил в воздухе несколько длинноногих аистов и еще раз поблагодарил Аллаха. А уже к тому времени, когда солнце установилось прямо над головой, он плашмя лежал на сухой земле, не заботясь вынуть ноги из воды.

Он быть может пролежал бы здесь до ночи, но неизвестная еще судьба подняла его. Став на четвереньки и утвердившись в этом положении, он поднял правую руку, уцепился за ветку тала и тогда только выпрямился.

Все кости и жилы пели на разные сверлящие мотивы. В голове вертелось, как на каруселях, и нужно было подождать, пока все это уляжется, чтобы подумать о дальнейшем пути. Чем-то знакомым веело от этих талов.

Не отдавая себе отчета, он прошел их и перед ним неожиданно открылись из-за последних веток кривые дома аула. Немного ближе от других-уродцев домов стояла присядистая, раскинувшаяся как карагач, чайхана (трактир). Под ее навесом галдели люди, а неподалеку стояли их привязанные лошади и опрокинутые арбы.

Юлдаш воскликнул:

— О! Провидение!

Это знакомая ему до боли в груди чайхана! Она всегда была обычным пунктом для него по дороге в русский город. Налезо тянулась ездженная-

переезженная дорога. А в чайхане хозяином—старый приятель Макал. Вместе когда-то курили чигиль после чайника чая, говорили о делах под шелкание беданы (перепелки) в сетчатой клетке. А еще раньше мальчишками вместе купались на кумарыке, мечтали о красивых кыз-бачи (девочках) и о собственных жеребцах.

Волнуясь старыми воспоминаниями, он дошел до чайханы, ухватился рукой за столб и громко крикнул всей бурлящей массе знакомых и незнакомых людей. Сколько радости и настоящего благопожелания было в его словах:

— О! Алейхум ассям! (мир над вами!).

Ему привычно ответило несколько голосов: — Ассям алейхум!

И все оглянулись на нового гостя, так громко приветствовавшего их.

У входа стоял человек с лицом, похожим на прокислую мякоть арбуза, весь в грязи и мокрый. Мгновение длилось молчание, потом все разом загалдели, закричали в ужасе:

— Махау! Махау! (прокаженный).

Через окна на улицу в немом страхе карабкались толстобрюхие бабаи, степенные мужи с черными бородами. Все выли, визжали, старались спастись в ущерб ближнему. Хозяин Макал в испуге бросался поленьями дров в непрошенного гостя. Лаяла собака, усвоив людскую панику, и бешено рвались кони у привязи. Юдаш, в страхе загнанного зверя, бросился к кишлаку, не рассуждая о

том, что может там встретить. За ним, давясь своим лаем, кинулась собака, а за собакой, подгоняемая гневом сильного к слабому, посыпалась вся встревоженная толпа. Случайные чайрикеры бежали с китменями (поденщики с мотыгами), караульщики с дубинами, а остальные просто без вооружения, а остальные просто без вооружения, с пассивной жадой крови. И в конце кишлака, в одном из дворов, настигли его. Там тоже властвовала паника: голосили женщины и их бачаси (дети), им вторили бараны, куры, коровы...

Юдаш стоял на четвереньках и злобно смотрел в упор на распаленные бешенством лица людей.

Он хотел впитаться телом в землю — это в безумном страхе казалось возможным,—но не успел, и только повернулся всем туловищем, лицевой стороной, к толпе.

Рот у него открывался и закрывался, ляская зубами. Это было его последним оружием, но не испугало оно толпу взрослых людей. Поднялся в воздухе один из китменей (мотыга) и впился острием в тело Юдаша. И, словно по сигналу, посыпался на его тело град лопат, китменей, дубин...

С любопытством и страхом смотрели черноокие женщины из-за косяка двери. Восторженно прыгали вокруг голые бачаси, жалобно визжала остроухая собачка.

И долго после того, как увезли Юдаша на арбе, в ауде слышалось страшное слово:

— Махау! Махау!

Из эскимосской жизни рассказ Х. Т. МУННА

Иллюстрации М. МИЗЕРНЮКА

I.

Девятнадцатилетний Нан-нук, приемыш Ак-ша-ду, недвижно стоял на льду у края тюленьей дыры, поджидая, когда зверь вынырнет подышать. Вот уже более трех часов, как он стоял тут, но мысли его были далеко от дела, которым он был занят.

Сегодня утром Ак-ша-ду сказал Канч-о, сыну Ин-ноту, что выдаст за него стройную, хорошенькую Оо-лай-ю, когда они вернутся с медвежьей охоты, — и смутные мечты Нан-нука о женитьбе на ней были грубо разбиты.

Расторопная в шитье, веселая, красивая, стройная и прямая, как копье, шестнадцатилетняя Оо-лай-ю была товарищем игр и неразлучной спутницей юноши; он привык смотреть на нее, как на свою будущую жену, хотя и волочился, и дурачился с полудюжиной других девушек, из которых каждая имела такие же шансы сделаться его женой.

Нан-нук понимал мотивы обещания старого Ак-ша-ду: Канч-о с молодой женой должны были поселиться вместе с ним, охотиться и ловить зверя для стариков в течение года или двух, так как Ин-ноту, отец молодого жениха, имел еще других сыновей и замужних дочерей. В глазах Ак-ша-ду привлекательность дочерей имела цену чисто практическую, и он весьма естественно рассудил, что так как Нан-Нук и без того останется с ним, то недурно иметь сверх того еще одного полезного для семьи работника. О взаимных чувствах Нан-нука

и Оо-лай-ю старик вовсе не думал, да девушке и в голову не придет противиться его воле; на дальнем Севере — по крайней мере среди населения Баффиновой земли — родители почти всегда устраивают браки детей в своих интересах.

Нан-нук удивлялся, как сильно смутило его это утреннее известие. Ему еще никогда не приходило в голову, что Оо-лай-ю значит для него более, чем другие девушки. Он был так глубоко озабочен, что не заметил слабого движения воды в дыре, вызванного приближением тюленя. Ударив острой слишком поздно, когда зверь нырнул, он упустил его. Это было непросительной небрежностью для человека, который, подобно Нан-нуку, гордился, что он искусный охотник за тюленями.

Возвращаясь в юрту, он все продолжал думать о смутившем его известии. В конце концов было не мало других девушек кроме Оо-лай-ю; например, Коо-ли-тей и Килло-бар, — дочери старого Айу, — и Эва-лу, дочь Пан-лу. Если бы он взял одну из них, он, конечно, должен был бы отработать за нее отцу в течение года, но это было бы не хуже, чем работать на Ак-ша-ду. Нан-нук не думал, что Оо-лай-ю особенно мечтала о нем: когда окрестная молодежь проживала вместе в общей юрте прошлой весной, она кокетничала и терлась носами с Канч-о и Паниг-па, да и с другими, равно как и он проделывал это с Эва-лу, с Килло-бар и с Коо-ли-тей.

Придя в юрту, он тотчас заметил, что Оо-ла-ю только что перед тем плакала, и, выждав ухода старухи-ма-

нием носами происходило между ними, когда их юрта скрывалась из виду.

— Ты должна быть моею женой,— говорил Нан-нук,— через год или два у меня будут свои сани и собаки; я украду тебя у Канч-о, и мы уедем далеко в страну Иг-ду-льют.

И она, презиравшая и ненавидевшая теперь Канч-о, соглашалась на эту отчаянную меру.

III.

Наступил день, когда пловучий лед тронулся. Самоеды рассчитывали найти убежище на одной из крупных льдин, казавшейся им более прочною, но старый Ак-ша-ду слишком хорошо знал, что как только до них доберется волна прилива, конец будет неизбежен. Все более и более расплзалось в стороны ледяное поле, и, наконец, охотники очутились на большой льдине, гонимой снежным штормом к югу. Напор воды с каждым часом увеличивался, брызги стали долетать до них. В течение следующей короткой темной ночи, как раз в тот момент, когда старик сказал:

— Ну, конец! Прощай жена!

Нан-нук испустил торжествующий крик: перед ними вырисовывались очертания гигантской ледяной горы с низким краем в виде косы, о которой их льдина ударилась с такой силой, что все они свалились с ног.

Страшным толчком они надвинулись на ледяную гору, на которую самоеды и перебрались вместе с саниями и собаками. Когда Нан-нук, покинувший льдину после всех, перебрался в безопасное место, льдина тихонько перевернулась одним краем вверх и в следующий момент распалась на куски, под соединенным напором ветра, волны и течения.

На рассвете они увидели, что ледяная гора, служившая им убежищем, была одна из краевых в ряду таких же гор, пльвших по направлению к низменному мысу Кетер-хед. В 25 милях к западу от него, как они знали, было расположено зимнее становище нескольких семейств их племени.

Их ледяная гора, вместе с другими ледяными горами, сидела теперь на

Изабелловой отмели, хорошо известной китоловным судам, работающим в поздний сезон. Гора была очень высока, за исключением низкого краевого выступа, на котором они расположились. Опасность заключалась в том, что, с наступлением больших приливов, гора неизбежно должна была быть подмыта течением и перевернуться вверх дном. Им предстояло или утонуть, или погибнуть среди обломков льда.

Правда, они видели, что если бы ледяная гора находилась ближе к берегу, хотя бы на пятьдесят футов, они могли бы перебраться со своей косы на какую-нибудь льдину и в трехстах футах далее достигнуть крепкого берегового льда, а, следовательно, и спастись. Но теперь между ними и берегом тянулась широкая полоса темной воды, в которой бурлило течение, направлявшееся от их горы к береговому льду.

К северу от них, в расстоянии полумили, сидели на отмели две огромные ледяные горы, которых они не заметили ночью. Слово для того, чтобы отнять у них всякую надежду на спасение, перед ними тянулось на протяжении нескольких миль широкое ледяное поле, преграждавшее доступ отдельным пловучим льдинам, на которых можно было бы добраться до безопасного места.

Но и это было еще не все: с усилением прилива они отчетливо чувствовали вздрагивание горы, на которой находились, а между тем от новолуния и усиленных мартовских приливов их отделяло только несколько дней. Старый Ак-ша-ду покачивал головой и говорил, что дело плохо.

Они поставили небольшую юрту, в которой ютились, просушивая обувь на ворванных лампах.

IV.

На следующее утро Нан-нук отозвал в сторону Ак-ша-ду и изложил свой план. Он попытается добраться до берегового льда, устроив плот из двух саней. Поплывет на санях верхом. Потом он поставит сани на пловучую льдину, крепко привяжет их и все могут перебраться по одиночке

в безопасное место с помощью тросов, которые можно сделать из тью-

леньих ремней, санной упряжи, собачьих постромок и бичей из прочной моржевой кожи. «Паром» можно будет тянуть назад и вперед. По счастью у них было четыре запасных набора ременной упряжи из очень прочной моржевой кожи. Старик одобрительно кивнул головой.

— Можно было бы попытаться, — согласился он, — если только сани выдер-

Оо-лай-ю схватила одеяло в руку, ружье — в другую, и легко прыгнула в санки, сопровождаемая двумя собаками.

жат тебя и ты не замерзнешь, но ты погрузишься до подмышек в воду, а в ней очень холодно.

— Если мне удастся, — внезапно сказал Нан-нук, — ты отдаешь мне в жены Оо-лай-ю. Предложим сначала Канч-о. Если он не согласится, то пойду я. Только Оо-лаю будет ненужна мне, — прибавил он задумчиво, — если я отморожу ноги и не буду ходить на охоту.

Они позвали Канч-о и предложили ему попытаться счастья, но он не хотел и слышать об этом. Зато он быстро согласился отступить от Оо-лай-ю; если Нан-нук предпримет опасное путешествие.

— Есть и другие девушки, — прибавил он с философским спокойствием. Он не был рожден героем.

Сани связали вместе; сделали две длинных веревки из тюленьих ремней и наладили грубое весло. Сухие штаны из оленьей шкуры и такую же рубаху Нан-нук привязал себе на голову; затем он обмотал вокруг шеи пару запасных тюленьих ремней и приготовился в путь. Паром был спущен на воду. Нан-нук сидел на нем, спустив ноги по краям саней.

Сначала паром под тяжестью юноши погрузился так глубоко, что Оо-лай-ю громко вскрикнула от испуга; но когда плечи пловца оказались над водой, он убедился, что паром выдерживает тяжесть и стал грести. Теперь все усилия ловкого юноши были направлены на то, чтобы паром не перевернулся. Он понял, что невозможно было бы переправить таким путем женщин. С невероятной осторожностью он едва мог удерживать равновесие.

Было, вероятно, около 20 градусов ниже нуля. Отдавшись на волю течения, Нан-нук поддерживал равновесие веслом. Почти замерзавший, достиг он материкового льда.

Первым его движением было раздеться, быстро обтереть тело старой рубахой и облечься в сухой олений костюм. Он заметил, что два пальца на ноге были отморожены, но не обратил на это внимания и принялся бегать взад и вперед в течение нескольких минут, пока ни восстано-

лась циркуляция крови. Теперь предстояло самое трудное: надо было подыскать большую льдину и крепко привязать к ней сани. Работая в ледяной воде, он несколько раз замораживал себе пальцы, но мужественно продолжал и, наконец, закричал своим, ожидавшим с замиранием сердца, что все готово. Привязав запасные ремни к парому, он дал сигнал тянуть и, с своей стороны, стал отдавать трос.

V.

Сначала стала переправляться старуха с одним из детей. Накинув себе на плечи одеяло, она села в сани и положила на колени ребенка и несколько горшков посуды. Это было все, что мог выдержать утлый ледяной паром. Когда они благополучно спустились на материковый лед, Нан-нук велел ей спешить к берегу и крикнул Ак-ша-ду и другому ребенку готовиться к переправе. Они добрались. Старик хотел было помогать ему, но Нан-нук отказался.

— Надо спешить, — прибавил он.

И, действительно, их ледяная гора начинала заметно колебаться; там и сям от нее отрывались куски льда и падали в воду, вызывая сильное волнение. Она непременно должна была переместиться или перевернуться во время этого прилива.

Когда паром был подтянут в третий раз, Нан-нук увидел, что ледяное поле на севере раскололось, и огромная масса льда быстро несется к горе, на которой еще оставались Оо-лай-ю и Канч-о.

Чувство самосохранения — основной закон жизни, а Канч-о не был героем...

Паром мог выдержать только одного. И вот, в бессильном бешенстве Нан-нук видел, как Канч-о прыгнул на паром и отчалил, оставив девушку одну...

Нан-нуку оставалось только как можно скорее притянуть его к себе. Если бы у него была винтовка, он бы подстрелил Канч-о и велел бы девушке сбросить его в воду...

Паром причалил, и трус выбрался. Не обращая на него ни малейшего

внимания, Нан-нук крикнул Оо-лай-ю, приказывая как можно скорее подтягивать паром к себе. Она стояла, положив у своих ног два одеяла—свое и Нан-нука, и его ружье.

Большая ледяная глыба была теперь совсем близко от горы и очевидно было, что, при огромной тяжести и скорости движения этой глыбы, гора, в случае столкновения, выйдет из не-

Молодые люди бежали от надвигавшегося потока...

устойчивого равновесия и опрокинется со страшным разрушением.

— Прыгай скорее на паром, — кричал Нан-нук. — Брось одеяла! — Но, когда паром приблизился, Оо-лай-ю схватила одно одеяло в руку, ружье и мешок с боевыми запасами — в другую и легко прыгнула в санки, сопровождаемая двумя собаками.

Нан-нук тянул к себе паром так быстро, как только мог. Вода заливала санки и захлестывала стоявшую в них на коленях девушку. Быстрота течения все возрастала, но паром подвигался медленнее, чем в прежние разы. Нан-нук понимал, что если бы ледяная гора столкнулась с глыбой льда, так быстро к ней приближавшейся и отстоявшей теперь только на несколько аршин, и его, и девушку постигла бы самая страшная смерть: они утонули бы, крутясь, с разбитыми членами, расплющиваемые между обломками льда. Он это знал,

и ему ни разу не пришла мысль бежать самому, бросив девушку.

Когда паром приблизился к береговому льду, гибкая Оо-лай-ю, сильно побледневшая, но хладнокровная и проворная, быстро соскочила. Задний край парома, не уравнишиваемый более ее тяжестью и не подтягиваемый, как прежде, с горы, погрузился в воду. В тот же момент паром перевернулся и исчез подо льдом, на котором они стояли.

— Бежим, бежим, — кричал Нан-нук, схватывая драгоценное ружье в одну руку, а в другую маленькую руку Оо-лай-ю. В тот же момент ледяная глыба ударилась о гору.

Молодые люди с быстротою оленей бежали от надвигавшегося потопа.

Ледяная глыба наскочила на низкий выступ горы, покрыв его громадными массами движущихся кусков льда. В следующий момент, с шумом, подобным залпу тяжелых орудий, ле-

дная гора дрогнула, наклонилась и рухнула в воду с оглушительным треском. Чудовищная волна взбивалась в кипящую пену и подбрасывала вверх огромные обломки расколовшегося материкового льда.

Молодые люди бежали к берегу, взявшись за руки. В голове у них мелькала мысль, как все еще близки они от страшной и, быть может, неминуемой смерти.

Вдруг они упали ничком на лед: под напором волн он ломался и колыхался словно при землетрясении.

На сто метров от краев, обмываемых водой, береговой лед был расколот, и обломки его бились друг о друга в бешеном водовороте, — но они уже миновали область разрушения, угрожавшую гибелью.

В том месте, где они находились, лед

был лишь расколот на длинные полосы, по колеблющейся поверхности которых они бежали к безопасному месту.

— Я оставила свое одеяло, — со слезами сказала Оо-лай-ю, когда опасность миновала. — Ты кричал, чтобы я скорей прыгала на паром, и у меня не было времени захватить его; я спасла только твое одеяло.

— Ничего, — властно сказал Нанук, — теперь это не важно. Я сговорился с Ак-ша-ду и Канч-о. Теперь нам с тобой нужно будет только одно одеяло, а мое, во всяком случае, больше твоего.

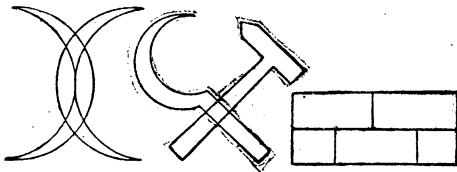
Подбежав к тревожно поджидавшим старикам, они остановились и торжественно, несколько раз, прижались друг к другу носами, как бы в залог своего грядущего счастья.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 15.

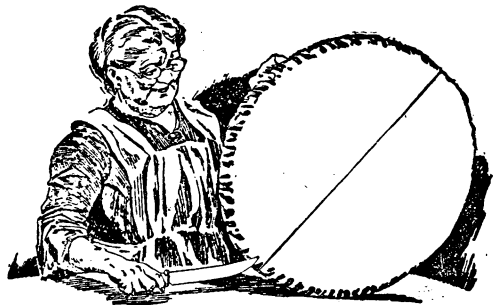
Есть многочисленная группа задач, где требуется начертить одним почерком какую-нибудь геометрическую фигуру. Говорят, Магомет чертил с одного почерка острием сабли свою подпись, представляющую два скрещенных полумесяца (см. рис. слева).

Попробуйте это повторить сами. Попытайтесь это сделать для серпа и молота (см. рис. в центре) и для куски кирпичной кладки (см. рис. справа). (Реш. см. стр. 80).

Задача № 16.

Ко дню рождения внучки бабушка спекла большой круглый пирог и умудрилась его

разрезать 6 прямыми взмахами ножа на несколько кусков различной величины — взрослые получили по большому куску, дети — по маленькому. Как она это сделала, если всего было 22 гостя? (Реш. см. стр. 80).

АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ

Рассказ Б. П. НИКОНОВА

Иллюстрации Н. М. КОЧЕРГИНА

30 августа 1926 года в фешенебельном ресторане «Нью-Йоркская Звезда» произошло довольно заурядное на первый взгляд событие:

Два джентльмена, в высшей степени корректные и шикарно одетые, поспорили друг с другом за стаканом коктейля. О чем шел разговор—осталось никому неизвестным. Но разговор кончился плачевно: один из джентльменов нанес другому тяжкое словесное оскорбление.

Они могли бы покончить дело тут же, в ресторане, боксом, или иным физическим воздействием. Но оскорбление, повидимому, было слишком тяжело. И джентльмены, на глазах у присутствующих, чопорно обменялись визитными карточками и, корректно раскланявшись, вышли.

Очевидно, предстояла дуэль!

Тут же, на улице, едва они покинули ресторан, их окружило человек пять-шесть вездесущих репортеров. И тут же на улице состоялось интервью с обоими джентльменами. Один из джентльменов оказался довольно разговорчивым. Он сообщил, что его фамилия—м-р Сноб, и что дуэль, действительно, неизбежна.

— Чем и как оскорбил вас ваш противник?—спросили репортеры.

— О, он сказал, что фирма «Аллан Грей и сыновья» никуда не годится!

— Разве это так оскорбительно для вас?

— О, подобные оскорбления могут быть смыты только кровью!

И больше ничего от м-ра Сноба уже нельзя было добиться. Он презрительно молчал, опустив вниз тщательно выбритые губы. Его противник был менее сообщителен: он сообщил только, что его зовут м-р Дудли, и что подробности, поскольку это

допустимо в интересах дуэлянтов, можно узнать от секундантов.

Репортеры, конечно, на этом не могли успокоиться. И не прошло двух часов, как им уже было известно, кто секунданты и где они живут. А в вечернем выпуске «Нью-Йоркского Геральда» уже появились интереснейшие интервью с ними. М-р Сноб и м-р Дудли решили драться по американскому способу, т. е. предоставив роковой удар судьбе и жребию. Дуэль была назначена на следующее утро, в окрестностях города, на большой дороге. Смертельный удар должен был исходить не от человека и не от природы, а от машины, а именно,— от автомобиля. Один из дуэлянтов, по жребию, должен был попасть под быстро несущийся автомобиль. Но где это совершится и каким образом—об этом умалчивалось.

Причина дуэли оставалась совершенно невыясненной. И дуэлянты, и

Вездесущие репортеры окружили дуэлянтов...

секунданты упорно отказывались вдаваться в подробности касательно этого и лишь глухо замечали, что оскорбление было нанесено в высшей степени тяжкое, после которого неприятно даже оставаться в живых.

Репортер «Геральда» нескромно спросил секунданта м-ра Сноба:

— Ваш доверитель что-то говорил о фирме «Аллан Грей и сыновья»?...

— Тысячу раз нет!—воскликнул секундант:—Что такое «Аллан Грей и сыновья»? Это ничтожная маленькая фирма каучуковых изделий. При чем тут она? Нет, нет! Это было сказано моим доверителем просто для того, чтобы прекратить тягостный для него разговор!

Репортер попытался затем выведать час и точное место дуэли. Но секунданты были на этот счет неумолимы.

— Это совершенно невозможно!—сказал секундант м-ра Дудли:—Мы всячески должны избегать скопления публики. Если будет много народа, то может произойти катастрофа, и, главное, не удастся самая процедура дуэли!

— А в чем заключается эта процедура?—полюбопытствовал представитель газеты.

— О, это секрет!—в один голос ответили оба секунданта.

Достойные представители нью-йоркской прессы однако решили не сдаваться и употребить все усилия, чтобы выведать сенсационный секрет. Тем более, что любопытство публики было чрезвычайно раздражено и номера «Геральда» расхватывались с жадностью.

В особой статье газета от себя заявляла:

«Мы лично считаем эту необыкновенную дуэль типичным проявлением американского духа. Мы не пощадим никаких сил и средств для того, чтобы держать наших читателей в курсе дела. Нами командированы самые энергичные и талантливые сотрудники на все шоссеыные дороги в районе 150 километров от города. Поставленные газетой громкоговорители будут в течение всей ночи оповещать публику о всех подробностях, какие только удастся нам добыть!»

Кто такие мистер Дудли и мистер Сноб? До сих пор о них решительно ничего не было известно. Во всяком случае, они не принадлежали ни к родовой, ни к денежной аристократии города. Они не входили в число пресловутых «четырехсот» представителей нью-йоркского высшего света.

Но после ресторанного скандала, закончившегося вызовом на такую необычную даже в Америке дуэль, на этих двух джентльменах сосредоточилось всеобщее внимание и о них стали циркулировать настоящие легенды—и на бирже, и в ресторанах, и в вагонах городской подземки, и в театрах, и в частных домах. Всего более были, конечно, заинтересованы дамы, тем более, что, по описанию интервьюеров, оба дуэлянта являлись настоящими джентльменами, в высшей степени корректными, стройными красавцами, с неотразимой мрачной прелестью во взгляде. Кто-то даже успел прозвать м-ра Дудли «Мрачным Красавцем», намекая на известный персонаж в «Дон-Кихоте». Мистер Дудли был особенно интересен: он был выше ростом, красивее и гораздо загадочнее мистера Сноба. Он не давал никаких объяснений репортерам и вообще молчал. От него веяло рыцарской таинственностью и величием. Чувствовалось что-то средневековое, легендарное, сказочное.

Роковое столкновение их изображалось в легендах на самые разные лады. Говорили, например, что оба дуэлянта—лица старинной европейской аристократии, и что столкновение произошло на почве фамильных отношений. Другие уверяли, что речь шла о женщине необычайной красоты и высоко-аристократического происхождения. Один из дуэлянтов будто бы позволил себе отозваться о ней как о земном существе, а другой не перенес этого и назвал собеседника «дурно-воспитанным человеком», а тот счел это тягчайшим оскорблением для себя.

Наконец, кто-то пустил слух, что мистер Дудли—лицо королевской фамилии. И теперь уже никто не верил, что м-р Дудли и м-р Сноб назывались настоящими фамилиями. Ко-

вечно, это были псевдонимы. А под этими псевдонимами скрывались необыкновенные, поразительные имена...

Любопытство публики было так задето, что организовалось несколько делегаций к секундантам с целью во что-бы то ни стало узнать хотя приблизительно место дуэли. Но и эта последняя попытка не имела никакого успеха.

Секунданты единогласно заявили:

— Наши доверители отличаются исключительной скромностью. Они абсолютно не желают никакого «бума», никакой сенсации. Дуэль должна состояться по возможности втайне. Но в свое время мы представим в редакцию «Геральда» исчерпывающий протокол; надеемся, что «Геральд» и другие газеты не откажутся его напечатать, и, таким образом, ваше желание, граждане, будет удовлетворено. Подробности дуэли будут вам известны!

Но гражданам, разумеется, этого было мало!

Пять часов утра.

До рассвета еще недалеко, но покров ночи еще лежит повсюду: на пыльной, почти не смоченной росой шоссеиной дороге, на кустах, на крышах какой-то неведомой придорожной фермы, на верхушках соседнего леса.

Но в темноте можно уже разглядеть, что широкая полоса дороги здесь раздваивается. От главной дороги под острым углом ответвляется другая шоссеиная дорога и скрывается направо в кустах. На мыске между дорогами чернеет столбик и на нем белая дощечка с надписью и указующим перстом.

Тихо. Но вот, со стороны города, багровый отсвет которого маячит в небе, слышится шум автомобиля. А вот и он сам выныривает из темноты черной массой без огней, без сигнального гудка. И останавливается у перекрестка.

— Алло! Джимми!

— Алло! Здесь!

— Все готово?

— Ол райт!

Темно. Но уже рассвет неумолимо приближается. Предметы посерели, трава начинает казаться зеленой. Теперь ясно видно, что автомобиль привез пятерых пассажиров. Их встречает некто шестой, который ожидал их здесь. И вся компания собирается на мыске между дорогами, под деревом.

Становится еще светлее, и теперь можно узнать приехавших. Это, во первых, мистер Сноб, во фраке, в перчатках, в цилиндре, вылощенный и шикарный свыше всякой меры и чрезвычайно мрачный. Далее, двое секундантов. Наконец, толстый как шар человек с чемоданом. Это доктор-хирург, м-р Крю.

— А мистер Дудли?—осведомляется он.

— Мистер Дудли сейчас выйдет!— отвечает секундант:—Я помогу ему!

Мистер Дудли позволяет высадить себя из автомобиля. Он так же элегантен и великолепен, как мистер Сноб, и так же мрачен и неразговорчив. Доктор Крю и один из секундантов осторожно ведут его под руку в полутьме и ставят под деревом. Мистер Дудли стоит неподвижно. Лощенный цилиндр его поблескивает в лучах рассвета. Он словно застыл в величественной позе. Мистер Сноб старается не глядеть на своего противника.

— Прекрасно!—говорит секундант м-ра Дудли,—теперь можно приступить к самой операции.

— Ол райт!

Секундант мистера Дудли «ведет дуэль». Он «менеджер», т. е. хозяин дуэли. Инициатива действий принадлежит ему.

— Прежде всего я позволяю себе, сэры, предложить вам мирное соглашение?—обращается он к противникам:—Сэр, не желаете ли покончить миром?

В ответ на это мистер Сноб безмолвно мотает головой. А мистер Дудли даже головой не мотает: он застыл в мрачно-величавой позе. Он и слышать не хочет ни о каких примирениях.

— В таком случае...

В это время на дороге раздается подозрительный шум. На ферме за

оградой тоже что-то не совсем благополучно: там мелькают какие-то тени. А по дороге со стороны города ясно слышен автомобильный гудок. Потом другой, третий...

— Наше местопребывание открыто! — восклицает менеджер-секундант: — Не следует ли нам отложить поединок и перенести его в другое место?

Мистер Сноб безнадежно и презрительно пожимает плечами. Зачем? Не все ли равно, где и когда умереть? А мистер Дудли молчит... Молчит и не шевелясь стоит под деревом, элегантный, чопорный, настоящий джентльмен!

Увы! Местопребывание дуэлянтов в самом деле открыто! И уже давным давно!

В кустах сидят и лежат прибывшие из города любопытные. На ферме с комфортом расположились репортеры пяти газет и корреспондент лондонского «Таймса». У них там даже оборудовано радио. А из-за деревьев на мысок, где находятся дуэлянты, нацелилось несколько аппаратов кино.

И с каждой минутой подъезжают новые и новые экипажи с публикой. Они останавливаются на приличном расстоянии и высаживают зрителей. Тут и миллиардеры с Пятого авеню,

и представители искусств и науки, и мелкая буржуазия, и просто зрители без всяких примет. И дамы, дамы, дамы... Множество дам!

Рассвет разгорается. Но легкий туман покрывает мысок, дорогу, заволакивает деревья и набрасывает на жуткую картину дуэли какую-то романтическую тайну.

Менеджер обращается к дуэлянтам: — Сэры, необходимо поспешить! Я оглашу еще раз условия поединка, а после того секунданты разведают вас на места и предоставят вас в руки судьбы и случая. Итак, я начинаю!

Менеджер говорит громко. У него превосходный баритон и отличная дикция. Его слышно всюду. И зрители впадают в него и слухом, и зрением. — Противники становятся каждый на одну из соединяющихся здесь дорог в непосредственной близости к перекрестку. Они неподвижно стоят и ждут несущегося им навстречу автомобиля. Автомобили, едущие сзади, в расчет не принимаются, потому что они видят стоящего на дороге человека еще издали и могут успеть его объехать. Но впереди вас, джентльмены, в нескольких саженях от перекрестка, находится крутой поворот, густо закрытый, как вы видите, деревьями. Автомобиль, приближаясь сюда с той стороны, дает предупредительный гудок, и горе тому, кто пренебрежет этим сигналом и останется посреди дороги. Он будет неминуемо раздавлен!

— И вот одного из вас, джентльмены, ждет именно эта участь. Но кого? Это и решит случай. Погибнете ли вы, мистер Сноб, или вы, мистер Дудли, — это будет зависеть от того, по которой из двух дорог поедет после перекрестка первый роковой автомобиль.

— Мы нарочно избрали эту сравнительно тихую местность и ранний час в расчете на то, что нам удастся без помехи выполнить предначертание. Но вот начинается день, и уже в самом ближайшем времени отсюда поедут автобусы и частные автомобили. Мне кажется, я уже слышу их шум вдалеке. Итак, расходитесь,

джентльмены, на свои места, заранее, как вы знаете, указанные вам жребием, и да благословит вас в этот высокий час Небо!

Какой гуд сдержанных восклицаний прокатился в публике! Какой вихрь вздохов, шопота, подавленных стонов! И сколько пари было заключено в этот поистине высокий момент! И на какие высокие суммы!

— Мистер Сноб! Вы готовы?

— Готов! — ответил сухим гортанным голосом мистер Сноб, презрительно оттягивая книзу губы.

Секундант подошел, взял его под руку и отвел на середину одной из дорог. Мистер Сноб застыл в позе величавого презрения к жизни, корректный, как лорд, в перчатках, фраке и цилиндре.

— Мистер Дудли! Вы готовы?

Мистер Дудли молчит. Он стоит под деревом — и ни звука, ни жеста. Как странно! Жив ли он, по крайней мере?

Менеджер обращается к доктору. Доктор Крюю, как шар, проворно подкатился к застывшему в чопорной позе молчаливому джентльмену и стал слушать ему сердце и щупать пульс.

В толпе зрителей послышались восклицания:

— Он умер от страха!

— Он болен! Он не может участвовать в дуэли!

— Он даже не в состоянии сделать шага! Это бесчеловечно заставлять его так рисковать жизнью!

О бесчеловечности, разумеется, кричат дамы, которым импонирует своей эффектной внешностью и загадочным происхождением великолепный мистер Дудли. Мужчины придерживаются другого мнения:

— Пустяки! С ним маленький обморок! Доктор даст ему понюхать спирту и он очнется!

В самом деле, не прекращать же эту интереснейшую и редчайшую дуэль из-за такого пустяка! А пари? А высокие суммы? Надо же считаться и с этим!

— Алло, мистер Дудли! Как себя чувствуете?

— Мужайтесь, старичина!

— Не мешкайте! Чего там! Кончайте скорее!

Доктор Крюю еще раз пощупал пульс, постучал мистера Дудли по спине и заявил:

— Он выдержит! У него слегка отнялся язык и немножко парализованы ноги, но это не беда! Нужно только помочь ему добраться до места!

Менеджер, доктор, второй секундант и некто неизвестный, называвшийся Джимми, взяли мистера

Всего более были
заинтересованы дамы...

Дудли под руки и повлекли его к роковому месту на дороге. Мистер Дудли, вытянувшись всем телом и цепляясь парализованными ногами за траву, безмолвно и почти безжизненно покачивался между своими спутниками. Они поставили его, как куклу, посредине дороги, в той же позе, в какой уже давно стоял на своем смертном посту мистер Сноб, и долго возились с его ногами, устанавливая их. Зрители, затаив дыхание, наблюдали эту процедуру. Многие сомневались, выстоит ли парализованный м-р Дудли и не свалится ли он ранее срока?

Но, вот, все готово. Оба дуэлянта стоят на своих местах, один близ другого, у перекрестка, где раздваивается дорога в город. Стоят важные, безмолвные, неподвижные, блестяще-элегантные—и ждут судьбы...

Кино-аппараты уже пощелкивают. Кодяки нацелились со всех сторон. Заключаются последние пари. Кое-кто из дам проливает от волнения слезы.

— Идет!

За поворотом ясно слышен нарастающий гул автомобиля. Напряжение достигает высочайшей степени. Еще минута, еще секунда, и вылетевший автомобиль кинется на одну из дорог и раздавит героического дуэлянта во фраке и цилиндре. Но кого? Которого?

Что думают и испытывают сейчас сами дуэлянты — об этом никто не думает. Думают о пари, о том, кто выиграет. Опасаются (даже вслух!), что автомобиль по какому-нибудь несчастному случаю не раздавит дуэлянта, и все пропадет. Кино-съемщики, фотографы и репортеры превратились в одно зрение, впились всем естественным в поворот дороги за деревьями, откуда сию секунду выскочит Судьба.

Продолжительный гудок. В ответ ему заревела тысячько голосов толпа, и рев ее не прекращался, пока... пока не кончилась вся эта необыкновенная история.

Очевидцы рассказывали потом, что все произошло необычайно быстро.

Мистера Дудли—«Мрачного Красавца», — взяли под руки и повлекли к роковому месту.

Огромный автомобиль—великолепная машина, сверкавшая коричневым лаком, вынеслась из-за поворота и на полном ходу устремилась на ту дорогу, на которой стоял м-р Дудли. И, наскочив на него, переехала через несчастного...

Но тут случилось нечто совсем неожиданное: мистер Дудли с сильным треском лопнул! Совершенно так же, как лопается автомобильная шина, или детский воздушный шар.

Сначала думали, что лопнула шина у рокового автомобиля. Но нет! Несчастье приключилось именно с мистером Дудли. И дородное тело его, наряженное в отличный фрак и цилиндр, лежало в пыли, как раскрашенная тонкая тряпка!

Автомобиль остановился. И не успели удивленные зрители опомниться от первой сенсации, как за ней последовала вторая:

Сидевший в автомобиле господин, как две капли воды похожий на погибшего на дороге Мрачного Красавца, поднял над головой огромный плакат:

Наш сотрудник, художник Н. М. Кочергин, зарисовал с натуры эту страшную дуэль, оставшуюся в глубокой тайне для всего Нью-Йорка.

*Всем! Всем! Всем!
Граждане!*

*Автомобиль, переехавший меня,
м-ра Дудли, принадлежит все-
мирно-известной фирме „Марс“.*

Я воскрес

*и заявляю всем и каждому, что
нет в мире автомобилей лучше
„Марса“ и что едущим на них не
страшны никакие катастрофы!*

Бродвей, 13.

Богатый выбор машин!

Гром рукоплесканий встретил этот плакат. Рукоплескания усилились и превратились в настоящую бурю, когда на дороге показался мистер Сноб.

Он тоже нес на высокой палке громадный белый плакат;

Граждане!

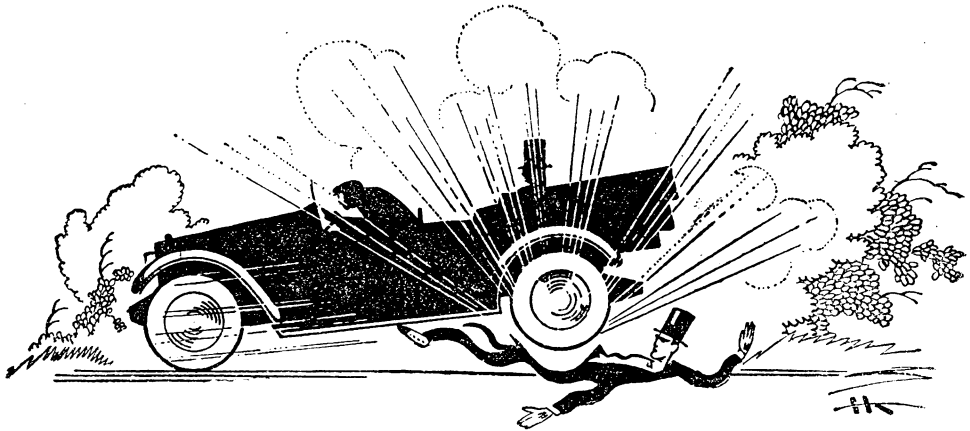
*В целом мире нет ничего лучше
каучуковых произведений знаме-
нитой фабрики*

„Аллан Грей и с-я“.

*Мистер Дудль,
которого только что переехал
автомобиль, был сделан на фа-
брике „Аллан Грей и сыновья“.
О его прочности и добротности
можете судить по его остаткам.
Равно как и о художественности
исполнения.*

Магазин: Бродвей, 15.

Мистер Сноб вместе с плакатом уселся в автомобиль. Туда же влезли секунданты и толстый как шар доктор Крю, который, впрочем, никогда и не бывал доктором,—и автомобиль, сверкая двумя ослепительно белыми плакатами, плавно и быстро понесся в дымившийся под утренним солнцем Нью-Йорк.

„ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ“

Очерк В. АРИСТОВА

Иллюстрации М. ЯКОВЛЕВА

1.

По дальним калмыцким хатонам¹⁾, из выжженных зноем астраханских степей, двигалась «черная смерть». Чуму разносили суслики. Этому совершенно не верил китаец Лю-Син, сторож и уборщик в полевой лаборатории доктора Курца.

Палатка доктора стояла на северном склоне высокого кургана, откуда на десяток верст кругом видна была безлюдная степь. К югу и северу тянулась непрерывная цепь небольших курганов, терявшихся где-то в степи. Внизу, под курганом, в большой парусиновой палатке, помещалась лаборатория, где доктор Курц производил свои наблюдения над сусликами.

Утром, когда пригревало солнце, вся степь кругом кургана наполнялась пронзительным свистом. Суслики становились на задние лапы и своим резким свистом приводили в восторг равнодушного почти ко всему на свете китайца Лю-Син. Маленькие серенькие зверьки не обращали ни малейшего внимания на людей, живших на высоком кургане. Людей было только двое, а сусликами кишела вся степь.

Когда доктор, позавтракав, усаживался за микроскоп, Лю-Син брал палку и отправлялся охотиться на сусликов. Ловкими ударами длинной палки китаец убивал пару сусликов и варил их в своем котелке. Вареных сусликов Лю-Син находил бесподобными и совершенно не мог понять, почему доктор так кричал и ругался, когда заставлял его за любимым блюдом.

В последний раз доктор спросил:

— Лю-Син, знаешь ли ты, кто заражает людей чумою?

— Знаю,—ответил китаец,—«черную смерть» разносят маленькие черные блохи, которые кусают сусликов. Но ведь я не трогаю блох, я кушаю только сусликов.

— Лю-Син, если ты будешь есть сусликов, я дам тебе расчет.

— Хорошо,—вздыхнул Лю-Син,—я больше не буду кушать сусликов.

Китаец не хотел огорчать доброго доктора Курца и решил предаваться насыщению своего желудка в полуденные часы, когда доктор обыкновенно спал в своей палатке.

Поев, китаец садился на землю и, обхватив руками колени, затягивал однообразную старинную песню. Лю-Син пел о белом цветке Чао-Сан, о золотых колокольчиках в саду нежной красавицы и о злом драконе, похитившем белый цветок Чао-Сан. Перед глазами китайца растилась бескрайняя степь с побуревшей травой и серебристыми пятнами полыни. Высоко в небе черными точками застыли коршуны, высматривая добычу. Суслики торопливо прятались в норы, когда черная тень крылатого хищника проносилась над степью.

Ночью к кургану приходил волк и был протяжно и тоскливо. Волчий вой нагонял на китайца тоску. Лю-Син, лежа под своим брезентом, шептал заклинания против злых духов и невольно вспоминал родину и благодатную долину Голубой реки.

Доктор Курц брал ружье, выходил из палатки и, не целясь, стрелял в темноту. Волк уходил, но на следующую ночь приходил снова.

¹⁾ Хатон—поселок кочующих калмыков.

Лю-Син пел о белом цветке Чао-Сан, о золотых колокольчиках в саду нежной красавицы.

2.

Отряд газовой экспедиции разбил свой стан. Десять фургонов, нагруженных железными баллонами с хлором, расположились полукругом в двухстах метрах от палатки Курца.

— По нашим сведениям, — сказал доктору Курцу техник газовой экспедиции, — ваша лаборатория находится как раз в центре района, занятого чумными сусликами. Именно отсюда мы и начнем нашу работу, — и, заметив недовольное выражение на лице доктора, техник добавил: — Но вы доктор, не беспокойтесь, мы пока что оставим некоторое количество сусликов для ваших научных исследований.

На другой день, едва только первые лучи солнца позолотили степь, отряд газовой экспедиции приступил к работе. Десять баллонов с хлором выстроились в некотором расстоянии от кургана.

— Начинать! — скомандовал техник.

Отряд двинулся вперед.

Двое рабочих переносили баллон с места на место, старательно выискивая сусличьи норы.

Тонкий резиновый рукав соединял баллон с небольшим металлическим диском. Зоркий, наметанный глаз ра-

бочего заметил черное отверстие сусличьи норы. Метнулся гибкий рукав и металлический диск закрыл нору. Короткий поворот крана — струя ядовитого газа наполнила подземное жилище грызуна.

Медленно двигаются по равнине черные точки, шаг за шагом, аршин за аршином, очищая от сусликов степь. Точки то исчезают, то снова появляются на гребне невысоких курганов, тянущихся к северу.

Работы прекращаются, когда солнце стоит над головой. Зноем дышит раскаленный воздух и самая земля струит огненный жар.

Обливаясь потом, едва волоча усталые ноги, возвращаются в стан рабочие. Теплая соленая вода из «копани» не освежает потрескавшихся губ и лишь вызывает еще большую жажду. В эти часы замирает все живое население степи. Уныло никнет к земле редкий ковыль и серебристая полынь. Юркие зеленые ящерицы прячутся в глубокие трещины, избороздившие высохшую землю. Даже змеи, свернувшись серебристыми спиралями, отдыхают в густых зарослях полыни. Стан погружается в дрему.

Рабочие забрались под натянутые на колья четырехугольные брезенты и забылись тяжелым сном. Верблюды легли на землю, подобрав под себя ноги, и дремлют, изредка шевеля безобразными губами.

Только один китаец Лю-Син не спит. Он сидит под соломенным навесом и, перебирая корешки каких то трав, тихонько тянет песню о белом цветке, красавице Чао-Сан.

Работа возобновлялась, когда солнце клонилось к западу и степь пробуждалась от полуденного сна. Опять двигались по степи черные точки, останавливались и снова шли, пока солнце не скрывалось за дальним курганом.

Вечером окрестности кургана оглашались веселыми песнями рабочих. Желтоватые пятна костров бросали в темноту снопы золотистых искр. С темного южного неба смотрели переливаясь бриллиантовые звезды. В траве глухо кричала одинокая степная птица. В полночь засыпал стан.

Только один караульный лежал у глеющего костра и посасывал трубку, охраняя покой спящих...

3.

Техник Ковалев проснулся, глухо закашлялся и схватился руками за грудь. Знакомый, удушающий запах хлора проник в легкие.

Страшная догадка промелькнула в его мозгу и невольный холод пробежал по спине:—протекали баллоны с хлором! Весь стан пришел в движение. В темноте, надрываясь, кашляли и стонали проснувшиеся люди. Отчаянно ревели верблюды. Опасность придала технику силы и быстроты движений. Стараясь не дышать, он бросился к боченку. Намочить в воде носовой платок—заняло всего секунду. Закрыв лицо мокрым платком, он бегом направился к обозу, где стояли приготовленные баллоны с газом. По дороге он сильно ударил кого-то головой и, не останавливаясь, побежал дальше.

Люди спросонья метались в темноте, сбивая друг друга с ног и не зная, куда бежать от острого запаха газа, разрывающего их грудь глухим кашлем.

Страх овладел тридцатью людьми—страх смерти.

Добежав до обоза, техник услышал резкий свист и шипение выходящего газа. Но что это значит? Шипение слышалось вовсе не с той стороны, где стояли приготовленные на завтра баллоны. Техник зажег спичку и пересчитал баллоны. Не хватало трех штук. Спичка погасла, обжегши ему пальцы. Где же стоят эти проклятые баллоны? Неужели рабочие забыли их где-нибудь в стороне?

Свист и шипение газа ясно слышались с подветренной стороны. Тех-

Метнулся гибкий рукав и металлический диск закрыл пору суслика. Струя ядовитого хлора наполнила подземное жилище.

ник побежал вперед. Пробежав шагов пятьдесят, он остановился. Острый, саднящий запах хлора проникал сквозь редкую ткань платка и обжигал горло. Повидимому, он попал в самую середину газовой волны. Как глупо было не захватить с собою из города противогазовую маску!

Пробежав еще несколько шагов, он прислушался; шипение газа теперь слышалось совсем близко. Наконец, он заметил слабые в темноте контуры стоящего баллона. Но что это? Газ свободно выходит прямо из газоотводной трубки. Чья-то рука нарочно открыла кран баллона...

Несколько поворотов маховичка—и шипение газа прекратилось. Теперь оно слышалось дальше... Вон как! Оказывается, открыт не один баллон. Разыскать остальные баллоны было не трудно, они стояли друг от друга на расстоянии нескольких саженей.

Техник закрыл кран последнего баллона и в изнеможении опустился на землю. Глухой кашель потряс все его тело. Через несколько минут он поднялся и медленно побрел к стану. Светало. Легкий предутренний ветерок разогнал последние остатки газовой волны. Люди все еще кашляли, хватаясь руками за грудь.

— Братцы, — сказал техник, — кто-то из нас открыл баллоны, кому-то хотелось нас удушить.

Люди спросонья
метались в темноте, не зная куда
бежать от удушающего запаха хлора.

— А где караульный? — спросил кто-то.

Караульный, калмык Галяш, исчез вместе со своим верблюдом.

К вечеру издохли два верблюда, в том числе и верблюд доктора Курца.

— Они вдохнули слишком много хлора, животные в этом отношении менее выносливы, чем люди, — сказал техник. — Но мы все отделались легко, негодий не рассчитал; он установил баллоны с подветренной стороны, но газовая волна получилась слабой концентрации, иначе некоторые из нас, пожалуй, не увидели бы сегодняшнего дня.

— Что за цель была у калмыка, не для того же соорудил он целую газовую батарею, чтобы доставить нам неприятность? — спросил доктор.

— Откровенно говоря, Галяш не внушал мне симпатии, в каждом хатоне он напивался арьки¹⁾ и буянил, угрожая ножом каждому, кто пытался его остановить; возможно, его прельщали червонцы, которые я недавно роздал рабочим.

Работы отряда близились к концу. Скоро все пространство степи вокруг

кургана было очищено от сусликов. Китаец Лю-Син тщетно старался разискать хотя бы одного зверька, из которого можно было бы приготовить вкусное рагу. Лю-Син принужден был довольствоваться пресными лепешками, которые он пек на тонком железном листе.

Отряд готовился покинуть стоянку и двинуться дальше.

— Я уеду отсюда через десять дней, когда закончу свои наблюдения над сусликами, которые живут у меня в садках, — сказал на прощанье доктор Курц технику, пожимая ему руку, — но раньше мне придется достать верблюда.

— Верблюда я пришлю вам из ближайшего хатона, — пообещал техник.

4.

Доктор Курц долго смотрел вслед удалявшемуся обозу, пока он, наконец, не обратился в едва видимую черную точку. Потом, взявшись рукою за голову, сказал китайцу:

— Лю, убери в лаборатории и дай сусликам корму, сегодня я заниматься не буду, мне как будто нездоровится.

Весь остаток дня доктор лежал в своей палатке. Вечером китаец сидел на своем обычном месте. Тишина за-

¹⁾ Арька — самодельная водка из молока.

стыла над степью, небо покрылось черными тучами. Не слышно было больше веселых песен рабочих, которым любил иногда невпопад подтягивать Лю-Син. Тишина навеяла на китайца тоску. Он вздохнул и принялся укладываться спать.

У доктора Курца не оставалось больше сомнений. Страшная головная боль и вздувшиеся под мышками и на шее железы ясно указывали на характер болезни. Доктор заразился чумой.

Каждый день багровый шар солнца вставал над степью и зноем пламенных лучей накалял землю. Полуденные часы были особенно ужасны для больного. Третий день, не вставая, лежал он в своей палатке. Его мучила отчаянная жажда. Теплая соленая вода из копани ни на минуту не освежала пересохшего рта.

Лю-Син день и ночь не отходил от палатки. Он сидел на земле, обняв руками колени, бесстрастно всматриваясь в пустынную, знойную степь.

— Лю, не сиди около палатки, ты можешь заразиться! Самое лучшее, если ты уйдешь в хатон,—сказал доктор,—сейчас ты мне ничем не можешь.

Лю-Син печально покачал головой и ничего не ответил. Нет, Лю-Син ни за что не оставит доктора!

Когда доктор закрывал глаза, забываясь коротким сном, Лю-Син пробирался в палатку и с ужасом смотрел на багровое лицо и потрескавшиеся губы больного.

Сознание не покидало доктора. Он чувствовал, как страшная болезнь быстро разрушала его тело. На третий день он уже отлично знал исход...

Никакая сила в мире не может его спасти. Не позже как через два дня он умрет в страшных мучениях. Док-

тор не раз видел людей, умиравших от чумы. Это был ужас...

— Лю-Син!—позвал доктор.

Китаец вошел в палатку и приблизился к больному.

— Не подходи близко, отойди и слушай, что я буду тебе говорить. Прежде всего возьми длинные шипцы, какими я беру сусликов, и подай ту банку.

Китаец сделал отрицательное движение головой. Для чего доктору нужен этот страшный яд?

— Ты слышишь, дай мне банку!

Китаец повиновался. Доктор положил около себя банку с цианистым калием и тогда заговорил снова:

— Клянись мне своими предками исполнить то, что я тебе скажу.

— Клянусь!—ответил китаец, дрожа всем телом.

— Я умру через несколько минут... ты соберешь побольше сухого бурьяна и соломы и обложишь ими внутри и снаружи обе палатки. Потом ты обольешь их керосином, который остался в железном бидоне, и зажжешь... Клянись, что ты ничего не унесешь с собою... здесь заражена каждая вещь. Если ты не исполнишь этого, ты умрешь от той же страшной болезни, от которой сейчас умираю я.

— Клянусь,—прошептал китаец.

— Теперь иди!—сказал доктор, открывая банку с цианистым калием.

Когда через полчаса Лю-Син, собрав целую копну сухого бурьяна, заглянул в палатку, доктор Курц был уже мертв. Одна рука его свесилась с полотняной кровати, а на лице выступили большие синие пятна.

Китаец, стуча от страха зубами, принялся обкладывать палатку снаружи соломой и бурьяном, потом вошел в палатку и, стараясь не смотреть в лицо мертвого, наполнил ее до самого верха такими же охапками.

Доктор Курц долго смотрел вслед удаляющемуся обозу.

Кто знает, быть может доктор Курц хотел сжечь в палатке не «черную смерть», а злого духа, бывшего причиной его смерти?

Трясушимися руками Лю-Син зажег спичку. Белые клубы дыма взметнулись над курганом и медленно поплыли над степью. Огромное пламя в несколько минут охватило палатку, послав к вечернему небу крутящийся столб золотистых искр. Китаец потянул носом воздух: пахло керосином и еще чем-то. Лю-Син принюхался: да, это был знакомый запах, запах горелого мяса. Лю-Син в ужас упал на землю, шепча заклинания.

5.

С маленьким мешком за плечами, в котором лежало несколько пресных лепешек и бутылка воды, брел по степи китаец Лю-Син. Он шел без отдыха весь день, торопясь поскорее уйти от страшного места.

Когда багровый шар солнца одним краем уже коснулся дальнего кургана и в траве громче затрещали кузнечики, китаец почувствовал усталость. Он сел на землю, положил рядом мешок и, обняв руками колени, затянул печальную песню о белой палатке на кургане и о злой черной смерти, унесшей доктора Курца.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 17.

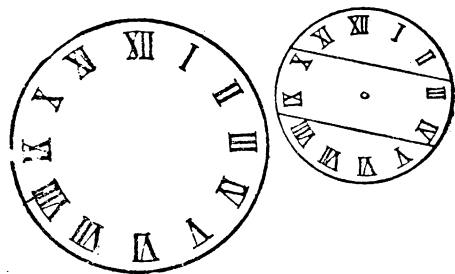
Молочник привез на рынок два полных бидона молока по 40 литров. Две покупательницы явились к нему со своей посудой

каждая: у одной емкость кружки 4 литра, у другой—5 литров, но каждой из них надо всего лишь по два литра. Так как под руками других мерок не было, то покупка не могла бы состояться, если бы одна из покупательниц не предложила свой способ совершенно точно отпустить желаемое количество молока. Как это сделать? (Реш. см. стр. 80).

Задача № 18.

Перед нами циферблат часов, справа он разделен на 3 куска, при чем сумма цифр в каждом равна 26. Попробуйте разделить

левый циферблат на четыре куска так, чтобы сумма цифр в каждом была равна двадцати (Реш. см. стр. 80).

Задача № 19.

Быстрое ли у Вас соображение?

Из спичек сложено неверное выражение: $VII + X = XII$. Как надо переложить одну спичку, чтобы в действительности сравнять обе части этого выражения?

МАТЕРИНСКАЯ СТРУНКА

Рассказ К. РАНДОЛЬФА ЛИЧФИЛЬДА Иллюстр. М. КРЕСТОВСКОГО

I

Джиббертс махнул рукой, чтобы заставить замолчать подозрительного посетителя. Потом встал и шагнул к двери — не потому, что хотел выйти из комнаты, а просто потому, что был взволнован. Джиббертс положительно не знал, как поступить. То, что рассказал этот человек, было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Как раз в тот момент, когда он круто повернул от двери, она открылась и в комнату без доклада вошел Энгус Дикс. Энгус не был в числе постоянных сотрудников, но по временам писал сенсационные фельетоны, неожиданно появляясь в редакции. В обыкновенное время Джиббертс — кажется самый раздражительный человек на всей Флит Стрит, — обругал бы его за такое бесцеремонное вторжение. Но сегодня он приветствовал его, как посланника небес.

— Вот кого мне нужно! — радостно воскликнул Джиббертс, хватая Энгуса за руку. — Дикс, хотите вы славы для себя и для газеты? Я могу вам дать случай отличиться.

— Да, ведь, вы знаете, что я не тщеславен, — ответил Энгус.

— Так вы должны быть тщеславны! — объявил Джиббертс, подмигнув и понизив голос до шопота. — Дикс, мы, кажется, нашли Онгля.

— Онгля! — повторил с недоумением Энгус.

— Ну, да — Онгля! Не притворяйтесь, что вы не знаете, когда уже столько времени газеты требуют его казни и травят за него полицию.

— Ах, это убийца жены!

— Да за ним еще много других преступлений, почище этого. Слушайте. Вот этот человек уверяет, что видел вчера вечером Онгля в Ист-Энде и, конечно, желает получить награду, которая обещана нами за подобные све-

дения. Он знал Онгля в Ливерпуле три года тому назад и клянется, что не может ошибиться. Так вот, Дикс, это дело как раз для вас. Попробуйте-ка захватить его. Не смейтесь; я говорю серьезно. Поймайте его и заставьте его говорить. Ну, что вы скажете? Попробуйте вырвать у него признание.

— Вот это был бы удар, а? Подумайте только. Какой скандал для полиции, после всего шума, который они надевали! А какое торжество для нас! Наш сотрудник ловит Онгля! Можете себе представить, что бы это было? Тут стоит поработать! Захватите его и заставьте его признаться во всем. Объясните ему, что его все равно повесят, признается он в своих преступлениях или нет, но скажите ему, что если он все вам расскажет, мы обязуемся выдать сто фунтов лицу, которое он нам сам укажет. Конечно, это за раскрытие всех его преступлений. Когда все это будет напечатано, мы любезно передадим его полиции! Что у вас такой угрюмый вид? Для вас, любителя приключений, такой случай — находка.

— Позвольте вам напомнить, — с безнадежным спокойствием сказал Энгус, — что в дурную погоду мне мучительно напоминает о себе рана, которую мне нанес лев, когда я охотился в Восточной Африке. А когда я вспоминаю все рассказы про Онгля, мистер Джиббертс, — я предпочел бы иметь дело со львом.

— Пустяки! Здесь просто нужна осторожность. Надеюсь, вы не боитесь?

— Быть может и не боюсь, — проворчал Энгус и посмотрел на невзрачного, грязного человека, робко сидящего у стола Джиббертса. Это все очень увлекательно, но сколько людей уже говорили, что видели Онгля!

— Да, но все они уверяли, что видели человека похожего на него; этот

же говорит, что узнал его, несмотря на то, что он изуродован. У него отвратительная рана на лице, при чем рассечены нос и щека. Я думаю, что он сделал себе это сам, чтобы изменить свою наружность, и будет прятаться, пока рана не заживет и не станет казаться старым шрамом.

— Это, пожалуй, похоже на Онгль! — воскликнул Энгус, точно пробуждаясь. — Честное слово, я бы хотел поймать его! Я еще не забыл свои прошлогонные неприятности с полицией из-за свидетельства на собаку. А моему щенку не было еще шести месяцев. Мне нужно рассчитаться с ними за это. А где вы думаете, что видели Онгль? — сурово спросил он, пересекая комнату.

Маленький, нервный человек вскочил со стула, держа в руках поношенную шляпу.

— Вы знаете Рестонскую пристань? — спросил он, тяжело дыша. — Это будет по дороге к докам Виктории. Вот дальше-то трудно вам рассказать. Но мог бы вам показать и я не ошибаюсь. Я встретил его там лицом к лицу. Но он-то меня не узнал, потому что я был за светом, понимаете, а ему фонарь светил прямо в лицо. Я могу поклясться, что это был Онгль.

Маленький, нервный человек вскочил со стула, держа в руках поношенную шляпу...

А уж я так испугался, когда увидел его! Думал, что мне не сдобровать. Обозлится, что я узнал, где прячется. Насколько я заметил, он прошел к Рестонским складам. А склады-то сейчас стоят пустые, значит, он может там прятаться. Ведь, склады — проданы на слом, да только до весны там работы не начнутся. И уж я чем угодно поручусь, что он там и сидит. Если вы, господин, мне не верите, так я пойду в полицию,

пусть-ка они мне дадут за это что-нибудь.

— Если он там скрывается, — сказал Энгус, приглаживая свои блестящие черные волосы, — как же он достает пищу и все нужное?

— Да, это вопрос, — но, быть может, ему помогает его мать, — заметил Джиббертс. — Кто-то мне говорил, что у него есть мать, которая живет под другой фамилией. Что-то, помнится, полиция искала ее.

— Когда же вы видели этого человека? — спросил Энгус. В голосе и движениях его проглядывал возрастающий интерес. — Вчера вечером?

— Вчера вечером. Он только по вечерам и высовывает нос, пока его рана не заживет. Рана-то скверная, — как затянется, так нос непременно свернется на сторону и совсем изменит ему лицо.

— Ну, так слушайте. Сегодня в одиннадцать часов вечера ждите меня около Лондонского Госпиталя. Вы узнаете меня, потому что я заговорю с вами. Я скажу: «где этот кожевник?». Поняли? Вот вам деньги, только не напивайтесь. Если вы расскажете все это хоть одной душе, вы не получите больше ни гроша.

Не слушая просьб «прибавить еще на удочку кожевника», Энгус выпроводил посетителя.

— Ваше мнение? — спросил Джиббертс, когда дверь закрылась.

— Он говорит правду, поскольку сам ее знает, — улыбнулся Энгус. — Он недостаточно умен и дерзок, чтобы сплести такую ложь. Но, конечно, мог и ошибиться. Ну, чтож, это интересно. Я сейчас иду домой приготовиться. Теперь уже я не могу остановиться. До свидания! Я уже забыл, зачем я приходил. Да это не беда. До свидания!

— Телефонуйте, если вам понадобится помощь, или, вообще, что-нибудь.

— Хорошо, — если я соображу вовремя, — смеясь, крикнул Энгус через плечо.

II.

— Вот там... куда я показываю. Ближе я не пойду. Если он выйдет и узнает меня...

— Отлично, — сказал Энгус, — можете идти. Когда вы услышите, что он пойман, явитесь в редакцию за наградой. Теперь уходите и никому ни слова.

Человек ушел, крадучись в тени узкой, пустынной улицы. Энгус смотрел на силуэт Рестонских складов, вырисовывавшийся на красноватом от городских огней небе.

Строение было не особенно большое и стояло особняком, окруженное забором. Для такого человека, как Онгль, оно могло быть очень удобным приютом. С одной стороны оно примыкало к узеньким, мрачным и дурно пахнувшим улицам, с другой — была река. Для сильного, сообразительного человека здесь, в случае погони, нашлись бы самые разнообразные возможности спасения.

Энгус вошел в тень от ворот и надеялся калоши. Потом, почти неслышными шагами, заглушенными калошами, пересек улицу и подошел к Рестонской пристани.

Он был прирожденный охотник и потому мысль, что преследуемый им человек может и не быть в этих местах, не помешала ему принять все возможные предосторожности. Как охотник осторожно продвигается в джунглях, где может прятаться какой-нибудь чудовищный тигр, так и Энгус проскользнул в разломанные ворота и вошел в темный двор, где мог скрываться Онгль, — почти такой же опасный и бесчеловечный, как дикий зверь. Энгус стоял спиной к воротам, держа руку на револьвере в кармане своего поношенного пиджака, а другой рукой слегка освобождая слишком туго завязанный красный платок на шее. Он оделся, как одевались бродяги Ист-Энда, чтобы не возбуждать здесь ничьих подозрений.

Минуту он стоял прислушиваясь. Но все было тихо.

Сгорбившись, легкими шагами обогнул он двор, всматриваясь во все темные углы. Но кругом не было ничего достойного внимания, кроме груды мусора, которую он тщательно и осмотрел.

Дойдя до строения, он обогнул его и, убедившись, что если Онгль и пря-

чется в этих местах, то только в самом здании, он воспользовался первым незабытым окном и осторожно влез в него.

Перед ним зиял мрак, в сравнении с которым темные углы двора казались светлыми, и воздух был тяжелый и спертый. Но постепенно он разглядел пятна других окон и мог сообразить размеры помещения, в которое он попал. Оно должно было занимать половину нижнего этажа здания.

Может быть, Онгль сидит сейчас в одном из углов, — спит или испуганно прислушивается. Но вернее все же, что он прячется в верхнем этаже, если есть способы пробраться туда.

Мгновение Энгус стоял неподвижно, задерживая дыхание; не слыша ни звука, он, крадучись, стал огибать комнату, держась одной рукой за стену, другую не вынимая из кармана.

Он продвигался вперед так осторожно, что время казалось ему бесконечным. Наконец, он наткнулся на железную лестницу, ведущую наверх. Потом вдруг раздался короткий резкий звук и Энгус весь вздрогнул, точно от электрического тока. Наверху, на досчатый пол, упал какой-то маленький предмет, — быть может, монета, или трубка, или перочинный нож...

Переводя дух, Энгус неслышно подошел к железной лестнице и заглянул наверх, но там ничего не было видно. Отвернув пиджак, он развязал веревку, которой был обмотан вокруг пояса. Она была уже потерта, потому что ею ловили резвых коней и непокорных волов, но все же она еще годилась для полдюжины Онглей.

Энгус закинул веревку за левое плечо и, вынув из кармана револьвер, попробовал ногой ступени лестницы. Ступени выдержали всю его тяжесть и он стал осторожно

— Когда же вы видели Онгля? — спросил Энгус.

подниматься, нащупывая лестницу левой рукой.

В непроницаемом мраке вокруг он вдруг заметил пространство менее темное. Но разница была так незначительна, что он сначала принял это за обман зрения. Поднявшись еще на несколько ступеней, Энгус понял, что где-то наверху горит едва заметный свет. Тогда он так низко опустил голову, что почти касался лицом ступеней.

Когда глаза его различили линию пола, он слегка поднял голову и посмотрел.

Был ли это Онгль?

Вдали, за полосой темноты, такой глубокой, что Энгус удивился, как он мог заметить свет, — горел слабый ночник или свеча, поставленная в большой ящик. Быть может, это был жестяной ящик из-под чая, повернутый открытой стороной к стене так, что из него едва пробивался свет. На полу возле ящика лежал человек. Лицо и плечи его были едва освещены. Он был в таком расстоянии от Энгуса и свет был так скуп, что узнать этого человека было бы невозможно. Но Энгус различил резкий шрам на его большом бороздате лице и уже не сомневался, что это был Онгль.

Энгус стал размышлять.

Если бы он охотился на тигра, он бы знал, что ему делать, потому что оружие его было бы заряжено. Но так как и в заведомого убийцу нельзя стрелять с первого взгляда и револьвер, очутившись в руках отчаявшегося человека, может сыграть скверную штуку, то Энгус и не зарядил его. Обдумав хорошенько положение, Энгус решил, что лучше всего взять Онгля неожиданностью.

Онгль лежал спокойно, ничего не подозревая, видимо читая какую-то истрепанную газету.

Крадучись, как кошка, Энгус бесшумно приближался к нему. Он не мог сдержать волнение и это лишало его уверенности.

Он прошел уже половину расстояния, когда Онгль перевернул лист газеты, приподнялся и бросил взгляд в сторону Энгуса.

Тот остановился и задержал дыхание в мучительной нерешимости. Он

не подошел еще достаточно близко, чтобы броситься на Онгля, страшная зверская наружность которого обещала мало хорошего.

Вглядываясь внимательно, Энгус увидел, как на лице Онгля появилось выражение злобы, как напряглась его шея. Что-то, — быть может, слабый блеск револьвера во мраке, — выдало его присутствие. Энгус кинулся вперед.

— Стой, Онгль, или я стреляю! — громко крикнул он.

Онгль хотел вскочить на ноги. Но он сделал ошибку, желая одновременно потушить свет, и Энгус успел подскокнуть и повалить его на пол.

Он был ловчее Онгля и когда они катились на пол, схватил его левой рукой за горло и щелкнул револьвером у самого уха.

— Не стреляйте! — сдавленным голосом, почти не сопротивляясь, прохрипел Онгль. — Дайте мне встать, — вы меня все равно поймали. Дайте мне встать!

— Да, я тебя поймал! — прошипел Энгус, — и стоит мне только выстрелить, как сюда прибегут двенадцать человек. Но мне надо сначала поговорить. Стой смиренно!

В это мгновение из правой руки Энгуса, сжатой противником точно клещами, выпал револьвер. Онгль вскочил и поднял Энгуса на воздух.

— Один из нас — поймал другого! — задыхаясь, пробормотал он, стараясь перебросить Энгуса через плечо. Но тот крепко обнял коленами его бедра и, точно прилипнув к нему всем телом, высвободил правую руку и ударил Онгля по голове.

Удар был не очень сильный, но Онгль покачнулся, и Энгус едва не бросил его снова на пол. Но он вывернулся и, отклонившись назад швырнул Энгуса об стену.

Невольный стон вырвался у Энгуса, когда его стройное тело ударилось об стену, прижатое плечом Онгля. Инстинкт самосохранения придавал ему силы, и он снова изловчился и хватил противника по голове.

Онгль откатнулся, потом упал на четвереньки, низко опустив голову, — удар оглушил его.

Не теряя времени, Энгус быстро связал ему ноги и, пока тот еще не пришел окончательно в себя, повернул его на спину и связал руки.

Дело было сделано; Онгль был в его руках и как это оказалось просто!

Он отступил назад и, глубоко вздохнув, вытер пот с лица. В бессильной злобе, Онгль осыпал его ругательствами.

— Перестаньте! — угрожающе перебил его Энгус. — Вы теперь в моих руках. Но прежде, чем я передам вас полиции, мне нужно с вами поговорить... Мне нужно...

Поток бессмысленных проклятий и ругательств не дал ему продолжать. Энгус отодвинул чайный ящик от стены так, чтобы свет, открытый теперь, падал прямо на пытавшегося освободиться человека и присел отдохнуть.

Некоторое время Онгль с искаженным от злобы лицом, на котором резко выделялся полузаживший ярам, еще пытался высвободить руки.

Но все усилия его не привели ни к чему, и он упал на пол, совершенно обессиленный.

Энгус встал и, подтащив Онгля к стене, посадил его.

— Теперь слушайте меня, Джэмс Онгль, — сказал он, по-турецки усевшись возле Онгля. Потом он вынул записную книжку и карандаш. — Надеюсь, вы не отрицаете, что вы Онгль? Это было бы напрасной потерей времени, которое вы можете использовать гораздо лучше. Если вы мне подробно расскажете свою карьеру так, чтобы я мог поместить ваш рассказ в газете, мы выплатим сто фунтов любому лицу, которое вы укажете.

Налитые кровью глаза Онгля злобно смотрели на Энгуса.

— Вам это не может повредить, зато даст вам возможность облагодетельствовать кого-нибудь. Я думаю, что даже у вас есть кто-нибудь, кому вы хотели бы оставить сто фунтов? Ведь, вы стоите лицом к лицу со смертью; надежды на спасение нет никакой; никакое заперательство вам не поможет. Но вы можете еще заработать сто фунтов, поговорив со мной немножко, прежде чем я вас передам полиции. У вас, ведь, кажется, есть где-то

мать? — и перед смертью вам, наверно, захочется сделать ей что-нибудь приятное? Подумайте только, какая для вас сумма сто фунтов! Ей, верно, тяжело живется, может быть, она больна...

— Нет, кажется так с вами не договориться. Попробуем иначе. Я думаю, что еще ни одному убийце не делали такого предложения. Человек в вашем положении должен был бы гордиться, что может оставить старухе матери кругленькую сумму.

Энгус недоумевал, почему вдруг изменилось выражение лица Онгля. Он все еще глядел затравленным зверем, но губы его точно дрогнули от лукавой усмешки. Энгус подозрительно оглянулся и сейчас же вскочил на ноги. Он поднял с пола револьвер, не спуская глаз с закутанной в платок головы, поднимавшейся в отверстие винтовой лестницы.

Это была женщина и при виде Энгуса она торопливо вылезла наверх. Маленькая, невзрачная фигурка, с таким худым и бледным лицом, что оно точно светилось во мраке. Она взволнованно пробежала мимо Энгуса и крикнула:

— Джим! Неужели ты попался! Ох!..

— Вы его, мать? — спросил Энгус, чувствуя глубокую жалость, но заграждая ей дорогу. — Если да, то ваш приход...

— Да, я его мать! — яростно крикнула она, угрожающим жестом заправляясь платком. — И я никого не боюсь! О, Джим, как это случилось, как это случилось?..

— Бей его, мать! — хриплым от злобы голосом приказал Онгль.

— Господи! — в отчаянии разражаясь слезами, простонала женщина, — как же я могу его бить!..

— Конечно, вы не можете, — спокойно сказал ей Энгус. — Вам же было бы хуже. Рано или поздно его все равно поймали бы. Я тут втолковывал ему, как он мог бы раздобыть для вас сто фунтов, которые вам, конечно, пригодились бы. Что это у вас под платком? Еда?

— Да, — грубо ответила она, — что же, вы думаете, мать даст ему умереть с голоду?

— Бей его, дура! — закричал Онгль, — вырви у него револьвер! Чего ты зеваешь!

Она торопливо положила на коробку из-под чая краюху хлеба и жестянку с рыбными консервами, точно собираясь исполнить приказание сына. Но Энгус подошел к ней, грозя револьвером.

— Слушайте меня, — внушительно произнес он. — Хотя мне вас и жаль, но у сына вашего нет уже никакой надежды на спасение. Но он еще может помочь вам. Если он мне расскажет о себе всю правду, то издатель газеты, в которой я работаю, выплатит вам или тому, кого он укажет, сто фунтов. И деньги вы можете получить хоть завтра. Подумайте — сто фунтов!

Ее худое, бледное лицо оживилось, а в провалившихся глазах блеснул огонек надежды. — Сто фунтов! — задыхаясь, пробормотала она, — мне?!

— Да, — с увлечением подтвердил Энгус, — и ему это несколько не повредит.

Она еще раз шопотом повторила сумму и вопросительно посмотрела на сына. Потом вдруг схватила банку с консервами и ударила ею соблазнителя.

III.

Где-то, в полном мраке и молчании, Энгус пришел в себя. Состояние его было не из приятных. Голова мучительно ныла, члены были сведены

судорогой, а в левом ребре чувствовалась острая боль. Он вспомнил все и зажег спичку.

Кругом не было ни души. Возле него лежала его веревка, разрезанная на мелкие куски, и банка с консервами.

С трудом двигаясь, спустился он по железной лестнице и, точно вор, прошмыгнул на темную узкую улицу.

Добравшись до редакции, он, едва волоча ноги, вошел в кабинет Джиббертса.

— Ну, что же! — взволнованно вскопился ему тот навстречу, — что случилось? Где вы были, Дикс?

— Я встретился с его матерью, — со слабой улыбкой, устало опускаясь на стул, сказал Энгус. — Я задел «материнскую струнку», Джиббертс, — и это отозвалось ударом банки с консервами.

Джиббертс бессильно сжал кулаки.

— Так это правда — вы его прозевали! — крикнул он вне себя. — Я догадался... Я боялся верить, когда мне телефонировали, что полицейская лодка выловила Онгля в реке. Господи, какая неудача!

— Выловили его... О!!

— Есть у вас хоть что-нибудь для печати?

— Ни одной строчки, — ответил Энгус, задумчиво улыбаясь, — я говорю вам, что там была его мать. Она предпочла дать сыну возможность спастись, чем получить сто фунтов. Дайте-ка вашу руку, попробуйте какаля у меня здесь шишка!

— Да, я его мать! — яростно крикнула она...

БЛОХИ-АРТИСТЫ

Очерк А. Петренко

Фотографии с натуры

КТО кого кормит: — человек блоху, или блоха человека?

Людей непредприимчивых, конечно, пожирают эти хищные звери, но если человек умеет взяться за дело, то блоха может великолепно прокормить не только его, но и всю его семью.

Еще в XVIII веке в Италии появились дрессированные блохи. Люди додумались до способа покорять себе беспокойную блоху и превратили этих крошечных, но отвратительных насекомых в самых настоящих балаганных актеров.

Искусство этой дрессировки процветало во многих, особенно в южных странах. И сей час в Неаполе и других городах Западной Европы существуют такие «блошинные цирки». Но наиболее любопытный и умело организованный находится в Вене. С ним мы и знакомим читателей, как с самым характерным из зверинцев такого типа.

Его директор, режиссер, кассир, билетер и заведующий реквизитом, — все это соединено в одном лице, — очень гордится своей антрепризой. В сезоне ярмарок и различных празднеств цирк отправляется в «артистическое турне» и это с каждым годом

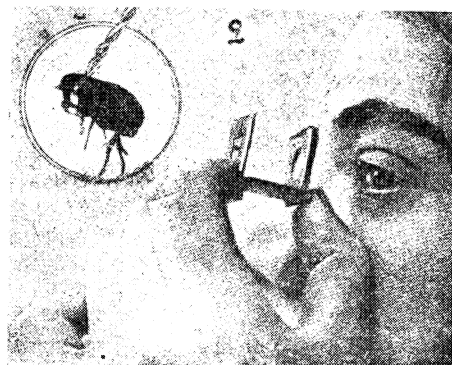
дает ему все большую и большую известность.

Как трудно подняться с места цирку со львами, тиграми и другими хищными зверями! Это целое переселение народов... Сколько расходов! Погрузка в особые вагоны! Какие затраты на помещение! А директор цирка блох берет под мышку небольшую коробку, размерами с сигарный ящик и в этой коробке у него все: — артисты и инвентарь.

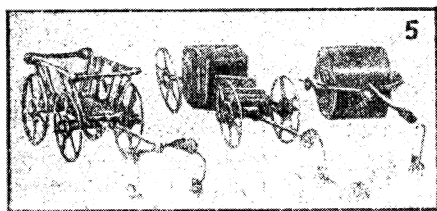
Не приходится директору заботиться и о запасах пищи, а крошечным артистам живется, между тем, великолепно. Для них всегда готово их любимое кушанье — отлич-

ная, красная человеческая кровь. Владелец цирка каждое утро перевязывает себе руку, чтобы доставить обильную и хорошую пищу своим проголодавшимся артистам (см. 1). Сами же артисты выдрессированы по всем правилам циркового искусства и предлагаются почтенной публике для лицезрения, что дает хороший доход владельцу предприятия.

В чем же трюк укротителя, в чем тайна этого своеобразного искусства? Да в том, что блоху отучают прыгать и заставляют

ходить. Медленным, упорным грудом и огромным терпением добиваются того, что попрыгунья ученица отвлекает от естественных для нее движений — прыжков. На шею пойманной блохе с невероятной ловкостью накидывают тонкую, как волосок, медную проволоку. На этой крошечной цепи блоху подвешивают так, чтобы она едва могла доставать ногами дно своей коробочки и проползать всего несколько миллиметров (см. 2). Если блоху подвесить слишком высоко, она будет только биться ногами о пол и так расцарапает их, что никогда уже не сделает себе артистической карьеры. Но если она подвешена правильно, то уже через несколько недель такой неволи блоха совершенно разучивается прыгать, и от природы сильно развитые ножные мускулы, которые дают ей возможность делать прыжки в сто раз выше ее соб-

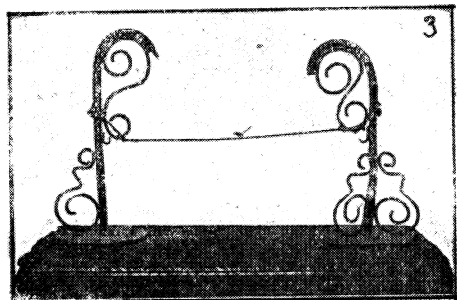

ственного роста, так ослабевают, что если ей и вернуть свободу, она никогда уже не сможет прыгать. Цепочку на шее артистка-блоха сохраняет уже навсегда. Укротителю это необходимо для того, чтобы заставлять блоху покоряться.

Отвыкшая прыгать блоха очень скоро крепнет и здоровеет от хорошего питания — кровью своего укротителя. Только этим счастливицам-блохам удается вдоволь и безнаказанно получать пропитание. Но за эти пайки они должны и работать. Блоха становится очень сильной, может возить тяжести в двести раз больше, чем ее собственный вес, и продолжительность ее артистической карьеры — год и больше.

Блоха выступает, как акробатка (см. 3), как беговая лошадь, возит кареты и телеги.

Размеры цирка, конечно, соответствуют размерам артистов. Венский

цирк блох — не велик. Он вмещает не больше пятидесяти человек. Деревянные скамьи расположены амфитеатром, окружая с трех сторон самую арену. Это небольшой стол, на котором лежит круглый лист белого картона в высокой рамке красного бархата (см. 4). С четвертой стороны стола находится укротитель и около него — «уборные артистов» и «помещение для реквизита» — все в сигарной коробке. А позади — стоячие места, человек на десять.

Открывается представление маленькой лекцией укротителя. Она начинается со сведений, взятых из энциклопедии, и рассказом о том, как трудно воспитать блоху. Затем зрителям передается лупа, к которой прикреплена только что пойманная блоха, бьющаяся на своем медном ошейнике. Укротитель обращает внимание публики на все анатомические особенности обыкновенной блохи, чтобы сравнить ее затем с натренированной блохой-артисткой. Укротитель подчеркивает, что блохи немые, не поют и не говорят, а, следовательно, они — «артисты», а не «актеры». Они производят на зрителя впечатление мимикой, выразительными движениями и поражающей силой мускулов. Из «конюшни» (т. е. из ящичка) извлекается с помощью тоненького пинцета экипаж с упряжью. Это крошечная, в два сантиметра длиною, карета из латуни (см. 5). Ее везет хорошо

откормленная, полнокровная блоха. Она шутиа тянет карету и не шагом, а быстрым аллюром. Кто из нас, людей, смог бы тащить, да еще так легко, тяжесть в двести раз большую, чем наше тело, и размерами в десять раз длиннее его? За каретой следует телега, в которую из предосторожности впряжены две блохи. Ведь, не знаешь, какие на телегу могут взвалить тяжести! Третья блоха тянет каток для укатывания мостовой. Вслед за этим у старта—линии, проведенной карандашом,—появляется пять конкурентов—беговых блох, запряженных в «беговые дрожки». Они быстрым бегом достигают цели, — другой чер-

ты, также проведенной карандашом (снм. 6).

Блохи не только научаются возить тяжести, из них выходят настоящие акробаты. Особенную славу эквилибристки по канату приобрела «фрейлейн Арабелла». Крошечное насекомое с большой уверенностью проходит по проволоке, протянутой между двумя столбиками (снм. 3).

Можно себе представить восторг зрителей, в особенности юных, переполняющих этот своеобразный цирк! Но дрессированные блохи не только забавное зрелище. Крошечные насекомые, прирученные волею человека, указывают нам, что можно многого добиться терпением и настойчивостью.

ДОЛГ СЕРДЦА

Эпизод
из жизни на реке Амазонке

Рассказан КАРЛОСОМ РЕЙЕСОМ.

Иллюстрации Н. МАРИНСКОГО.

Старый чудак Симсон, известный по всей Амазонке под именем «гринго»¹⁾, не известил никого о смерти своей жены. Правда, целых двадцать лет он провел с ней в уединении, вдали от людей, в хижине в первобытном лесу, но все же окрестные гаучосы охотно приехали бы за сотней миль для того, чтобы присутствовать при погребении. Но беспокоить других людей ради своих личных дел—это было не в привычках джентльмена, заброшенного сюда превратностями судьбы.

Симсон опустил в песок карманный термометр. Уже шестьдесят градусов! Он быстро набальзамировал покойницу, плотно закутал ее в листья ризофор и крепко перевязал лианами. Ни за что на свете он не согласился бы похоронить ее около своей хижины! Ведь витогосы или какие-нибудь другие кочующие людоеды могли тронуть труп... Нет, его верная спутница жизни заслуживала того, чтобы быть с честью похороненной в Икитосе! Восемь дней пути по реке не останавливали его. И он нагрузил свой челн из выдолбленного кедрового ствола пальмовыми орехами, пятью живыми морскими свинками, составлявшими его провиант, золотым песком и огромным сосудом с гуарапо-спиртом из тростникового сахара, помогающим во всех трудных случаях жизни.

Преследуемый насмешливым криком обезьян, Симсон полуголый, как настоящий дикарь, повез свою покой-

ницу-жену, стоя у кормы и положив с одной стороны винтовку, а с другой—два револьвера. Тепловатая речная вода тускло мерцала при свете побледневшего месяца—было пять часов утра. На правом берегу миссионер служил обедню перед распятием, прибитым к стволу пальмы. Но кого же приветствовали флейты окружавших его индейцев—Христа или восходящее солнце?

Медленно пробуждался день над поющей чащей. Крошечные попугаи сверкали, как зеленые блестящие стрелы; бабочки с металлическим синим отливом, прекраснее неба, колыхались в воздухе, не зная какому цветку отдать предпочтение среди этой роскошной природы.

Стоя в челне, опершись левой рукой о неломяющееся копьё из пальмового дерева, а правой работая веслом, по реке приближался индеец. На его пестро раскрашенном теле были видны рисунки старинных перуанских ваз. Симсон, почти совершенно забывший родной английский язык, но зато с грехом пополам говоривший на пятидесяти диалектах Амазонки и на исковерканном испанском языке первобытных лесов, уже издали крикнул ему:

— «Amico!»¹⁾

Эти дружеские чувства проявились в одновременной остановке обоих челнов и обмене литра спирта на копченое обезьянье мясо. Мирно раскурили они папироски, завернутые в маисовые листья, но держались на некотором расстоянии друг от друга,

¹⁾ «Гринго» в Мексике называют граждан Соединенных Штатов.

¹⁾ Друг!

так как «уигас аспа», т. е. запах, исходивший от белого человека, был неприятен дикарю. Он с вождедением указал на большой сверток, завернутый в листья и несомненно сохранивший нечто весьма ценное. Но Симсон дал ему понять, что этот сверток не для обмена. С вежливостью представителя старинной расы индеец при прощании сделал ему очень ценный подарок — выдолбленный тростник, наполненный смертельным ядом.

До самого вечера ничто не нарушало однообразного хода лодки. Симсон пристал к берегу только тогда, когда совсем стемнело. Около огня три женщины разжевывали маниок, чтобы, прибавив в него несравненное бродильное вещество, заключающееся в слюне, приготовить из него прекрасный напиток. Их мужья, жарившие в горшке из обожженной глины большие куски каймана, поспешно побежали к Симсону и, не прибегая ни к каким насильственным мерам, весьма лояльно предложили в обмен за револьвер весь свой запас каучука, а за винтовку — совсем молоденькую женщину, у которой голова в наказание была обрита наголо. Из франтовства она выщипала себе брови, искусно удлинненных ушах у нее болталась chonta, вправленная в перламутр, а все туловище от груди до

стройных ног было расписано странными яркими иероглифами.

Ее глаза блестели. Что может быть приятнее, как уехать с белым на этом прекрасном челне! Но гринго никогда не обращал внимания на других женщин, кроме своей жены. Он прикрыл завернутую покойницу пальмовыми листьями, чтобы предохранить ее от внезапно раздражавшихся здесь ливней и, прочно привязав челн к огромному корню, далеко выплывавшемуся в реку, проспал рядом с трупом несколько часов.

Свежесть окрашенного в опаловые тона утра и большой глоток гуарапо подбодрили его. Теперь берега реки сдвинулись, и он плыл между двумя стенами темной чащи, несколько оживлявшейся пестрыми попугаями ара. Из лагеря индейцев на небольшой лужайке в небо взвилась стрела, — казалось, что она хочет попасть в солнце. Она поднялась высоко, на один миг дрожа повисла в синеве и затем с режущим ухо треском, как при разрывании полотна, упала прямо на покойницу. Симсон схватился за винтовку, но индейцы стали делать ему приветливые жесты. Стрела была только сигналом к остановке.

Когда Симсон сошел на берег, они потребовали от него соли и в обмен на нее предложили на выбор: во-первых — муку из маниока, во-вторых —

Симсону весьма лояльно предложили за винтовку молоденькую женщину, у которой голова была обрита...

кожу амазонского моржа, в-третьих— совершенно свежие черепаши яйца. В их палатках, украшенных обезьяньими черепами и цепочками из тигровых зубов, висели под потолком набальзамированные мумии предков. На барабанах из обезьяньей кожи лежали кости подозрительного вида, тщательно покрытые пчелиным воском. Но ни полные горшки мазато—быстродействующего яда из корней юкки,— ни великолепнейшая стрела, предложенная кациком, не могли заставить Симсона развернуть его таинственный сверток. Уже мангуаре—этот беспроволочный телеграф индейцев—сигнализировал вниз по всей реке весть о появлении его с грузом, и вряд ли было умно продолжать поездку, имел на борту нечто такое, что возбуждало жадность дикарей. Но Симсон был ирландцем и, кроме того, за двадцать лет жизни здесь он прекрасно освоился со всеми проходимыми реками первобытного леса.

Однако, на седьмой день дело приняло дурной оборот. Сначала все шло мирным порядком. В удушливую полуденную жару, когда черепахи неподвижно лежат на иле, бабочки понижают крылышками, а обезьяны скорее дадут себя убить, чем перепрыгнут с одной ветки на другую,—к лодке Симсона пристал челн. Плывший индеец был поранен одним из тех острохвостых скатов, которые разрезают тело как скальпель. Рану осторожно при-

крыли паутиной и табачными листьями, разжеванными колдуном. Сначала индейцы потребовали у Симсона, чтобы тот отдал раненому весь запас своего спирта. «Для смазывания раны»,—сказали они. Затем, улыбаясь, с наивной дерзостью дикарей, они сделали смелую попытку развязать лианы, которыми была завязана покойница.

Симсон в ярости выкинул за борт обоих индейцев вместе с их раненым спутником—крайне серьезное нарушение всех законов лесного гостеприимства. Но, благодаря револьверу в челне белого, перевес был на стороне Симсона, и индейцы пустили его ехать дальше.

Однако, уже через несколько часов прибрежные деревья превратились, казалось, в какие-то без-

зумыные луки. Посыпался дождь цестро оперенных стрел всевозможного вида, падавших с легким шипением и, в виде каких-то мертвых попугаев, уносившихся вниз по течению. Симсон, съежившись под

разодранной крышей из пальмовых веток, охваченный отчаянием, греб изо всех сил, прислонив к груди труп жены, который, как щит, принимал в себя все стрелы...

Еще и поныне мужчины рассказывают у костра про это фантастическое бегство. Гринго, этот величайший упрямец в мире, одержал верх... Каучук, золотой песок и даже оружие ушли на оплату таких пышных похорон, каких уже давно не запомнят в Иквитосе.

Симсон в ярости выкинул за борт
обоих индейцев...

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

Наука Америки в борьбе с преступностью.

Государственный строй Америки, этой страны наиболее развитых форм капитализма, наиболее резких контрастов бедности и богатства, сам по себе способствует росту деяний, характеризующихся, как «преступления против собственности». И правительство Соединенных Штатов ничего не делает для искоренения причин преступности, да оно и не может ничего делать, потому что тогда перестанет быть тем, что есть, потому что тогда должна измениться структура социальной жизни страны, где теперь царствует доллар. Вся мощь государственного аппарата заокеанской республики направлена исключительно на всемерную борьбу с преступниками. Современная наука пришла на помощь американскому суду.

Быть может читатели еще не забыли помещенный в № 9 «Мира Приключений» за 1926 г. фантастический рассказ «Путешествие в Нью-Йорк» в 3000 году. Там обвиняемого сажают на «кресло Истины» и малейшее уклонение от правды в показаниях становится очевидным суду. Виновный не может солгать безнаказанно.

На какой тонкой грани сходятся иногда фантазия романиста и наука — можно видеть из предлагаемого здесь краткого очерка новых методов следствия, применяемых в Америке.

Преступник упорно отрицает и запирается—это естественно. Дело судебного следователя собрать уничтожающие улики и вырвать признание. Еще сотню-полторы лет назад для этого пускали в ход пытки; современное «гуманное» правосудие, конечно, не мирится с ними и пытки официально исчезли из арсенала судебного следствия, не официально же, к стыду XX века, они нередко применяются и сейчас, при чем не только в диких странах, но и в так называемых «цивилизованных» государствах.

Как же быть следователю, если улик не имеется, а есть лишь серьезное подозрение и от показаний обвиняемого или свидетеля зависит подчас жизнь и благосостояние многих людей? Ряд интереснейших опытов, произведенных недавно в С.-А. Соед. Штатах, как будто дает правосудию новое оружие в области проверки истинности или, правильнее сказать, искренности свидетельских показаний и слов обвиняемого.

Это—способ гипнотического внушения и

способ психо-физиологический. Первый способ весьма ненадежен—прежде всего оттого, что далеко не всякий субъект может быть подвергнут гипнозу, а поддавшись ему не всегда скажут правду, так как внушению допрашивающего будет противодействовать самовнушение допрашиваемого. Наконец, если это будет субъект с очень слабой волей, ему помимо желания допрашивающего легко может быть внушено

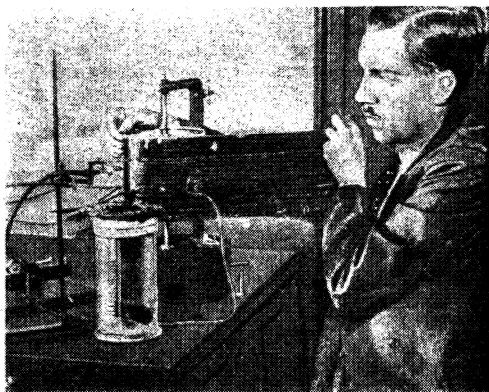

Рис. 1.

признание в том, чего он никогда не совершал, и судебная ошибка—налидо.

Повидимому, гораздо больше шансов на успех имеет сейчас другой способ, основанный на некоторых психо-физиологических особенностях нашего организма.

Дело в том, что всякая ложь или вообще заведомая неправда требует от нас некоторого психического усилия. Когда мы рассказываем о действительных, хорошо нам памятных фактах, наша речь льется плавно, не требуя особых мозговых усилий, но если мы хотим солгать,—мы должны что-то придумать, сделать какое-то—пусть быстрое и незначительное—но все-таки некоторое умственное усилие. У некоторых это усилие вызывает смущение, беганье глаз, дрожь в голосе, краску на лице—общезвестные признаки, по которым любой судья или следователь, обладающий мало-мальским психологическим опытом, сумеет уличить свидетеля. Но есть люди, умеющие в высо-

кой степени владеть самим собою—уличить их во лжи чрезвычайно трудно. Тем не менее и для них насилие над самим собой, т. е. ложь, отражается в ничтожном изменении характера их пульса, что посредством чувствительного кардиографа (прибор для наблюдения над работой сердца), может быть отмечено на самопишущем приборе. На рис. 1 изображен общий вид такого прибора, построенного Г. Сэлisbury и оказавшего уже несколько ценных услуг при допросе преступников.

Другой не менее интересный способ, обнаруживающий незаметные душевные волнения, основан на одном наблюдении, сделанном французским доктором Шарлем Фере еще в 1887 году. Этот ученый нашел, что сопротивление, оказываемое прохождению электрического тока поверхностью нашей кожи меняется в зависимости от наших душевных эмоций: страха, смущения, испуга и т. д. Эти явления были использованы

Рис. 4.

одним нью-йоркским психологом д-ром Д. Векслером, изображенным вместе с изобретенным им прибором на рис. 2. Испытуемый субъект (рис. 3) садится в кресло и кладет свою руку на подставку, погружая при этом два пальца в небольшие стеклянные сосуды с соляным раствором, через которые пропускается слабый электрический ток. Пока испытуемый человек спит спокойно, зеркальце гальваноскопа чертит на бумаге ровную линию, но стоит ему хотя немного разволноваться, или испугаться, как гальванограмма дает резкий скачок (рис. 4). Чем больше субъект будет стараться сохранить спокойствие, тем менее это ему удастся и тем больше будет эффект опыта. Прибор этот, по справедливости, может быть назван «правдомером»...

Рис. 3.

Д-р Хоуз, работающий в Техасе, предложил еще более любопытный способ для проверки правдивости судебных показаний. Он впрыскивал испытуемым субъектам раствор одного алколоида—скополамина, обладающего свойством ослаблять некоторые задерживающие мозговые центры. Человек, которому впрыснут эту «сыворотку истины», как ее назвал д-р Хоуз, теряет контроль над своим зрением и речью: глаза не могут сосредоточиться на одном предмете, наступает полудремотное состояние и испытуемый совершенно произвольно выдает то, что у него на уме. Через некото-

рое время действие скополамина прекращается и субъект приходит в себя. На рисунке 5 изображен момент такого допроса: арестованный лежит, руки у него связаны наручниками, глаза закрыты повязкой, т. е. скополамин, подобно белладоне, производит расширение зрачков. Над ним склонились полицейский агент, доктор и стенографистка, записывающая невольные признания преступника. По способу Хоуза будто бы удалось уже доказать невиновность заподозренных в нескольких случаях. Так например, во время одного полета, сопрово-

Рис. 2.

ждавшегося убийством двух полицейских, был арестован юноша, упорно отрицавший свою вину и утверждавший, что он не знал, на что вели его скрывшиеся товарищи, совершившие убийство. Доказательств этому никаких не имелось и бедняге грозил электрический стул, если бы не способ Хоуза, бла-

годаря которому удалось выяснить, что юноша не лжет. Три американских журналиста добровольно, предложили произвести над ними опыт действия скополамина, при чем нарочно условились говорить неправду. Попытка их кончилась полной неудачей, так как, под влиянием скополамина, они, помимо своей воли, все-таки не могли солгать...

В борьбе с преступностью американцы не пренебрегают даже мелочами. Так с целью сделать потерпевшего, свидетеля или полицейского агента невидимым для обвиняемых, последних вводят в особую «теневую камеру» со снятой передней стенкой, на месте которой установлен источник яркого света, резко освещающего обвиняемых,

Рис. 5.

мешая им рассмотреть тех, кто изучает их наружность, стоя по другую сторону стенки (см. рис. 6).

Щедринское «чтение в сердцах» как будто осуществляется на самом деле в этих хитроумных американских приборах... Слов нет, приборы эти остроумны и делают честь американской изобретательности,—но все-таки можно пожелать от души, чтобы

поскорее наступило то время, когда они станут излишними и когда новые, лучшие

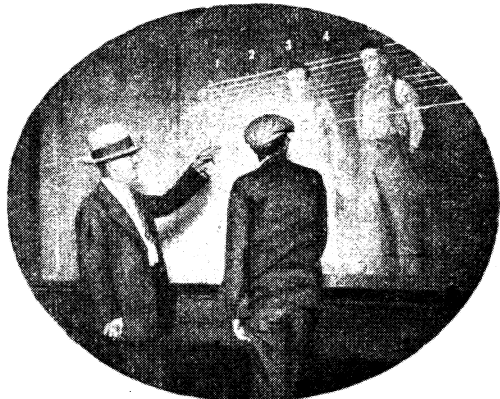
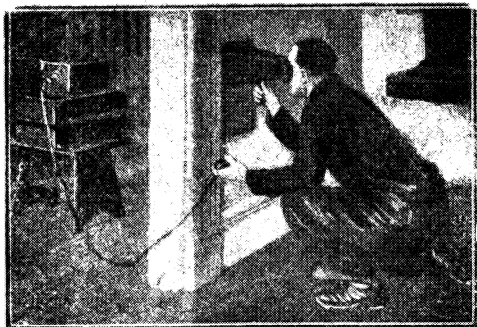

Рис. 6.

социальные формы жизни устранят большую часть причин современной преступности.

Рентгеновские лучи, проникающие сквозь стену.

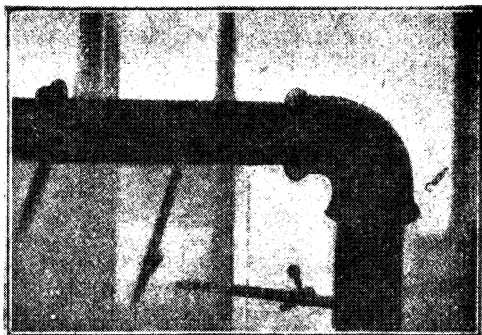
При ремонте водопроводной сети и электрической проводки, заделанных в толще стен, немало времени приходится тратить на отыскивание поврежденных мест. Иногда

да надо совершенно бесполезно отбивать немалые количества штукатурки и каменной кладки, пока не натолкнешься на исконную трубу или провод.

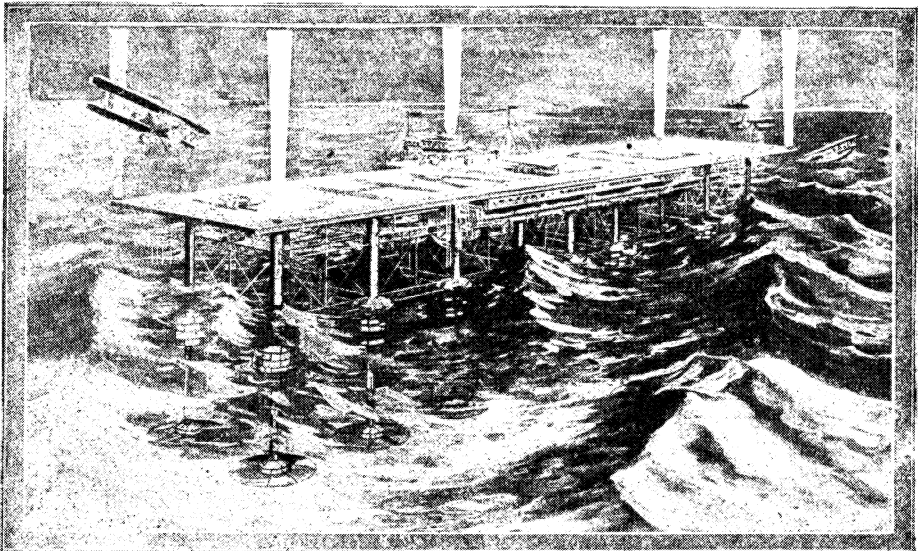
Появившийся недавно в Америке портативный легкий аппарат с рентгеновской трубкой, повидимому, должен скоро сделаться другом монтажников, водопроводчиков, а также разыскивающих всякого рода замурованные ценности.

Действие этого аппарата чрезвычайно просто. Аппарат соединяют со штепселем электрической проводки в доме и направляют, как прожектор, на исследуемый участок стены. По другую ее сторону (см. рис. сверху) находится исследователь, который ловит лучи рентгена на флуоресцирующий специальный экран, заключенный в конусообразной коробке с отверстием для глаз. Если между экраном и аппаратом

в стене придется какие-нибудь металлические части, то последние дадут на экране свою отчетливую черную тень (рис. снизу).

Искусственные острова в океане.

Развитию правильных воздушных пассажирских рейсов между Америкой и Европой наибольшим препятствием служит огромное расстояние — около 5500 километров, лежащее над безбрежной гладью Атлантического океана. Одна ласточка не делает весны, и два-три удачных и смелых перелета, совершенных через океан на специально оборудованных аппаратах, еще не могут считаться началом эры трансатлантических воздушных путешествий. Но даже если бы был исключен риск невольной посадки на воду, то современные и крупные самолеты не могли бы взять больше 4—5 пассажиров, — остальная нагрузка приходилась бы на долю топлива для моторов, и стоимость такого путешествия, приходящаяся на одного пассажира, была бы сказочно высока.

Другое дело, если бы удалось обеспечить самолетам несколько станций для спуска, где бы они могли запастись горючим и производить необходимые починки в случае аварий.

Природа, к сожалению, не создала таких промежуточных станций на кратчайшем пути из Европы в Америку и неудивительно, что возникают проекты создания искусственных пловучих островов, — вроде описанных Жюль Верном в одном из его увлекательных романов.

В прошлом году один французский инженер составил проект постройки из железобетона нескольких гигантских пловучих аэропортов подковообразной формы, а в последнее время известный американский конструктор Армстронг построил небольшую модель плавучего аэродрома совершенно необычного вида.

Аэродром этот, построенный в натуральную величину, будет состоять из прочной металлической платформы длиной около

400 метров и шириной около 130 метров, находящейся на высоте около 25 метров над уровнем воды и укрепленной на многочисленных, связанных между собою вертикальных металлических пустотелых колоннах. На нижнем конце каждой из этих колонн имеются поплавки и тяжелые грузила. Поплавки эти рассчитаны так, что тяжесть верхней платформы и нижних грузил удерживает их на известной глубине под водой (общая высота этих колонн около 50 метр.). Под поплавками имеются плоские диски, назначение которых умерять поднятие и опускание поплавков во время волнения.

На верхней платформе сбоку расположены починочные мастерские, склады, радиостанция, гостиница для пассажиров и световые маяки для ночных посадок.

«Остров» удерживается на месте тремя колоннами, связанными с таким же количеством буев, поставленных на мертвых якорях при посредстве прочных 2 1/2-дюймовых стальных канатов из оцинкованной проволоки, длина которых достигает в некоторых глубоких местах около 5 километров.

По расчетам инж. Амстронга, стоимость восьми таких пловучих островов будет не выше 20 миллионов рублей, но зато их устройство позволит современным большим аэропланам брать по 30—40 пассажиров вместо тяжелого груза топлива, которое они будут тогда возобновлять по пути и совершать перелет от Нью-Йорка до Плимута в 34 часа, тогда как лучшие пароходы затрачивают на это путешествие около 4—5 суток.

Успешно прошедшие испытания модели пловучего аэродрома и живой интерес широких технических кругов к новому проекту обещают нам, быть может, реальное осуществление его в недалеком будущем.

Как делают движущиеся рисунки?

Рис. 1.

Большим успехом в кино-искусстве за последнее время начали пользоваться т. н. «мультипликационные» снимки, в виде черных рисованных фигур и каррикатурных сценок (вроде «Приключений Мурзилки»). Мы видим, как эти фигуры оживают на экране, но вряд ли отдаем себе отчет, каких больших трудов стоит изготовление одной такой фильмы.

Для ясности и непрерывности изображений зритель должен видеть не менее 10 снимков в одну секунду, при чем один снимок должен отличаться от другого лишь на самую незначительную деталь, относящуюся к движению предмета, иначе это движение получится очень неравномерным и резким.

Раньше делали рисунок неподвижного заднего плана, снимали с него необходимое

количество копий и на них методически рисовали фигуры и предметы в разных фазах их движения. Это была чрезвычайно кропотливая и потому дорогая работа, т. к. на коротенькую 5-минутную кино-ленту надо было сделать от руки около 3000 рисунков.

Теперь и в этой области введена немалая доля механизации. Фигуры не рисуются, а вырезаются из картона, при чем им

придается в сочленениях известная подвижность — вроде, как у картонных пиясун (см. рис. 1). Затем на матовой прозрачной бумаге рисуют фон, укрепляют его на горизонтальном стекле, а поверх бумаги кладут вырезанные картонные фигуры. Стекло освещают сильным источником света снизу (см. рис. 2), а съемку производят специальной камерой, установленной сверху. Для каждого снимка оператор незначительно меняет (см. рис. 3) положение движущейся фигуры и только тогда нажимает имеющийся у него под рукой затвор фотографической камеры. Так, снимок за снимком, получаются отдельные сцены и целые весьма художественные кино-картины, вроде последней германской силуэтной фильмы «История принца Ахмета», потребовавшей около 3 лет упорного труда и 250.000 отдельных снимков.

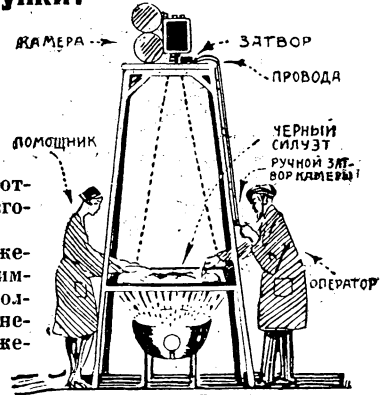

Рис. 2.

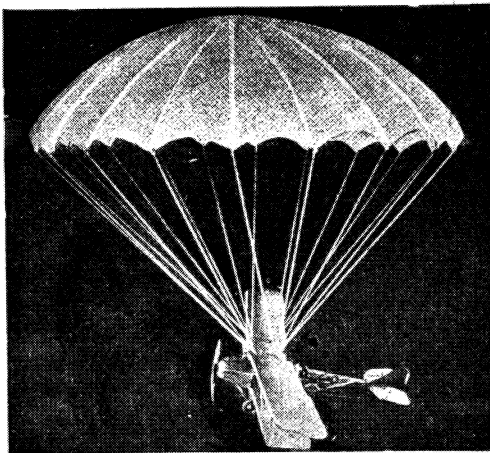
Рис. 3.

Прыжок в пространство... на аэроплане.

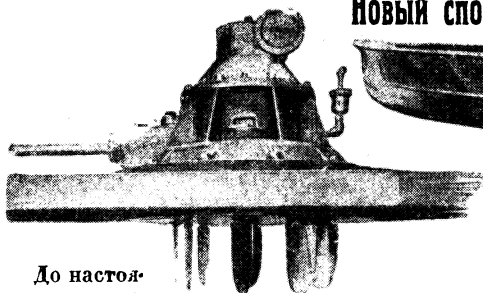
До последнего времени вопрос о безопасном спуске на землю пассажиров с аэроплана, потерявшего способность управляться в воздухе, не был разрешен... Весь личный состав как военной, так и гражданской авиации снабжается индивидуальными

парашютами. Хотя парашюты уже достигли большого совершенства и простоты в обращении, все же их использование требует чрезвычайных хладнокровия и крепости нервов, т. е. качеств, которых нельзя ожидать у среднего массового пассажира.

Только теперь, после долгих испытаний на моделях, при разнообразной обстановке (различные: сила и направление ветра, нагрузка аэроплана, его система, скорость и пр.), пилот американского военного авиатора К. Эльзе снизился со своим аппаратом, на парашюте, с высоты в 750 м. Поднявшись, он выключил мотор и, не прибегая к планированию, освободил парашют, который под влиянием остаточной скорости аэроплана отделился от него и плавно расправился в воздухе... Сначала падение совершалось очень быстро, когда же парашют вполне раскрылся, оно стало прогрессивно замедляться... Интересно, что в первые моменты замедления падения аэроплан испытывал сильные матчиобразные колебания, постепенно однако затухшие... Спуск совершился в течение 1 минуты и 6 секунд. Первый опыт признан удачным.

Новый способ передвижения по воде и по воздуху.

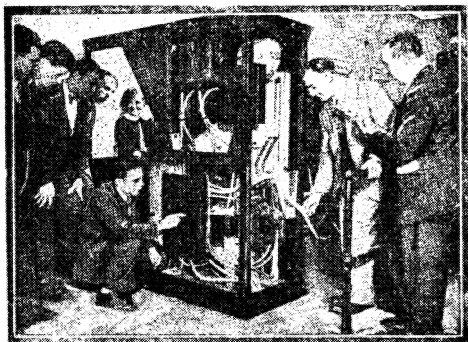

До настоящего времени главные способы передвижения для воздушных аппаратов и морских судов заключались в применении винта, который во время своего вращения как бы ввинчивается в окружающую среду и увлекает дирижабль или пароход. Винт настолько укрепился в своей области, что, казалось бы, трудно будет придумать ему взамен что-нибудь лучшее. Тем не менее, двум американским конструкторам, профессору Керстену и Бейнгу удалось построить двигатель нового рода, заменяющий при этом действие не только винта, но и рулевого механизма. Аппарат этот состоит (см. рисунок) из прочного круглого

кожуха, откуда выведено книзу несколько кругообразно расположенных лопаток, могущих вращаться на своих осях. В работе вращается вся внутренняя часть с укрепленными на ней лопатками, при чем последние имеют свое собственное вращение, загребая воду или воздух лишь с одной стороны. Поворот лопаток, конечно, происходит совершенно автоматически и может регулироваться так, что лопатки работают с одной или с другой стороны, давая судну передний или задний ход или заставляя его поворачиваться на месте—обстоятельство, особенно важное для парохода. Опыты с новым пропеллером, произведенные американским правительством, были настолько удачны, что это изобретение предложено применить, соответственно изменив его размеры, на строящемся большом дирижабле.

Фотограф-автомат.

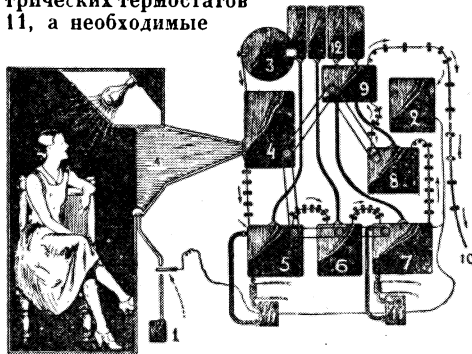
Всем, конечно, знакомы вокзальные автоматы, выбрасывающие за гривенник перронный билет. (Если, конечно, аппарат в исправности!) За границей и у нас в боль-

ших городах встречаются также автоматы для продажи пива, шоколада, папирос и т. д. В стремлении к возможно полной автоматизации одному американскому изобретателю удалось недавно построить любопытный аппарат, названный им «Фотоматон», который, при опускании в него серебряной монеты, без участия человека делает под ряд несколько фотографических снимков, проявляет, фиксирует, печатает, сушит и выбрасывает их через 8 минут совершенно готовыми в руки снимающегося лица.

На рис. 1 изображен общий вид аппарата (без боковой стенки) во время осмотра его многочисленной публикой. Лицо, желающее

сняться, садится слева и освещается ярким источником света. Готовые карточки сами собою выпадают из окошечка справа. Рис. 2 дает представление о схеме всего аппарата. Монета при опускании замыкает контакт 1 и приводит в действие автоматический механизм 2, приводящий в движение катушку со светочувствительной пленкой 3. Последняя проходит через камеру 4, откуда поступает в бак для проявления 5, для промывки 6, для фиксажа 7, снова для промывки 8, в сушильную камеру 9 и оттуда, наконец, через отверстие 10 выходит наружу, автоматически разрезанная на куски по 8 снимков каждый. Нужная температура в баках поддерживается посредством электрических термостатов 11, а необходимые

жидкости поступают из верхних резервуаров 12, содержимого которых хватает на три недели. Судя по отзывам, качество фотографий не уступает снимкам, сделанным при обычных условиях.